

на
боевом
посту

БП

12'91

ЖУРНАЛ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК



Застава между двух огней

Агата Кристи. «Свидание со смертью»

Ниндзя – черные демоны

на боевом посту

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

12'91

Издается с 1958 г.

Учредитель - МВД СССР

Главный редактор

А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. Ш. АМЕРХАНОВ

(зам. главного
редактора),

В. В. АФНАСЬЕВ,

Б. Р. БОРУКАЕВ,

В. И. БУСЫГИН

(ответственный
секретарь),

В. П. ВОРОЖИЛОВ,

Ю. В. ДУРНЕВ,

Э. В. КАЛАЧЕВ,

И. Т. КОЗЛОВ,

Н. П. КУЗЬМИН,

В. В. МУРАТОВ,

Е. А. НЕЧАЕВ,

Л. А. ПАНКРАТОВ,

Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,

Н. Н. ПРОКОПЕНКО,

Л. Л. СМИРНОВ,

П. А. СТУДЕНИКИН,

В. Н. УСКОВ

(зам. главного
редактора),

А. Г. УШАР,

В. С. ФРОЛОВ,

А. А. ШЕМАЕНКОВ,

В. И. ЯКУБОВСКИЙ.

■ НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ

ОБЛОЖКИ: лейтенант Игорь
Балушкин и его жена Инна.

Счастья вам, молодожены, в новом
году!

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.



	ЯНВАРЬ				ФЕВРАЛЬ				МАРТ						
пн.	6	13	20	27	3	10	17	24	2	9	16	23	30		
вт.	7	14	21	28	4	11	18	25	3	10	17	24	31		
ср.	1	8	15	22	29	5	12	19	26	4	11	18	25		
чт.	2	9	16	23	30	6	13	20	27	5	12	19	26		
пт.	3	10	17	24	31	7	14	21	28	6	13	20	27		
сб.	4	11	18	25		1	8	15	22	29	7	14	21	28	
вс.	5	12	19	26		2	9	16	23		1	8	15	22	29

	ИЮЛЬ				АВГУСТ				СЕНТЯБРЬ					
пн.	6	13	20	27	3	10	17	24	31	1	7	14	21	28
вт.	7	14	21	28	4	11	18	25		2	8	15	22	29
ср.	1	8	15	22	29	5	12	19	26	3	9	16	23	30
чт.	2	9	16	23	30	6	13	20	27	4	10	17	24	
пт.	3	10	17	24	31	7	14	21	28	5	11	18	25	
сб.	4	11	18	25		1	8	15	22	29	6	12	19	26
вс.	5	12	19	26		2	9	16	23	30	7	13	20	27



АПРЕЛЬ				МАЙ				ИЮНЬ					
	6	13	20	27	4	11	18	25	1	8	15	22	29
	7	14	21	28	5	12	19	26	2	9	16	23	30
1	8	15	22	29	6	13	20	27	3	10	17	24	
2	9	16	23	30	7	14	21	28	4	11	18	25	
3	10	17	24	1	8	15	22	29	5	12	19	26	
4	11	18	25	2	9	16	23	30	6	13	20	27	
5	12	19	26	3	10	17	24	31	7	14	21	28	

ОКТАБРЬ				НОЯБРЬ					ДЕКАБРЬ					
	5	12	19	26	2	9	16	23	30	1	7	14	21	28
	6	13	20	27	3	10	17	24	2	8	15	22	29	
	7	14	21	28	4	11	18	25	3	9	16	23	30	
1	8	15	22	29	5	12	19	26	4	10	17	24	31	
2	9	16	23	30	6	13	20	27	5	11	18	25		
3	10	17	24	31	7	14	21	28	6	12	19	26		
4	11	18	25	1	8	15	22	29	7	13	20	27		

*Счастливым людям,
1992 дорожке
читателям!*

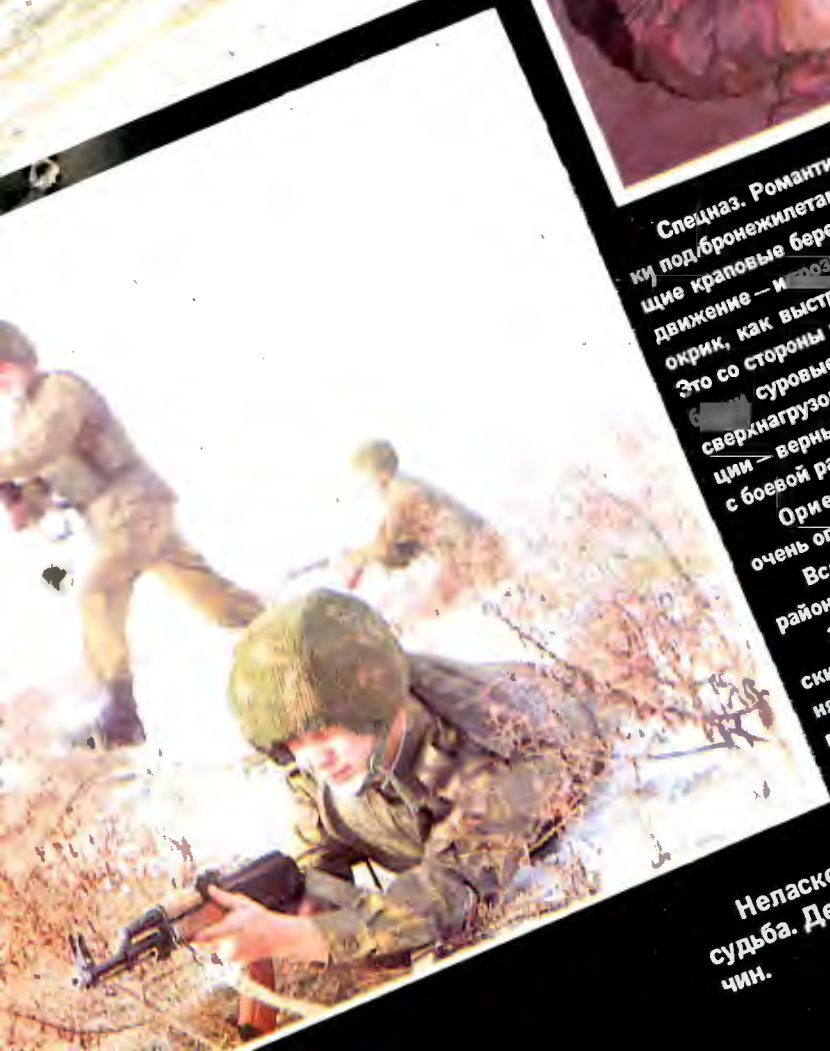
ДЕЛО.



ДОСТОЙНОЕ
МУЖЧИН

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.





Спецназ. Романтика: тельняш-
ки под бронезилетами, лихо сидя-
щие краповые береты, неуповимое
движение — и ~~шорох~~ лязгает затвор,
окрик, как выстрел: "Руки вверх!"
Это со стороны взгляд. А изнутри —
суровые. Занятия в режиме
сверхнагрузок (дилетант на опера-
ции — верный провал) плотно слиты
с боевой работой.
Ориентировка: "вооружен и
очень опасен". И... "вперед, парни!"
Вспыхнули распри в особом
районе — "помогите, береты!"
Захват заложников, человече-
ские жизни на волоске — "послед-
няя надежда на ~~этих~~ ребята!" И сно-
ва застегив бронезилет, в мгнове-
ние ока пустует пирамида для
оружия... Готовы!

Неласковая, но завидная
судьба. Делодостойное муж-
чин.



Сначала армию травили. Потом взялись по ней причитать. Сегодня она, как и прежде, брошена на произвол властителей судеб. Многие в ее рядах растерялись, некоторые побежали. Но не оставляют войскового строя люди, подобные герою очерка, публикуемого в этом номере журнала. Майор Виктор Спиридонов, кавалер ордена Красного Знамени, остается верен своему призванию защитника Отечества. В трудные для войск дни он, недавний командир роты спецназа, а после тяжелого ранения — офицер штаба соединения, все силы кладет на то, чтобы войска стали такими, какими они должны быть: высокопрофессиональными, свободными от рутины и бюрократизма, отвечающими требованиям своего времени. Для него неизблемыми святынями остаются Родина и народ, которым присягал. На том стоял и стоять будет настоящий офицер.

НА ТОМ СТОИМ

Фото
Б.БУЛГАКОВА.

На снимке:
майор В.Спиридонов.

СОДЕРЖАНИЕ



■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ	
БУЛГАКОВ Б. На том стоим (очерк)	2
КИСЛЫЙ Ю. Застава	20
Письма читателей	27
ЯСТРЕБА В. Бумеранг	29
АФАНАСЬЕВ В. Есть ли у офицера сберкнижка?	32
РЫЛОВ В. Где так вольно дышит... кубометр	36

■ ПРОЗА, ПОЭЗИЯ

ЕРХОВ Е. Все, что со мною случилось (стихи)	8
МУРАТОВ В. И метнулись тенями горы... (рассказ)	10
КРОХИН И. Стихи	54
КРОХИН П. Ворон — птица ночная (повесть, оковчанье)	55
УШАР А. Банька (рассказ)	64
КРИСТИ А. Свидание со смертью (роман, оковчанье)	68

■ ПУБЛИЦИСТИКА

КАРПОВ Б. Подполковник Сергей Синельников: «Я начинал не с нуля»	38
АНДРОНОВ И. Алабамское правосудие	43
ЛОБОЦКИЙ А. «Арестовать. Ежов»	49

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

РОНИН Р. Черные демоны	84
Между нами, женщинами	88
Клуб знакомств «Возможна встреча»	90
Шахматный клуб	92
СЕВОДНЯЕВ В. И на ошибках учатся (о жизни собачьей: советы специалиста)	93

Указатель основных материалов, опубликованных в журнале «На боевом посту» в 1991 году	94
---------------------------------------------------------------------------------------	----

Журнал
зарегистрирован
25 сентября 1990 года
в Госкомпечати СССР
под № 241

ATTENTION FOREIGN READERS!

East View Publications handles:
o subscriptions
o back issues
o advertising
for *Na boevom postu*.
For further details,
please contact us at:

EAST VIEW PUBLICATIONS,
12215 North 28th Place,
Minneapolis, MN 55441 USA
voice: (612) 550-0961
fax: (612) 559-2931

Адрес редакции:
Сыромятнический
проезд, 8,
107120, Москва, В-120.
Телефоны:
361-82-57,
361-81-71.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

■ **«Все знают, что бывает, если сплунз на пришлёт вовремя, но очень трудно оценить результат, когда он прибывает заблаговременно...»**

В. ГЕРАЩЕНКО. «Первые».

■ **Владимир ЛЕСИН: «...все более обостряющийся и углубляющийся кризис охватил практически все стороны жизни — экономику и управление, политику и национальные отношения, культуру и общественную мораль».**

«Экономика России».

■ **«Ночные беседы». Известный писатель Николай КУЗЬМИН на фоне крупных международных конфликтов последних десятилетий размышляет о судьбе Отечества.**



Художественное оформление
Е. К. Селиновой,
Э. П. Копылова.
Корректоры
Е. Ю. Гаурилова,
И. Ю. Семибратова.

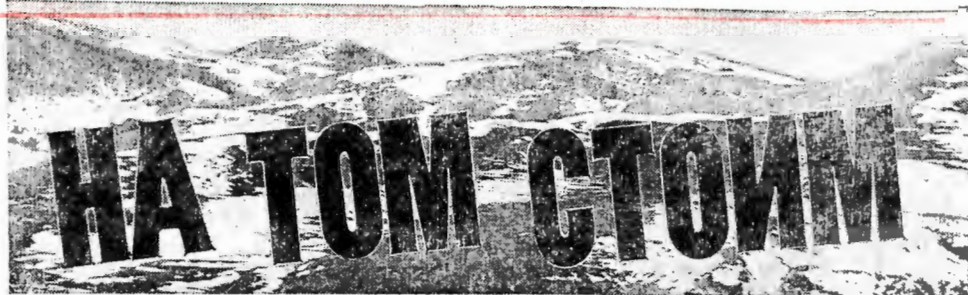
За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы материалов.

Сдано в набор 5.10.91 г.
Формат бумаги 70x108^{1/8}.
Уч.-изд. л. 13,3.

Тираж 105000 экз.

Подписано к печати 18.12.91 г.
Усл. печ. л. 8,4^{1/4} п. л.
Зак. № 2793. Цена 90 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.



ЛЕГКО вам, товарищ майор, попрекать, какие мы недобросовестные, безответственные и т.д. — у вас там в дивизии подчиненных нет. А тут у каждого по три десятка на шее сидит. С утра до вечера на них любуемся.

Лейтенант затянулся сигаретным дымом с видом бесконечно уставшего от службы человека. Только что закончился строевой смотр, рота получила «неуд», а он и за взвод, и за себя лично «двойку» схлопотал и теперь, сидя в курилке, оправдывался. Майор Спиридонов смотрел на него и думал: «Нахален мальчишка. Я в его годы вот так с майором заговорить не осмелился бы. Впрочем, смелость тут ни при чем. В последнее время между людьми стал складываться иной, чем прежде, стиль отношений. В одних проявилось больше достоинства, в других — наглости. Внутренней культуры не хватило. Вот и этот — инвалид воспитания».

Вслух Виктор сказал:

— Еще совсем недавно я ротой командовал и имел в подчинении не три, а трижды три десятка бойцов. Только они у меня на шее не сидели и обузой для меня не были. Многие из того, чего вы от солдат добиться не можете, мне своим даже приказывать не приходилось. Принцип «делай, как я» действовал в роте железно. Оставалось только самому быть всегда на уровне. А вы на строевой смотр в нечищенных сапогах явились, на полах шинели — бахрома, как у индейца.

Лейтенант криво усмехнулся:

— Неужели вы всеерьез думаете, что, если я завтра приду в зеркально надраенных сапогах, то мои архаровцы сразу бросятся сапожные щетки искать?

— Я думаю, что они вашего «подвига» не оценят. Скажут: взводного за «двойку» выдрали, как сидорову козу, вот он задним числом и прогнулся. Не исключено, что подчиненные блеска ваших сапог вообще не заметят. Солдаты пристально присматриваются к командиру, с которого берут пример, а вашим на вас смотреть нечего: вы для них не командир, а погоня-

ла, к тому же подневольный — без желания ведь служите. Извините за резкость, но я полагаю, что не с барышней в парке разговариваю.

Лейтенант носком сапога погонял перед собой окурки и уже с какой-то кляпящей интонацией спросил:

— А что бы вы, товарищ майор, сделали, если бы вам подчиненные сказали, что не будут выполнять ваше распоряжение?

— Подал бы рапорт об увольнении. Командиру, которому солдаты позволяют себе такое сказать, в армии делать нечего.

Лейтенант шмыгнув носом, как пацан, и спрятав ноги под лавку. Спиридонов задумался о таких же, как этот, молодых офицерах, о том, что слишком много сегодня стало инфантильных бездельников в армии. Приходит в роту выпускник училища и первые год-полтора все оглядывается вокруг в поисках того, кто за него возьмет на себя ответственность. А через полтора года, когда сослуживцы уже поймут, что на новенького положиться нельзя, и молча распределят между собой его обязанности, вчерашний застенчивый новичок превращается в вальяжного директора взвода, отпускает живот и начинает с нетерпением косить глазом на погон, в ту самую точку, где по его скрупулезным подсчетам должна вскоре появиться еще одна звездочка. И плевать ему на то, что в его взводе у рядового Иванова вдруг «нарисовался» синяк под глазом, от сержанта Петрова перегаром несет, а ефрейтора Сидорова третий день в строю не видно.

Виктор вспомнил экзамен по уставам, который принимал накануне. В одной роте сразу три взводных не у дел: один «смертельно» болен — у него плоскостопие, а два других, Сомик и Помыкин, на армию до слез обижены и откровенно саботируют службу. Ну влепил обоим по «двойке», так им это до лампочки. Сами нарываю-ются на открытый конфликт, лишь бы уйти из армии. Держать их в войсках насильно нет никакого смысла. А как уволить, если они ни автопарк не сожгли, ни штаб полка не взорвали. Исправно являющиеся к месту службы и с энтузиазмом «околачивают

груши». Нет такого закона, чтоб беззаветных тружеников выставлять за ворота. И рублем их не накажешь. По справедливости, оклады этих саботажников надо бы платить ротному, который за троих вкалывает. Ан нет, по закону не положено. Стало быть, закон со справедливостью не стыкуется.

Спиридонов покосился на лейтенанта, который снова сунул в рот сигарету, и пожалел, что бросил курить. Когда накатывают мысли вроде сегодняшних, так и хочется затынуться. Но бросил так бросил. Тем более, что курева теперь не достать, разве что у кооператоров по «договорной» цене. Они надежда и опора нашей агонизирующей экономики. Им внимание и матблага. А седому сорокалетнему капитану, угробившему молодость и судьбу в таких местах, куда ни одного кооператора даже валютой не заманишь, — барак вместо квартиры, бронжилет от простуды и «путевку» в Нагорный Карабах. Ну а убьют — вечная память в узком кругу близких родственников и казенный оркестр на полчаса.

«А ведь и сам по краю той ямы прошлепал, — подумалось Спиридонову. Он снова отключился от окружающего, унесясь мыслями в январь прошлого года, в Степанакерт.

СИДЯ в содрогающемся чреве вертолета, Виктор каждой клеточкой тела чувствовал, с какой натугой машина отрывается от земли. Так и тянуло, подобно Мюнхгаузену, ухватить себя за воротник и приподнять над рязбым от заклепок полом, стараясь облегчить «вертушку». Да, нагрузили ее изрядно: двенадцать мужиков, не считая экипажа, все в сферах, в бронжилетах, при оружии и боеприпасах.

Но вот, наконец, земля в иллюминаторе стала уходить вниз и назад. Виктор окинул взглядом подчиненных. Двое — рядовой Сергей Шамрай и сержант Игорь Белов — прикикли к иллюминаторам. Они наблюдатели. Их дело — смотреть в оба и сразу докладывать, как только внизу появится что-либо необычное. Остальные, привалаясь к бортам вертолета, спали. Этой поразительной способностью — моментально засыпать при любом грохоте, при любой тряске — обладает только солдат. Ему через двадцать минут — в бой, жизнью рисковать, а он дрыхнет себе как ни в чем не бывало.

Вон Андрей Вакуленко вытянулся вдоль всего салона, взгромоздив поверх вещмешка башмаки, похожие на два танка. На одном подошва лопнула. Брюки на коленях залатаны. Заплатки то там то здесь почти у каждого. Сделаны они из отпортовых карманов. Сколько уже в Москву писали, предлагая сократить сроки ношения обмундирования — как в Бермудский треугольник: там от исчезнувших кораблей даже следов топлива на воде не остается, так и на те послания — ни ответа ни при-

вета. Гласность есть, а слышимости — ноль. Невеселые размышления Спиридонова прервал голос сержанта Белова, побагровевшего от старания перекричать грохот двигателя:

— Товарищ капитан, почти по всем тропам движутся вооруженные люди. Похоже, к одному месту стекаются.

Ротный кивнул, а сам подумал: «Все верно, туда они и идут, куда мы летим. Десять человек против вооруженной толпы, мягко выражаясь, не густо. Проводник и корреспондент — не в счет. Этим самим опекать придется».

Спиридонов взглянул на журналиста. Тот, не отрываясь, смотрел в иллюминатор. «Из «Гудка», кажется, — припомнил Виктор. — Ох уж эта пресса! И как только корреспонденты умудряются коменданта убедить, что без них воевать нельзя? А вообще-то правильно: пусть посмотрят, какого здесь буфером быть и как «мирное население» поливает беззащитный поселок из пулеметов и автоматов. А то некоторые, не выезжая из столицы, такую ахинею строчат! Правда, придется теперь на этого «гудошника» оглядываться — как бы где не высунулся невольпад. Влепай пулю в лоб, и поминай — Митькой звали...»

ВЕРТОЛЕТЧИКИ, не приземляясь, «высадили» их с трехметровой высоты в сугроб. Со склона горы ударил автомат, заставив всех зарыться в снег. Не бог весть какая защита, однако прицельно по тебе уже лупить не смогут. Вскользь промелькнула мысль о солдатах: хорошо, что в бане не успели распариться...

Рота спецназа, которой командовал Спиридонов, четвертый месяц несла службу в НКАО. «Несла службу» — слишком мирно звучит. Как там у Блока: «Покой нам только снится»? Это в самый раз. А бывало и так, что покой даже и присниться не мог — спать было некогда. Рота находилась в резерве коменданта особого района. Такой резерв ничего общего со штабной свитой не имеет. Хотя и свите частенько приходилось не сладко. Ну а резерв коменданта — палочка-выручалочка на случай прорыва: боевые группы то и дело срывались с места и мчались на помощь, или на азербайджанский прииск, или к армянским пастухам. Когда все подразделение собиралось в Степанакерте, получалось что-то вроде краткосрочного отпуска для всех сразу, правда, без выезда на родину. А если к тому же удавалось вырваться в баню, то, как говаривал сержант Андрей Вакуленко, это было «ваажель».

Вот и в начале января несколько дней выдалось тихих. То ли экстремисты после встречи Нового года никак в себя прийти не могли, то ли еще что, но роту не дергали, однако держали все время в боевой готовности, как палец на спусковом крючке.

Людмила плешь проела Спиридонову: «Идите к коменданту — надо роту в баню

вести». Настоячивая женщина прапорщика Анохина! Фельдшер подразделения, а что касается авторитета в коллективе, то ротному не уступит. Афганистан прошла, в Карабахе на боевые операции летала. Неряхам от нее спуску не было. Ежели кто после обеда котелок не вымыл, будет иметь бледный вид. Ежедневный утренний осмотр личного состава — закон! Благодаря ей в роте не было обнаружено ни одной вши. А кое-кому из соседей приходилось вести войну на два фронта: с бандами боевиков и вшей.

Явился Спиридонов к коменданту: так и так, мол, третью неделю в бане не мылись.

Солдаты уже хохмить начали. Один другого спрашивает: чего, дескать, больше ждешь — бани или дембеля, а второй ему отвечает: жди не жди, а всему свой черед: сначала дембель, потом баня.

Об этом, правда, коменданту докладывать не стал. Генерал добро на помывку дал, но времени отпустил час. «Вы, — говорит, — меня без резерва оставляете, а тут всего можно ожидать». Как в воду глядел. Только рота под окнами каблуками отгрохотала, прибегает посыльный: «Товарищ капитан — к коменданту!»

Вяжилось, что в Шаумяновском районе азербайджанские боевики раньше других от похмелья отошли и потянуло их на «подвиги». Нацелились они на армянский поселок Манашид. Судя по позициям, которые у них возле поселка были оборудованы, готовились к расправе заранее. Предусмотрели и то, что на защиту жителей села могут прибыть солдаты, — вооружились до зубов.

Спиридонову приказали взять отделение наиболее подготовленных бойцов и лететь к Манашиду — задержать банду до прибытия основных сил.

ПО КОМАНДЕ ротного группа рассредоточилась и начала оккупываться. Из поселка на поддержку к военным пробрались несколько мужчин. Некоторые с охотничьими ружьями, два милиционера с пистолетами, остальные — с вилами, кинжалами, тесаками. Когда враги на пороге твоего дома, силы соизмерять не приходится, защищайся тем, что имеешь. А пришли именно враги, может быть, такие же крестьяне, обманутые закулисами «хозяевами жизни», теми, которые натравили в Баку на армянские семьи уголовников, и они запалили живые факелы; теми самыми, которые в свое время разворовали цемент со строек Ленинанкана и Спитака для своих дач и обрекли на смерть тысячи людей. Сами-то вдохновители бойни в горы под пули не лезут. Зачем? Все можно купить, благо, денег в достопамятные времена наворовано не на одну дикую дивизию.

Спиридонов не удивился бы, если бы узнал, что азербайджанские и армянские мафиози варят свое кровавое варево рука об руку. Ворон ворону глаз не выклюет, а хаос и националистический психоз рабо-

тают и на тех и на других. Вот и науэскивают они друг на друга два народа, и приходится ему, офицеру внутренних войск, со своими подчиненными принимать огонь на себя. Кто они здесь? С двух сторон, на двух разных языках их осыпают бранью, клеймят оккупантами. Те, кто послал сюда войска, пытаются внушить, что они в Закавказье — гарант мира и безопасности. Какого мира?! Какой безопасности?! То и дело из Гянджи взлетают самолеты с гробами на борту. В разных уголках России грохочут молотки кладбищенских умельцев, забывая крышки этих гробов у разверзшихся могил. Срывают голоса матери, проклиная убийц своих сыновей. Все это уже было. Было совсем недавно. Называлось «Афганистан». Тянулось девять лет. Сколько будет тянуться здесь?

...Справа от командира орудовал саперной лопаткой сержант Дмитрий Трикос. Взглянув на него, Виктор подумал: «Этот здесь под пули идет, а у него дома его же сверстники или парни чуть постарше от призыва бегут как черт от ладана; предпочитают женскими трусиками торговать. Сидит здоровенный мордovorот, ларек на себя надел и деньги комком в карман заталкивает...»

Затихло звяканье саперных лопаток о лед и камни. Окопы готовы. На той стороне — тишина. Может, одумались? И рады бы уйти подорожничать, но друг перед другом гроношатся. Нам наших парней гробить тоже ни к чему. Что ж, попробуем сделать первыми шаг навстречу.

Виктор встал, поднял руку, всем своим видом показывая, что вызывает противника на переговоры. Рядом с ним по снегу запрыгали белые фонтанчики. Уже упав в окоп, услышал треск автомата. Может, какой-нибудь неврастеник не выдержал, поспешил пальнуть? Переждав несколько секунд, Виктор еще раз попытался подняться, но, увидев на склоне горы сразу несколько вспышек, снова прыгнул в окоп. Нет, до разума не докричаться. Придется объясняться иначе.

Дал команду открыть огонь. Все пространство долины заполнилось трескотней выстрелов. Левее и выше себя Спиридонов услышал дробь пулемета. Разглядел гнездо пулеметчика на скальном выступе: «Грамотно расположился, всю позицию отделения контролирует. Так дело не пойдет».

Взяв с собой рядового Андрея Туголукова, ротный по глубокой колее отполз в сторону и, оказавшись вне поля зрения бандитов, стал подниматься на гору. Солдата Виктор оставил внизу для прикрытия. Когда он вскарабкался наверх, то прямо под собой увидел пулеметное гнездо и пятерых бандитов, ведущих перестрелку с Туголуковым. Каждая их пуля могла оборвать жизнь парня. Не раздумывая ни секунды, Виктор дал длинную очередь. Трое остались лежать, а двое, как тараканы, сплунули в разные стороны. Спустившись к дороге, увидел, что Туголуков лежит неподвижно, уткнувшись лицом в снег.

Первое, что пришло в голову, — убит. Но солдат пошевелился.

— Андрей, что с тобой?

Никакой реакции.

— Андрей, ты ранен?

Туголуков поднял голову. Лицо серое, глаза бессмысленные, как пуговицы: что-то пробормотал и снова уткнулся в снег. Виктор понял, что Туголуков цел, но уже не боец. Вот они когда сказались—два месяца поспешной подготовки только что сформированной роты. Стрелять и рукопашный бой вести научили, а на моральную закалку времени не хватило, без нее же солдат и с автоматом безоружен. А может, при отборе просмотрели. Другое-то держатся молодцом. Бывает в человеке такой изъян, что никакой подготовкой его не переборешь. Как говорится, поливай не поливай — не растет банан во Пскове.

И тут случилось что-то такое, чего он сразу не понял и не почувствовал. Просто перед глазами исчез свет, будто солнце выключили, как электрическую лампу. Сколько длилось черное бесчувствие, Спиридонов не знал. Из небытия его вырвала боль в груди и в правой руке. Когда снова вспыхнул свет, первое, что увидел, это разрастающееся багровое пятно под локтем и два маленьких отверстия в рукаве. Очень хотелось поглубже вздохнуть, но резкая боль в боку не давала этого сделать. Окончательно стряхнув с себя оцепенение, Виктор вскочил, подхватив левой рукой автомат, выстрелами показал ошарашенному Туголукову, в каком направлении вести огонь, и, стреляя, побежал к отделению. Там подсказал заму, как перегруппировать силы, остерег корреспондента, который так и не ушел в поселок, несмотря на настоятельные советы. Крепкий мужик оказался, достойный места в строю.

Один из «ополченцев» сельской подмоги поспешно сдернул с шеи шарф и принялся перетягивать им руку офицера выше локтя. В доме, куда его привели сельские, было темно. Электричество бандиты сочли роскошью для осажденной деревни. На столе коптила керосиновая лампа. Молодой парень уложил Спиридонова на кушетку, ножом обрезал рукав. Увидев разорванную в клочья обшивку бронжилета, запустил руку в прореху и слегка надавил. Виктор дернулся и застонал.

— Все ясно, — заключил лекарь, — крови нет — бронжилет спас, но ребра скорей всего сломаны.

Он принес внушительных размеров бутылку с прозрачной жидкостью, наполнил до краев эмалированную кружку и протянул Виктору, сопроводив информацией:

— Тутовка. Фольклорный наркоз. пей все.

Виктор подчинился. Содержимым той же бутылки деревенский эскулап промыл нож и, с сомнением глянув на пациента, обнадежил:

— Насмерть не зарежу, но держись, капитан.

Действовал он решительно: то ли уже имел опыт, то ли таким образом преодолел собственный страх. Спиридонов собрал все силы, какие в нем оставались, и терпел. Парень наковырял из сделанного им надреза горстку осколков кости, взял швейную иглку с обыкновенной ниткой, поокунал свое орудие в тутовку и принялся зашивать рану с хладнокровием сапожника, латающего валенок. Когда он кончил, Виктор перевел дух и левой рукой сгреб с лица ледяной пот.

— Молодец, слушай! — одновременно удивленно и восхищенно воскликнул лекарь, держа окровавленные руки на тепле, что еще больше усиливало выражение удивления во всей его фигуре.

— За помощь спасибо, — сказал Спиридонов.

— На здоровье. Но дальше я тебе не помощник. Нужна настоящая операция, а то без руки останешься...

КОГДА в Ереване Виктора привезли в НИИ ортопедии и травматологии, пуховая подушка, которую еще в Манашиде кто-то заботливо подsunул ему под руку, насквозь пропиталась кровью. Медсестра, собираясь взять кровь на анализ, уколола ему палец. С таким же успехом она могла бы колоть свечку — крови не было.

— Господи! Как же вы еще живы? — вырвалось у нее.

Кровь взяли с помощью шприца. Операцию делали директор института и лучший хирург. Шесть сантиметров кости, выбитой пулями, воспользовались костной тканью, взятой от бедра. Операция прошла блестяще. Героя положили в отдельную палату. И началось! Газетки, фотокорреспонденты, телевизионщики! Дверь в палату не закрывалась. За прессой ринулись пионеры, «ходоки» от предприятий, растроганные доброжелатели... Словом, народная тропа к нему не зарастала. Фруктов нанесли — не палата, а колхозный рынок. Цветами всех медсестер одарил. Им и врачам Виктор был искренне благодарен. Мог ведь и в цинковый ящик сыграть или руки лишиться. А они спасли.

Но вот следующий приезд в Ереван оставил по себе другую память. После первого раза в институте настойчиво рекомендовали повторную операцию делать у них, а приехал, и пришлось чуть ли не кулаком стучать по директорскому столу, чтобы обратить на себя внимание. Медсестры, прежде порхавшие вокруг его койки, как бабочки над клумбой, теперь принужденно улыбались через плечо, на всякий случай — помнили еще, что он пациент самого директора. Послеоперационный уход за ним взяла на себя жена. Герои прошлого, пусть даже очень недалекого, становятся обременительны необходимостью воздать им должное.

..Уже после операции Спиридонов узнал от сослуживцев, как закончился бой. Зам его, Местюков, закидал позиции бан-

дитов гранатами из подствольника — убедительная вещь. Несколько снайпер упокоил. А солдаты, когда узнали, что ротный ранен, рванулись в атаку и разогнали всю эту публику к чертовой бабушке.

Нет, все-таки парней он в роту набрал — что надо! Жаль только — недолго им вместе служить. Срок солдатской службы всего два года. И это — ахиллесова пята армии. Только-только вчерашний школяр становится специалистом, а глядишь — его пора уже домой провозжать: в строю спясть остаются недоучки. Получается, что армия постоянно пребывает в полуфабрикатном состоянии. А сколько времени солдат занимается не своим делом! Был, обслуживание техники — все на нем. И все это, словно молох, пожирает время боевой учебы. Нет, без профессиональной организации не обойтись. В каждом батальоне должен быть хотя бы взвод обеспечения, который возьмет на себя заботу о быте, нужны взводы техобслуживания и связи. А у основных подразделений задача должна быть одна — постоянная боевая готовность на высочайшем уровне профессионализма. Любительская система давно себя изжила. Да еще если б в армию любители шли, а то ведь большей частью — принуддилетанты. А принудиловка и дилетантизм потерями оборачиваются. У него-то в роте все целы. А потому, что гонял, как говорится, и в хвост, и в гриву, старался сделать из подчиненных хоть в какой-то мере профессионалов, правда, с символическими окладами.

ОТ РАЗМЫШЛЕНИЙ Виктора снова оторвал голос лейтенанта. Он уже с минуту что-то говорил, но его слова не доходили до сознания Спиридонова. Первым зафиксировался обрывок фразы:

— ...а сами на приветствие не отвечаете.

Окончательно вынырнув из пучин воспоминаний, Виктор почти скомандовал:

— Еще раз!

— Что? — не понял лейтенант.

— Извините, не уловил сути ваших претензий, начало прослушал.

— Я говорю, вы нас все попрекаете, мол, не военные люди, чувство долга у нас не развито. На строевом смотре к каждой мелочи придирались: не так ладонь держишь, не так голову поворачиваешь, а сами, когда наш ротный вам докладывал, даже руку к козырьку не приложили.

Виктор усмехнулся, подумав: «Гляди-ка ты — заметил. Впрочем, это гражданский мог бы не обратить внимания, а для военного человека подобная деталь, как муха в молоке, — проглядеть трудно».

— После ранения рука болит и немеет. Иногда даже пошевелить больно, — объяснил он и сразу же подумал, что получилась вроде оправдания. Что ж теперь, каждый раз сылаться на рану? Боль в локте уже не раз заставляла его с тоской думать с возможным уходе из армии. Спиридонов

гнал от себя эти мысли, но они возвращались вновь и вновь. Конечно, если он станет инвалидом, то получит пенсию да и работать еще сможет. Но тогда его опыт боевого офицера превратится в мешок денег после денежной реформы, когда красочные купюры становятся обоями для сортира. Нет, он командир до мозга костей. Какая к чертям пенсия? Боль пройдет. Это временно. Ведь отжимался же он рукой от подоконника, когда на ней стоял аппарат Гофмана. По сорок раз отжимался. Да, по сорок и больше. А теперь, здороваясь, приходится подавать левую руку и в толчее автобуса корпусом прикрывать правую. Шинель надевать жена помогает...

— Да, докатилась наша держава, — снова подал голос лейтенант, — искалеченного человека под ружьем держит, некем больше оборониться.

Слово «искалеченный» больно резануло слух. Виктор покосился на своего собеседника: от глупости эта черствость или за сегодняшнюю вздрючку отыгрывается? Нет, лицо лейтенанта выражало сочувствие. Ха! Вот это номер! Похоже, этот «транзитник» его еще и жалеет, не замечая собственного увечья. Вслух он сказал:

— Меня насильно под ружьем никто не держит. Для меня армия — не только среда для добывания средств к существованию. Не помню, у кого прочел, что место в жизни начинается с места в строю. Армия — это и есть место в строю и мой образ жизни. Что касается державы, то дела ее действительно неважны, коли даже в рядах ее защитников расплодилось нытики и слюнтяи, паникеры и кликуши.

— Слушаю я вас, — произнес лейтенант, — и не могу избавиться от ощущения, что мы в разных армиях служим: я — в той, которая существует на самом деле, в царстве унылой серости, прикрытой камуфляжем былых подвигов и заслуг, а вы — в вами придуманной.

— К сожалению, мы с вами сослуживцы, — возразил Спиридонов. — Но я действительно вижу армию другой, такой, какой она должна стать — сильной не числом, а умением, мастерством. И делаю для этого все, что могу. А вы спите и видите, как бы из нее сбежать. Куда? Туда, где легче? Но по совести жить везде трудно, а без совести — это уже не жизнь, а свинство. — Видя, как собеседник опустил голову, Виктор добавил: — На свой счет можете пока не принимать.

— А хоть бы и на мой, — безразлично произнес тот, — мне теперь эти поучения...

Спиридонов поднялся, обрывая разглаживание лейтенанта, и сухо бросил:

— Завтра в десять повторный смотр.

Стиснув зубы так, что скулы побелели, он козырнул и твердо зашагал по черной в красных разводах дорожке, минуту назад желтевшей свежим песком.

Майор Б. БУЛГАКОВ.
Ордена Красной Звезды
управление внутренних войск
по Северному Кавказу и Закавказью.



ПОЧЕМУ ВОЙСКА БЕЗ ВЫСТРЕЛА ВЫШЛИ ИЗ ГРОЗНОГО?

Минувший ноябрь еще раз красноречиво доказал, что метод закручивания гаек и сила как способ решения назревших конфликтов, видимо, исчерпали себя. Нынче запрет, если он таковым объявляется, вызывает эффект снежного кома: чем больше кто-то пытается сказать «нельзя-зя!», тем острее рождается противодействие.

Раз, другой прибегли к силовому давлению, чтобы замолкла невзоровская программа «600 секунд», а она вопреки воле петровых и югиных снова появляется на голубом экране.

А запрет на проведение октябрьских демонстраций! Ведь ничего не вышло из этой затеи мэров Москвы и Санкт-Петербурга. В Москве на Октябрьской площади, у памятника В. И. Ленину собрались десятки тысяч трудящихся, и чуть ли не столетичная колонна манифестантов прошла по Красной площади. Люди разных убеждений, самых полярных взглядов, многие из которых ранее избегали заорганизованных партбюрократами демонстраций и шествий, потянулись на улицы с красными бантами, а то и флагами. Что это? Протест против запретов, стремление сказать «нет» наступлению на благосостояние простых людей, тех, кто от зарплаты до зарплаты перебивается кое-как, мечется по очередям в надежде заполучить кусок вареной колбасы, а если повезет, и сыра? Да, скорее всего эти и многие другие причины, прежде всего социального характера, побудили людей пойти наперекор властям.

Августовские потрясения, казалось бы, убедили не только общество, но и руководство республики, что нынче ставка на силу весьма сомнительна. И тем не менее события в Чечено-Ингушетии попытались «вправить» в нужное русло с помощью введения чрезвычайного положения. И как всегда, буфером должны были стать внутренние войска. Еще один шаг, и могла пролиться кровь. Но, к счастью, этого не произошло... Войска покинули всклокоченный, как муравейник, Грозный 10 ноября, а уже на другой день парламент России высказался против введения чрезвычайного

положения в Чечено-Ингушетии и отменил президентский указ.

И в редакцию посыпались письма, не устывая, звонил телефон:

— Вы там должны знать, что случилось? Как это так войска не выполнили приказ?..

— Да разве это нормально?..

— Наконец-то возобладали здравый смысл, и войска вывели, не сделав ни одного выстрела!..

Действительно, пикантная ситуация. Окажи спецназовцы сопротивление вооруженным формированиям в Чечено-Ингушетии — и хотя они незаконны, что с того? — пролилось бы море крови. И снова нашлись бы правозащитники, которые бы обвинили во всех смертных грехах военных. А спецназу не привыкать к потокам лжи, грязи. Это было после Тбилиси, Баку, событий в Вильнюсе. Клейкие ярлыки «оккупантов», «бандитов» — да как только их не называли! — искалечили не одну юношескую душу.

На этот раз войска бы постигла та же участь. Как ни странно, а правовую основу под их действия в Грозном подвели довольно слабую. Даже в самый кризисный день — 9 ноября в республике не был создан орган власти, как это предусмотрено Указом о введении чрезвычайного положения. Словом, войска оставались без руководства со стороны законных временных органов управления.

Когда же мы научимся жить и действовать по законам правового государства? Видимо, ничему нас не научил Тбилиси, не до конца осознали мы тяжесть бакинской трагедии, не поняли, кто стоял за дирижерским пультом в январском Вильнюсе и кому было выгодно кровопролитие? А жаль... Пора бы. Пора уяснить и тем, кто посылает войска, и тем, кто пытается их введение использовать для накачивания страстей и одновременно для удовлетворения собственных амбиций. Пожалейте солдата, уважаемые политики! Нельзя с ним поступать, как с бездушным предметом. Не надейтесь на силу, больше уповайте на разум, на диалог, на консолидацию. Ведь так много еще надо сделать, чтобы возродить Россию из пепла.



Евгений ЕРХОВ

Евгений Ерхов родился в 1936 году в заволжском селе, воспитывался в детском доме. Окончил общевоинское командное училище в Томске и Московский государственный университет. Свыше тридцати лет отдал службе во внутренних войсках, полковник запаса. Член Союза писателей СССР, автор четырех поэтических книг.

ВСЕ, ЧТО СО МНОЮ СЛУЧИЛОСЬ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Полынью пахнет.
Горько пахнет. Сладко!
И стойко,
не в пример цветам любимым...
В шинели в декабре
отыщется вдруг складка,
не выветрившая полынный дым.

Потянет им
щемяще и тягуче,
повеет из такого далека! —
тоской неясной
от звезды падучей,
и ясной —
от домашнего дымка.

* * *

Пока душа приемлет лес и поле,
и лепет птиц, и говорок ручья,
не убоюсь земной своей юдоли,
ее несправедливого бича.

Синичка наледь на окне проколет,
проденет нить погожего луча —
и радость хлынет к сердцу, горяча,
и даст освобождение от боли.

И у синицы есть во мне нужда!
Кому была полезною вражда?
Соседаствуем,
друг друга не неволя.

Лишь загрузу,
лишь тяжело вздохну —
весь мир сойдется к моему окну,
пока душа приемлет лес и поле!

* * *

И выпили на посошок
незлую рюмочку печали!
Малиновый твой кожушок
был долго виден на причале.
Сквозь дымку, вставшую с воды,
казался солнышком закатным...
Во мне так и осталась ты
воспоминаньем невозвратным.
Течет, как и текла, река,
и так же ходит пароходик,
и каждая моя строка
на все, что о тебе, походит.
И только прежнего тепла
уже и сам я в них не слышу...
Ах, боже, — молодость была!
А может быть, и что-то выше.

ВСТРЕЧА

В ресторане ветераны
близкой все еще войны
всю солидность потеряли,
не сдержали слез они.
Под хмельком в застолье дружном
отпустили удила

напряженным вечно душам.
Память повод подала!

Не о ранах, что рубцами,
не болящими теперь,—
о друзьях,
о том, что сами
не прийти могли бы в Пермь.

Кавалер солдатской Славы
сокрушается навзрыд:
— Если бы не Тоська с Гайвы*,
я б на Шпрее был зарыт!

Прерывался голос ржаво,
говорил, как всей стране:
— Сердцем пулю задержала,
предназначенную мне.

И от этих откровенных,
простодушно-жутких слов
тихо сделалось мгновенно
у подвыпивших столов.

Стыдно было рюмкой звякнуть,
о своем заговорить.
А душою не размякнуть...
С кем такое может быть?!

И сидели мы, молчали,
все в одно погружены.
В ресторане.
В тесном зале.
На виду у всей страны!

БЕЗ ВИНЫ

Памяти деда

Никакая особая доля
уготована вам не была:
лес валить

и возделывать поле —
изначально мужские дела.

Не скажу, чтобы вечно в охоту,
только зря посчитал лиходея
наказанием
эту работу
и судом приговаривал к ней.

За чертой отчужденья треклятой,
не держащие зла под полой,
поднимали вы
землю лопатой,
рвали сосны двуручной пилой!

Без вины виноват...

Отболело,
черным илом осело на дно:
все ж хоть и подневольное дело,
а стране пригодилось оно.

И не просто вы ей пособили —
положили все силы свои!
И стоят города по Сибири —
точно храмы Руси на крови...

Не писать бы об этом,
и даже
можно в памяти выжечь дотла,
если б Правда великая ваша
утверждения в нас не нашла!

* * *

Вадиму Кожинову

Бьют в барабаны,
в фанфары дуют,
в тарелки медные гремят.
Хоронят, или торжествуют,
иль просто тишину гремят?..
Опять я слышу медь литую:
и дуют, и гремят, и бьют!
Что —
одобряют, протестуют
иль просто думать не дают?

ПОСЛЕ ВСЕГО

Все, что со мною случилось,
счастьем и болью ожгло,
вдруг от меня отлучилось.
И от души отлегло!

Не позабылось — все помню,
что мне на долю пришлось,
но — уже как посторонний,
не соглядатай, а все ж...

Не был в работе я хлипким,
и — не о том же тужить! —
что получилось великим,
всем теперь принадлежит.

Но и что сделано вами
вправе считать я своим:
как ни ряди — мы делами
в вечном родстве состоим!

И потому так отрадно,
так хорошо на душе
после всего, что обратно
не возвратится уже.

* Гайва — правобережный район Перми.



И МЕТНУЛСЯ ТЕНЯМИ ГОРЫ...

Рассказ

Весь мир познания не стоит... ЭТИХ
слезок ребеночка.

Ф. ДОСТОЕВСКИЙ.
«Братья Карамазовы».

1



В СЕ ВЫШЕ ведет уставших ребят крутая, узкая дорога. Солнце освещает заснеженные вершины гор. И снег, и вершины пылают багровым светом. Знаур наполнил кувшин водой из горной речки, посмотрел вверх. Трудно будет карабкаться с тяжелым и хрупким кувшином. Но наверху его поджидает Лали, и потому не хочется осторожничать.

Вон она, Лали. Ярко-зеленое платье облегает худенькую фигурку, темные тоненькие косички смешно торчат над ушами.

— Эй, Знаур, может, тебе помочь? Здесь ведь нет тропы,— кричит Лали.

— Вот еще...

Знаур ловко карабкается по камням, и вот уже он рядом. Лали восхищенно глядит на него:

— Как ты ловко, ну, прямо джигит!

Знаур и сам удивился, как ловко взобрался на косогор. Хотя чему удивляться? В свои двенадцать лет он с ребятами

уже дважды поднимался на гору Гермух. Но при чем тут джигит? Джигиты—ловкие всадники, а горы покоряют альпинисты. И он сказал ей об этом. Но Лали тряхнула косичками:

— А-а, все равно — джигит. Разве я была, как ты скакал на вороном Казбеке?

— Ладно, пошли, — смущаясь, проговорил Знаур.

Они шли через родное село по неширокой каменной дороге, разделяющей его пополам. Но Лали и Знаура эта дорога разделить не могла, как и их семья, как и десятки других грузинских и осетинских семей, испокон веку живших здесь бок о бок.

Правда, Лали последнее время приезжала сюда только на каникулы. А зимой она жила с матерью во Владикавказе. Мать у Лали была осетинка, а отец — грузин. Но он уже много лет не жил с семьей. Как-то уехал на курорт к Черному морю и больше не вернулся. Говорят, нашел там другую жену. А дедушка Шалва проклял его за это. Он всегда ждал в своем доме невестку и любимую внучку.

И они не огорчались старому человеку, приезжали. Мать обычно привозила Лали на зимние каникулы, а летом Лали жила у дедушки с мая до самого сентября.

Вес и этой зимой приехали...

Лучше бы не приезжали — попали на войну.

Когда началась эта бойня, мать хотела забрать дедушку во Владикавказ, но он отказался уходить от своей земли. Он был учитель.

— Нет, эта война не может длиться долго, — успокаивал он невестку. — В горах снова будет мир, и дети вернутся в школу. Вернутся, а их учителя нет. Сбежал.

К тому же дедушка Шалва не знал, как там, за Кавказским хребтом, отнесутся осетины к нему — грузину.

А потом была та зима страшная ночь. Всюду стреляли, пылали дома, гремели взрывы гранат, и отец Знаура забрал к себе в дом и старого Шалву, и Лали с матерью.

Напавшие грузинские боевики, наверное, не тронули бы дедушку Шалву. Но мать Лали была осетинкой... Они могли не пощадить и Лали.

...Вот дом дедушки Шалвы. Сейчас на его месте глыба закопченных камней. А напротив дом Знаура, он еще цел. Только выбиты в окна стекла, и стены иссечены пулями и осколками.

Может быть, дом уцелел потому, что, когда в ту холодную январскую ночь напали боевики, отец очень долго отстреливался из автомата, не подпуская к дому бандитов. И откуда у отца оказался автомат? Прежде Знаур видел в доме только охотничье ружье. Вообще-то в селе у многих появились автоматы, пистолеты...

Отец отстреливался до тех пор, пока не подоспели русские солдаты. Они отогнали боевиков, спасли дом, но отца спасти не успели. Он так и погиб — с автоматом в руках. А на следующий день собрались

друзья отца. Они выдолбили в промерзшей каменной земле могилу и похоронили его прямо во дворе. Дорога на кладбище простреливалась.

И мать Лали похоронили не на кладбище, а рядом с отцом Знаура...

После той жестокой ночи она все же решила вывезти Лали через Рокский перевал, через тоннель во Владикавказ. И она вышла попутный ЗИЛ. Но едва машина выехала за село, ее обстреляли из пулемета...

Проходя мимо своего дома, Знаур услышал голос матери:

— Дети, подойдите. — Она развернула чистую тряпицу и протянула Знауру небольшую кукурузную лепешку. — Передайте дедушке Шалве. Пусть простит меня, но в доме больше нет ничего съестного.

Лепешка была такая маленькая, что легко уместилась в брючном кармане Знаура.

— И еще, Лали, Знаур, попробуйте его уговорить. Пускай идет жить к нам. Я попробую договориться с военными, они помогут нам выбраться на север.

— Хорошо, мы попробуем.

Знаур взгромоздил на плечо кувшин, и они пошли дальше. Им надо было выйти на окраину Цхинвали, пройти к дому престарелых, где уже который месяц живет дедушка Шалва. Конечно, это он для Лали дедушка Шалва, а для Знаура — Шалва Платонович, потому что для каждого учителя — хоть молодого, хоть старого — надо называть по имени и отчеству.

Рядом с дорогой — колодец. Здесь всегда собирались люди — и грузины, и осетины. Колодец всех поил вкусной ключевой водой. Теперь к нему никто не подходит. Говорят, что воду отравили. Вот этого Знаур никак не может понять. Ну, чего-то взрослые не поделили, из-за чего-то вдруг врагами стали, а при чем тут колодец? Ведь пить хочет каждый.

За последними домами они свернули в лес, который по довольно крутому склону уходил вверх.

— Знаур, а эдельвейсы еще не расцвели? Говорят, это самые красивые горные цветы. И я где-то читала, если юноша найдет в горах эдельвейс и подарит его девушке...

— Эдельвейсы у нас на Кавказе не растут, — с сожалением проговорил Знаур. — Я тоже читал про эдельвейсы. Они растут в Альпах и на Памире. А у нас растут рододендроны.

— Они красивые?

— Очень. Но еще, наверное, не расцвели. Да что ты все про цветы. Вот посмотри лучше. — Знаур пошарил в кармане, достал пули.

— Что это? — спросила Лали.

— Пули. А отгадай, какие от автомата, какие от пистолета? — он дерекатывал в ладонях желтые кусочки смертоносного металла и с превосходством поглядывал на Лали. — Не знаешь, конечно. Смотри, вот эта от пистолета Макарова. Эта — тоже от пистолета, но Марголина. А вот видишь, какая большая. Эта от ДШК.

— А что такое ДШК?

— ДШК — это крупнокалиберный пулемет Дегтярева-Шпитального.

— Откуда ты все про это знаешь?

— А-а, у нас все мальчишки про это знают. Вот послушай: БРДМ. Что такое? Ни за что не отгадаешь. А это — бронированная разведывательно-дозорная машина. Я даже катался на ней, — не выдержал и прихвостнул Знаур и, смутившись, глянул на Лали — поверила ли?

Но Лали вроде и не слушала. Она встревоженно глядела в широкий просвет между деревьями.

— Смотри, Знаур, что это?

— Большая гроза будет, — тревожно проговорил Знаур. — До дедушки Шалвы не успею.

— Что же делать? — Лали обхватила тонкими руками узкие плечики, будто съезжилась от холода.

— Не бойся, я знаю пещеру. Тут недалеко, только надо спуститься в ущелье. Ты держись за меня, не бойся.

Тропинка зигзагами уходила вниз, удержаться на ней было не так просто. Но Знаур хорошо знал тропинку. Не раз они с ребятами спускались по ней даже бегом. Однако сейчас надо быть осторожным. Лали может упасть, да и кувшин уронить можно.

Так и случилось, как подумал Знаур. Внезапно Лали ойкнула, выпустила руку Знаура. Он успел-таки обхватить ее за тонкую талию и прижать к земле. А кувшин полетел под откос, рассыпаясь на мелкие черепки.

Они все же спустились в ущелье, перешли мелкую холодную речку и почти в полной темноте двинулись дальше, ориентируясь по kloкочущим звукам воды.

Внезапно из-за выступа скалы и откуда-то сверху их осветили сразу несколько лучей карманных фонариков.

— Стой! Кто идет? — раздался властный голос.

Ребята молчали, прикрыв ладонями лица от слепящих лучей.

— Отвечайте, кто такие? — повторил голос.

Знаур никак не ожидал встретить возле пещеры людей. В первый момент этот звучный голос напугал его. Но, глянув на съезжившуюся Лали, и сам крикнул:

— А вы кто такие?

— Ого! — послышалось из-за скалы, и на тропу вышел высокий сержант с автоматом на шее. Он снова включил фонарь. Луч скользнул по Лали и уперся в Знаура.

— Зачем светишь? Глазам больно, — уже начинал злиться Знаур. — На себя посвети, я посмотрю, кто ты.

— А ты, малый, не из робкого десятка, — миролюбиво проговорил сержант и перевел луч света под ноги Знауру. — Пошли за мной, будем знакомиться.

Сержант провел их в довольно обширную пещеру. После темени даже тусклый свет маленькой лампочки, подключенной к аккумулятору, показался ярким. Возле большого плоского камня, склонившись над

картой, стояли военные.

— Товарищ старший лейтенант, — обратился к одному из них сержант, — вот задержал, бродили тут неподалеку.

Старший лейтенант выпрямился. Он оказался еще выше рослого сержанта. Одет старший лейтенант, как и все военные, в пятнистый костюм, а поверх костюма — какая-то странная толстая куртка без рукавов. На ногах высокие ботинки на толстой подошве. На голове каска, обтянутая зеленой материей.

Старший лейтенант внимательно разглядывал чуть оробевших ребят.

— Да-а, Герасименко, не таких гостей мы поджидали. Тебя сменили на посту?

— Так точно! Савчук дежурит.

— Хорошо, — и обратился к ребятам: — Что ж, давайте знакомиться. Гай Седых, это я. А тебя как зовут, красавица?

Лали чуть слышно назвала свое имя.

— Грузинка?

Лали пожала плечам.

— Отец у нее грузин, а мать осетинка, — ответил за Лали Знаур и тихо добавил: — Была.

— Почему была?

— Убили ее из пулемета.

— А тебя, браток, как зовут?

— Знаур.

— Осетин?

Знаур так же, как и Лали, пожал плечами. Прежде он никогда не задумывался, какой он национальности. Отец когда-то рассказывал, что отец его отца был русский, а его жена — армянка.

— Ну, чудеса, — вздохнул Гай. — Тоже не знаешь? Вот и я толком не знаю, сколько кровей течет во мне. Имя Гай — совсем не русское, а фамилия Седых — самая русская, сибирская фамилия. Ну, да бог с ними, с нашими национальностями. Вы наверняка есть хотите. Герасименко! Сооруди-ка нам.

Гай убрал с камня карту, аккуратно сложил и спрятал в планшет. Тем временем Герасименко ставил на плоский камень крышки от солдатских котелков. Они были наполнены чем-то очень вкусным, потому что запах вызывал слюну.

— Извините, ребята, за скромный харч, — развел руками Гай. — Но полевых кухонь с собой не берем. Спецназ — не обоз. Питаемся сухим пайком. Да вы рубайте, рубайте.

— Очень вкусно, — честно признался Знаур, облизывая ложку. Он даже не заметил, как опустошил содержимое крышки.

— Никогда такого не ел.

— Это, браток, перловка с мясом. Ну, а теперь... Может быть, расскажете, откуда вы и куда шли в такую непогоду?

— Наше село неподалеку, — ответил Знаур, — а идем в Цхинвали, в дом престарелых к дедушке Шалве. Ему совсем нечего кушать. — При этих словах Знаур встрепенулся, торопливо прикрыв крышкой котелок и просительным взглядом на Гая: — Можное это... дедушке Шалве?

Гай долго смотрел в глаза Знаура, но

ничего не отвечал. Знаур смутился под этим взглядом, опустил голову и так, глядя в землю, тихо добавил:—Он умрет от голода... Там уже умерли.—Знаур торопливо достал лепешку, вытянул ее на ладони.—Мама только это могла дать.

— Спрячь свою лепешку,—наконец проговорил Гай и опять внимательно уставился в глаза Знаура.

Знаур по-своему понял этот взгляд. Он резко поднялся, торопливо засунул в карман лепешку, взял за руку Лали.

— Пойдем!

— Успокойся, браток, успокойся,—остановил его Гай.

— Почему успокойся? Дедушка Шалва умереть может. И воды у него нет. Я кувшин разбил.

— Успокойся,—повторил Гай.—Будем надеяться, за ночь дедушка Шалва не умрет. Русские говорят: утро вечера мудренее. Сейчас нельзя идти — гроза не стихает. И темно. На бандитов можно нарваться. Тут их логово. Отсюда они выходят грабить и убивать, потом здесь прячутся и отдыхают. Мы должны их встретить и постараться взять без боя. Так что доедайте свой ужин и спать. Теперь вы как бы мои заложники. Герасименко! Сооруди-ка гостям поудобней ночлег.

Лали вопросительно посмотрела на Знаура. Тот кивнул головой.

— Иди, Лали, спи,—и повернулся к Гаю.—А мне можно здесь посидеть? Я не хочу спать.

— И я не хочу спать,—проговорила Лали.

— Что ж, посядим, покалякаем.

Они сели на гладкие валуны у входа в пещеру. Дождь еще не кончился, но сыпал уже не сплошным ливнем, а порывами, через короткие промежутки. Кряжистые деревья жалобно поскрипывали. Ветер гнал по небу тяжелые облака, прижимал их к горам и с трудом переваливал за вершины. И шум ветра, и скрежет корявых веток, и беспорядочная, неуклюжая пляска облаков наполняли сердце Знаура каким-то неясным беспокойством. Гай курил сигарету и молчал.

— Гай,—обратилась к нему Лали,—почему на вас одежда вся в пятнах?

— Это камуфляж, Лали. Слышала такое слово?

— Нет.

— Значит, маскировка. Мы же спецназ, действуем часто в горах, в лесу. Вот и камуфляж у нас под цвет леса и гор. Чтобы противник нас не видел, а мы его видели.

— А что такое спецназ?

— Это части внутренних войск особого назначения.

— Спе-сна-аз,—медленно выговорила Лали.—Интересное слово. Почему мы в школе такое не проходили?

— Мы тоже не проходили. Вот теперь проходим,—задумчиво проговорил Гай.—Ты ведь смотришь телевизор, знаешь, как трудно нашей стране. Где совсем больно — туда нас, спецназ. Такая наша доля. Ви-

дишь, спят солдаты. В пещере, не снимая одежды, потому что в любую минуту должны быть готовы к бою. А против кого? — Гай закурил новую сигарету, глубоко затянулся дымом.—Когда-нибудь будут все это изучать в школе. Может быть, найдут ответ на то, что сейчас понять невозможно...

Дождь перестал, и ветер чуть успокоился. Очень сильно пахла хвоя. В просветах облаков сверкали крупные звезды.

— Послушайте, дети гор,—сказал Гай,—почему, когда мы поднимаемся в горы, звезды кажутся такими крупными? — И сам ответил:—Наверное, потому, что в горах мы становимся ближе к звездам. Ну ладно, что-то меня на лирнку потянуло. Вот ведь, как мало нам надо: не стреляют, и уже хорошо. Давайте-ка все же спать.

2



ЗНАУР проснулся рано. Лали еще спала, ему было жалко ее будить, и он вышел из пещеры.

Гроза отшумела и к утру вместе с тучами откатилась на север за перевалы Кавказского хребта. Из ущелья медленно поднимался туман, обнажая внизу каменные отмели и бурную извилистую речушку.

Рассвет в горах подбирался медленно. Безоблачное небо наполнялось густой синевой. Розовел снег на отдаленных вершинах. Лес на склоне теснины притих. Все ожидало солнца. И оно наконец медленно поднялось из-за гор, высветив неподвижные ветви деревьев и поляны, усыпанные серебристой росой.

Напрасно Знаур думал, что он проснулся первым.

— Ты уже не спишь? Молодец. Кто рано встает, тому бог дает.—Гай был в хорошем настроении. Он растер полотенцем широченную грудь, глубоко вздохнул и медленно выдохнул:—Как здесь дышится! Ох, как здесь дышится, не воздух — бальзам! Красота какая! Уголок земли у вас, Знаур, прямо райский. А вчера какая гроза была! У нас в Подмоскovie бывают грозы, но гроза в горах — это страшно. Это как бой в горах — самый трудный. Не знаешь, где враг — перед тобой, под тобой, над тобой. И грохот адский, потому что каждый выстрел усиливает эхо. Вчера я слушал небесную канонаду и стихи сочинил. Вот:

Горы спать улеглись до рассвета.

Вечер солнцу сыграл «отбой».

По сигналу красной ракеты

Бээмпешки ринулись в бой.

Грохот выстрелов, шум моторов

Разбудили крутые отроги,

И метнулись тенями горы,

Словно поднятые по тревоге.

— Куда метнулись? — спросил Знаур.

— Что куда? — не понял Гай.

— Ну, горы куда метнулись?

— Так их же разбудили выстрелы, шум боя. Вот сейчас горы спят, все спокойно. А вчера какие молнии сверкали, как громыхал гром! Гроза разбудила горы. Дошло?

Знаур пожал плечами.

— Эх ты! На полотенце, иди к речке, умойся. Сейчас всех поднимать буду. Скоро нам смена придет. А тогда можно и деда вашего навестить: нам ведь по пути.

Среди разлапистых елей на берегу неширокой горной речушки спряталась турбаза «Осетия». Но Южной Осетии теперь не до туристов. Да и туристов сюда калачом не заманишь. Кому охота голову под пули подставлять или умирать от голода в этом райском уголке. А ведь не где-то — здесь, в Цхинвали, умирают от голода местные старики и старухи.

Лали издалека узнала дедушку Шалву. Он сидел на широкой зеленой скамье, опершись двумя руками на толстую палку.

— Дедушка! — она бросилась к нему. За ней припустился Знаур.

— О, Лали, — встрепенулся дед. — Ласочка моя! А это кто с тобой? Знаур? Здравствуйте, родные. Но почему пришли без взрослых? Сейчас одним ходить опасно.

— Мы не одни.

Подошел Гай. Он поставил на землю канистру, снял с плеча тугой солдатский вещмешок, поправил за спиной автомат.

— Это другое дело. С таким витязем ходить не страшно даже в горах, а у нас в Цхинвали и подавно.

— Здравствуйте, Шалва...

— Платонович, — поклонился дед.

— Как себя чувствуете, Шалва Платонович?

— Э-э, живу еще почему-то. После такой зимы, наверное, никогда не согреюсь. А как вас зовут, товарищ старший лейтенант?

— Гай.

— Гай? Армянин?

— Да нет, вроде русский. Седых.

— Вроде... Ха-ха-ха, — хрипло засмеялся Шалва Платонович и махнул сухой, словно обтянутой пергаментом рукой. — Теперь ничего не поймешь.

— Шалва Платонович, мама вам вот передала, — Знаур торопливо полез в карман, вытащил лепешку и протянул деду: — А кувшин с водой я разбил.

— Он не виноват, дедушка, — вступилась Лали. — Это я, когда упала...

— Где упала? Какой кувшин? Ничего не понимаю. А за лепешку скажи маме большое спасибо, — дед вздохнул и как-то виновато проговорил Гаю: — Нам тут дают пятьдесят граммов хлеба в день. Но ничего. Только холодно, никак согреться не могу.

— А что, если мы где-нибудь поблизости разведем костерок? — предложил Гай.

— Костер — это хорошо. Я всегда любил костер. Но где взять дрова?

— Знаур, Лали, быстро по двору и вокруг дома. Щепки, палки, ветки — под мыш-

ку! А мы пойдем потихонечку, Шалва Платонович.

— Хорошо вы сделали, Гай, что детей отослали. Им не надо это видеть, а вам покажу.

— По-моему, дети Цхинвали уже всего насмотрелись.

— Это так, — вздохнул старик. — И все же... — Он отщипнул маленький кусочек лепешки и торопливо засунул в рот.

— Шалва Платонович, тут вот мои ребята собрали кое-что съестное, — прихлопнул Гай по вещмешку. — Вам надо восстановить силы. Думаю, заваруха эта когда-то да кончится, и вы придете в свою школу.

Старый учитель переводил взгляд то на вещмешок, то на Гаю. В его глазах блеснули слезы, и он их не смахивал.

— Если я начну отказываться — будет глупо. Верно?

— Верно, — улыбнулся Гай.

— Спасибо. А за то, что вы верите в мои силы, — огромное спасибо.

Они зашли в комнатушку Шалвы Платоновича, выложили в тумбочку несколько банок.

— Гай, отдайте все это детям. Им силы нужны больше, чем мне, у них жизнь впереди, они растут. Слышали, ведь мать Знаура последнюю лепешку с ним прислала.

— Да не беспокойтесь, мы и еще...

— Нет! Не пререкайтесь. Подчиняйтесь старшему по возрасту и... званию. Ведь я, хоть в отставке, но капитан!

— Есть, товарищ капитан! — улыбнулся Гай.

Старик повел Гаю за котельную. Там рядком выстроились холмики. На каждом — небольшая табличка. Корявыми буквами выведены фамилии без инициалов и дат рождения: Джошвили, Швец, Малиева, Варганов, Одишария, Ананьева...

— Все они умерли от холода и голода. Шестнадцать душ за один только месяц! У нас, стариков, уже не хватает сил сколачивать гробы, да и доски кончились. В морге места давно уже нет. Теперь в душевой покойников складываем. А кто хоронить будет? Никому нет дела до нас. Грузия не будет хоронить осетина, осетин — грузина. Пойдемте, Гай, не могу я на это смотреть. Я, старый человек, старый учитель, ничего не могу понять.

Ребята поджидали их неподалеку. Знаур сложил пирамидкой щепки.

— Давайте спички, Гай!

— Костер надо разжигать одной спичкой. Получится?

— Попробую.

Получилось. Огонь быстро охватил щепки. Знаур подбросил хвороста, и костер запылал.

Шалва Платонович присел, протянул руки к пламени и долго смотрел на огонь. Потом заговорил, как бы продолжая прерванную мысль:

— Да, я старый человек, старый учитель, не могу понять, почему так случилось. Веками осетины и грузины жили в родстве и

дружбе. Грузинские князья отдавали сыновей на воспитание в бедные осетинские семьи. Там из них росли добрых воинов. Смешанные браки были обычным явлением. Говорили так: если осетинка родится даже не очень красивая, все равно за грузина замуж выйдет. У меня невестка — мать Лали — была осетинка. Да что там, даже прекрасная грузинская царица Тамара была по матери осетинка. И вдруг все рухнуло. Людей лишают родины, убивают, рушат жилища. Воскресла самая страшная горская традиция — кровная месть. Столетия подрядобились, чтобы ее изжить, и всего полгода, чтобы она возродилась. А разве кровью кровь отмоешь?

Шалва Платонович умолял. Он тяжело дышал. Густые его брови ошетинились, как два дикобраза.

— Успокойтесь, Шалва Платонович, — тихо проговорил Гай. — Вам нельзя так волноваться.

Затухающий было костер снова взялся. Сыроватый хворост, источая пар, охватился пламенем.

— Семьдесят лет на земле Южной Осетии не знали, что такое перестрелка, — снова заговорил Шалва Платонович, — и вот могилы из-за того, что люди говорят на разных языках, а их предки пришли на эту землю каждый своей дорогой. Новые правители не хотят в Грузии Советской власти и нас заставляют от нее отказываться. А мы не хотим отказываться. Это наша власть. Мы за нее кровь проливали. Как я, грузин, могу от Советской власти отказаться? Значит, я должен предать своего друга осетина Косту Малиева. Эх, дети мои, как объяснить вам... Мы с Костой в сорок первом под Шепетовкой в одном окопе от фашистов отбивались. А в сорок втором здесь держали перевалы, не пускали фашистов в Грузию.

— А кто это Коста Малиев? — спросил Гай.

— Это мой дедушка? Да, Шалва Платонович?

— Твой, Знаур, твой дедушка. Я расскажу вам, как он погиб. Я бы хотел рассказать о Косте Малиеве тем, кто сидит сейчас в роскошных кабинетах и решает судьбу наших народов.

Это было в августе сорок второго. Фашисты захватили многие перевалы. Однажды вызвает нас с Костой генерал Севидов и говорит, что в ущелье Квантра находится батальон капитана Сироткина. Единственный путь, по которому он может прорваться к нам, — перевал Квиш. Но перевал занят немцами. Надо выбить немцев с перевала и освободить батальон.

— Подберите крепких ребят и оседлайте перевал. Вас, лейтенант Шавлухашвили, — обращается он ко мне, — назначаю командиром отряда.

Я решил так. Основные силы отряда сосредоточить на подступах к перевалу. Сам я и Коста с группой в десять человек поднимаемся на вершину Малый Квиш, нависающую над перевалом, и вышлем в ущелье

разведку для связи с батальоном Сироткина. После установления связи мы с вершины Малый Квиш должны забросать немцев на перевале гранатами. Это станет сигналом для атаки всего отряда. К тому времени подтянутся основные силы полка.

Перед тем как отправиться к Малому Квишу, я обратился к бойцам:

— Тропа на Малый Квиш опасная. Все вы были в горах, но на Малом Квише не были. Пойдем по карнизу. Слева скала, справа пропасть. Чем выше, тем ближе немцы. Каждый шорох слышно. Надо идти тихо. Совсем тихо. Каждый звук — немцу сигнал. Каждый звук — всем гибель.

Мы с Костой бесшумно вели группу. Шли, осторожно ступая по скользкому карнизу, который лепился к отвесной скале. Внизу чернела пропасть. Скоро идти в полный рост стало невозможно: скала низко нависла над карнизом. Бойцы ползли, цепляясь пальцами за острые выступы. Окровавленные пальцы коченели на морозном ветру. Уже давала себя знать горная болезнь — дышать становилось все труднее, в ушах стоял звон, тошнало. Внезапно один из бойцов покачнулся, принял на миг к скале, пытаясь ухватиться за какой-нибудь выступ или трещину, но его пальцы скользнули по гладкому, обледенелому камню, и боец полетел в пропасть, не проронив ни звука. Лишь послышался глухой удар тела о выступ скалы. Ползущие следом замерли, прижались к камням и сами вроде окаменели.

Казалось, прошла вечность, прежде чем мы миновали опасный карниз. Я первым достиг вершины Малого Квиша. Седловина перевала была рядом. Ко мне подошел Коста.

— Послушай, Шалва, нас осталось одиннадцать. Один свалился в пропасть. Парень молча принял смерть. Я много видел героев, такого не видел. И я не мог ему помочь. Понимаешь, не мог!

— Тихе, Коста, успокойся. Рядом фашисты.

— Ладно, — сквозь стиснутые зубы тихо сказал он. — Я уйду искать батальон Сироткина. Найду, дам красную ракету.

— А вдруг нарвешься на немцев?

— Зачем так говоришь? Разве я не знаю наши горы? Вон видишь Лысую гору? Там есть хорошая площадка для обзора, ущелье видно как на ладони.

— На горе тебя могут заметить немцы. Посмотри, она вся голая. Не зря же Лысой называется.

— Э-э, Шалва, что я, полк туда поведу? Дай трех ребят, нас не заметят.

Мы обнялись, и Коста с тремя бойцами ушли в разведку. С вершины Малого Квиша я хорошо различал в бинокль склоны Лысой горы, покрытые редким лесом, и саму вершину — плоскую, словно срезанную гигантским ножом. На крохотном плато кое-где виднелись каменные глыбы.

Скоро я увидел на берегу речки, в том месте, где лес с обеих сторон подступает почти вплотную к ее берегам, Косту. Он

броском перебежал речку и скрылся в лесу. Выждав немного, перебежали остальные бойцы. Я обрадовался — проскочили! Теперь до Лысой горы бойцы должны добраться без особых хлопот.

Но как раз в эту минуту из леса раздались выстрелы. Напоролись! Хотя бы Коста отходил лесом вниз, ближе к нам. Здесь, может, удалось бы его прикрыть. А с Малого Квиша не достать фашистов. Но перестрелка отдалялась к востоку, в сторону Лысой горы. Значит, немцы перекрыли разведчикам пути отхода на юг, оставив единственный путь — на Лысую гору. Я понимал, что это значит: с противоположной стороны Лысая гора обрывается пропастью. Мои опасения подтвердились. Я увидел в бинокль Косту и еще двух бойцов. Значит, один уже погиб, а этих немцы теснят из леса на склон горы, покрытый редкими соснами.

Отстреливаясь, разведчики перебежали от дерева к дереву, все выше поднимаясь в гору. Вот упал еще один, за ним, взмахнув руками, покатился по откосу другой. Внезапно стрельба прекратилась. Немцы полукольцом поднимались вверх. Я понял, что они решили взять Косту живым. Коста не стрелял. Очевидно, у него кончились патроны.

Я не отрывал глаз от бинокля. Коста, прихрамывая, метался от одной каменной глыбы к другой. А плотная цепь егерей подступала все ближе. Коста метнул гранату. Несколько егерей упали и остались лежать. Остальные, сомкнув цепь, продолжали двигаться к Косте. Я понял, что теперь ему обороняться нечем.

Вот он встал во весь рост, повернувшись спиной к немцам, поднял руки над головой и покачал ими в сторону вершины Малого Квиша, как бы посылая нам последнее приветствие, и в ту же секунду бросился в пропасть.

В наступившей тишине первым ожил мальчишеский голосок:

— А батальон выручили? — спросил Знаур.

— Выручили. И фашистов не пустили в Грузию. И потом гнали их до самого Берлина. Вот и скажите, Гай, могу я отказаться от Советской власти, за которую отдал жизнь Коста? Разве не дикость заставлять Знаура отказаться от того, за что отдал жизнь его дед? Если бы воскрес Коста, как посмотрели бы ему в глаза те, кто отрекается сейчас от Советской власти?

— Я так думаю, Шалва Платонович, — заговорил Гай. — Ну не хочет кто-то Советской власти, да черт с ним, насильно не держим. Но зачем уничтожать маленький осетинский народ, если он хочет всего-то, чтоб не отнимали у него его родной власти.

— Тем, кто сидит в роскошных кабинетах, нет дела до страданий простых людей.

— Но простые люди почему терпят? Вместо того, чтобы строить дома, их заставляют строить баррикады. И они строят. Вместо пастушьего посоха дают в руки оружие: стреляй! И они берут оружие и

стреляют друг в друга. Почему так тихо, так безропотно страдают эти люди, так покорно умирают? От кого исходит команда: «Стреляй»? Ведь Гитлера нет!

— Нет? — переспросил старый учитель.

...Они уходили из дома престарелых, когда солнце уже опустилось к самому хребту. Увеличивались тени деревьев. Шалва Платонович стоял на зеленой поляне, опершись на палку, смотрел им вслед. Тень сгорбленного старика упала на молодую траву и темнела на ней причудливым вопросительным знаком.

3



В ДОМЕ Знаура праздник. Мать приготовила из концентрата пшеничную кашу, заправила говяжьей тушенкой. Каша в большой чашке парила на столе, и по дому растекался неведомо вкусный аромат.

В вещевом мешке Гая оказались еще сухари и сахар. Теперь еды в доме хватит надолго.

Знаур, выпитив грудь, восседает за столом и горделиво поглядывает на Лали, на мать. Он — главный, он — мужчина.

Мать, глядя на сына, чуть заметно улыбается, но эта улыбка замешена на тревоге и горечи.

— Хороший человек этот Гай, — говорит она. — Дай бог здоровья его матери.

— Гай — настоящий джигит, — вставляет Лали.

— Опять ты свое: джигит, джигит. Сколько можно тебе говорить: джигит — это наездник, который хорошо конем управляет. А Гай — это командир спецназа.

— Сынок, если Гай такой большой командир, может быть, поможет нам уехать на север?

— Зачем, мама? Теперь боевики к нам не сунутся. Спецназ им так надаст...

— Тише, сынок, — мать подняла руку, подошла к окну, прислушалась. Лицо ее побледнело. — Стреляют.

Знаур и Лали подбежали к окну. Стреляли далеко, на окраине села то одиночными, то очередями.

— Что ж делать, сынок? Бандиты и сюда придут.

— Мама, я к Гаю! Я пулей!

— Да ведь там стреляют!

— Стреляют на другом конце села. Если стреляют, значит, кто-то их не пускает. Со стороны Цхиввали они не могут идти. Я пулей!

— Я с тобой, Знаур!

— Нет, Лали. Ты отстанешь от меня? Мне с тобой возиться некогда. Лезьте в погреб под скирду. Если даже раньше Гая придут боевики, не найдут вас. Но Гай успеет. Я пулей!

Знаур знал дорогу в пещеру гораздо ближе той, которой они пробирались с Лали. Правда, ту коварную тропинку не миновать. Но теперь не страшно — нет Лали, нет кувшина.

Знаур бегом пустился по тропинке. Он едва успевал перебирать ногами. И все же не удержался — упал и кубарем покатился вниз. У самой речки он вскочил на ноги и бросился к пещере.

Сейчас его должен окликнуть часовой. Но никто не окликал. Чувствуя что-то неладное, Знаур, пересиливая страх, осторожно пробирался через кусты к входу в пещеру. Неожиданно перед ним выросла фигура милиционера.

— Ты куда, сынок? — ласково спросил милиционер.

— Хорошо, что я вас встретил. А где Гай?

— Конечно, хорошо. Пойдем к Гаю. А что случилось? Ты откуда бежишь?

— На иаше село напали бандиты.

Неожиданно Знаур почувствовал, как милиционер стиснул его руку. Знаур рванулся, но где там!

— Бандиты, говоришь? Разве у нас в республике есть бандиты? Ты что-то путаешь, сынок. Придется тебя задержать.

Бой был скоротечным. Лали и мать Знаура не успели спрятаться в погребе, как стрельба стихла.

И все же они были настороже. Лали, чуть приоткрыв калитку, следила за улицей.

Послышался шум мотора. Из-за поворота выехала бронированная машина. Лали уже хотела было бежать, но машина остановилась. В это время из-за развалин дома девушки Шалвы вышли солдаты в такой же пятнистой форме, что и у Гая, с автоматами в руках. Они вели под конвоем трех бородатых мужчин. Машина открылась, и Лали увидела Гая.

— Гай! — радостно крикнула Лали и побежала к нему.

Гай обернулся на крик.

— Ты что тут делаешь, Лали?

— Я тут живу. А вот мать Знаура. Тетя Рая! Идите скорее, это Гай!

— Здравствуйте, товарищ Гай, — поклонилась тетя Рая. — А где Знаур?

— А где Знаур? — спросил в свою очередь Гай.

— Он побежал к вам в пещеру за помощью.

— В пещеру? Давно?

— Как только началась стрельба.

— Та-ак, — Гай посмотрел на часы. — Герасименко! Вези задержанных в комендатуру. Я скоро буду. А вы не волнуйтесь.

Машина, взревев мотором, помчалась в сторону Цхинвали.

Тетя Рая и Лали смотрели ей вслед. Сержант Герасименко с бойцами вели задержанных к БТРу. Те шли, опустив головы. Но один все же глянул в сторону тети Раи. Он так посмотрел из-под густых бровей, что у нее сердце сжалось от страха.

— Неужели они матерей не имеют, детей не растят? То, что они с нами проделали, пусть с ними самими случится. Пойдем в дом, Лали.

— Я подожду Знаура.

4



ЗНАУРА привезли на белой «Ниве» с зашторенными окнами. Когда высадили из машины, он сразу узнал свою школу — учился в ней до пятого класса.

У крыльца стоял маленький худой грузин с автоматом на шее. На голове милицейская фуражка, явно чужая, потому что сидела на ушах.

— Привет, Гиви! С уловом тебя.

— Привет, — небрежно ответил Гиви и подтолкнул Знаура. — Топай, топай, сынок.

— Какой я тебе сынок? Ты моего отца убил!

— Не говори глупости, топай, а то по шее получишь.

Гиви вел Знаура по школьному коридору. Здесь все было знакомо Знауру, будто и не переходил он два года назад в другую школу. На стенах все те же стенды. Вот стенд «Наши отличники». Фотографии, конечно, другие. «Наши спортсмены» — старые фотографии. И вот этот стенд не изменился: «Они учились в нашей школе» — фотографии фронтовиков. И эту большую цветную фотографию помнит Знаур — Михаил Сергеевич Горбачев на трибуне Мавзолея рядом с веселыми школьницами в огромных красных бантах. И подпись под фотографией большими красивыми буквами: «Спасибо за счастливое детство!»

Знаур помнит, как он тогда завидовал этим веселым девчонкам, которые живут в Москве и могут хоть каждый день видеть Красную площадь, Кремль и даже самого Горбачева.

Гиви привел Знаура в спортзал. Там за теннисным столом сидели трое грузин, таких же, как Гиви, бородатых, взъерошенных и одетых наполовину в милицейскую форму, наполовину — во что попало. Широкий стол был заставлен бутылками. На расстеленной газете громоздились куски вареного мяса.

«Какой я глупый, — ругал себя Знаур. — Какие же это милиционеры. Как я не сообразил сразу там, у пещеры, что этот Гиви вовсе не милиционер. Никогда же не видел бородатых милиционеров».

— О, Гиви, привел пополнение. Хороший мальчик. Где ты его?

— Секрет фирмы, Анзор. Не скажу при свидетелях.

Знаур зло посмотрел на лохматого Анзора.

— Ты смотри, Куса, — толкнул тот своего собутыльника, — какой взгляд — волчонок.

— А по мне хоть змеенок, только глазами и может укусить.

— Ну, топай вон к тем, в угол, — Гиви подтолкнул Знаура.

Только теперь Знаур увидел в углу возле шведской стенки двух пожилых мужчин. Они лежали на гимнастических матах. Это были осетины. Знаур их прежде не видел. Лица у обоих были в кровоподтеках, губы вспухшие.

Знаур подошел к ним, сел рядом. Тот, что постарше, седовласый, приподнялся:

— И ты, сынок, попал к этим палачам.

— Это кого ты оскорбляешь палачами, старый козел?

Из-за стола поднялся Анзор, пошатываясь, направился к матам.

— Оставь его, — пытался удержать Куса. — Он свое получил, давай выпьем.

— Не-ет, я не потерплю, чтобы меня оскорбляли при исполнении. Я представитель законной власти республики Грузии.

— У маленького вола одна мечта — иметь большие рога, — спокойно проговорил седоволосый. И в тот же момент удар сапога свалил его навзничь.

Приподнялся второй осетин, склонился над седоволосым. Потом достал платок, обтер лицо своему товарищу и повернулся к столу:

— Увидела бы твоя мать, как ты над старым беспомощным человеком издеваешься.

— И ты захотел? Могу добавить.

— Да оставь ты их, Анзор. Зачем волноваться? Ешь, пей от пуза, зачем нервы портишь?

— А чего ты, Куса, мне все время рот затыкаешь? Тебе чего надо? Ешь, пей. Тебе лишь бы жрать и пить. Конечно, тебе здесь лучше, чем за решеткой.

— Ты что этим хочешь сказать?

— А то, что ты уголовник. И благодарю нашего президента, что выпустил тебя. Еще и оружие дал, и милиционером сделал.

— Ты, шакал! — Куса схватил бутылку, но его руку перехватил Гиви.

— Вы с ума сошли, генацвале. Осетины не убили, так друг друга хотите укокошить? Будете ругаться, обоим шею намылю. Наливай, Куса.

Они выпили и притихли. Анзор положил лохматую голову на стол. Куса налил себе еще стакан вина, выпил залпом, закурил. Глядя широкими глазами на Гиви, тихо, с пьяной печалью заговорил:

— Уголовник. Да, уголовник. Но я еще никого не убил. И не убью, пусть не надеются те... — Он снова налил вина. Но не пил, задумчиво рассматривал рубиновую жидкость в стакане. — Выпустил... А зачем? За решеткой я чувствовал себя человеком. Пускай было мало жратвы и много работы, но я не боялся за свою жизнь. Не-ет, мне не надо от пуза. — Он опорожнил стакан и с усмешкой добавил: — Награбленное все это. Да и шлепнуть могут в любую минуту.

Неожиданно Анзор поднял голову. Он, оказывается, не спал.

— Награбленное, говоришь? У кого? У этих? — мотнул он головой в угол. — А ты знаешь, что эти божьи овечки в январе отобрали у наших милиционеров автоматы и пистолеты, избивли их. Разве не осетины захватили заложников из нашей школы милиции? А кто дома грузинские жет? Свою республику захотели! А Москву спросили? А Тбилиси спросили?

Седоволосый осетин зашевелился, припод-

нялся, морщась от боли, заговорил:

— Разве осетин первым ограбил тебя и сжег твой дом? Разве осетин оставил Тбилиси без воды, без света, без хлеба? Разве осетин первым убил грузина?

При этих словах Знаур, все время сидевший молча, вдруг вскочил, подошел к столу и с ненавистью уставился на Анзора. Сидящие за столом на минуту опешили. Наконец Анзор обвел взглядом своих товарищей и с улыбкой спросил:

— Ты чего? Кушать хочешь? Воды хочешь?

Знаур неотрывно смотрел на Анзора. Губы его дрожали.

— Вина хочешь?

— Убить тебя хочу!

За столом переглянулись.

— Ну, убей, — спокойно проговорил Анзор.

— Дай твой автомат.

— А ведь убьет. Ха-ха-ха! — рассмеялся Гиви.

— Убьет, — согласился Куса. — Не сейчас, так потом. По глазам вижу.

Анзор вдруг нахмурился, с трудом оторвался от стула.

— А я его сейчас убью, пока не поздно. Без автомата, вот этим кулаком.

Гиви ловко перехватил руку Анзора и усадил его на место.

Знаур не выдержал напряжения. Слезы невольно выступили на глазах. Он закрыл лицо руками и медленно побрел к матам, упал лицом вниз и разрыдался.

— Какой ты невыдержанный, Анзор. Взрослый человек, а не понимаешь, — назидательно говорил между тем Гиви. — Прежде чем разбить кувшин о камень, надо выпить его содержимое. Какой толк, что ты убьешь папана? Заложник — это разменная монета. Приятно, моя монета.

Знаур никак не мог успокоиться. Он злился на себя за то, что показал свои слезы. Но плечи его вздрагивали, и он ничего не мог поделать с собой.

— Не плачь, сынок, — тихо заговаривал седоволосый. — Этим зверям не понять слез ребенка.

— Ты дождешься, что я задую тебя, — донесся от стола голос Анзора.

Но седоволосый будто не слышал угрозы, в том же тоне продолжал:

— Я не боюсь умереть за справедливость. А жизнь, что враг тебе сохранил, не награда, а позор. — Он положил руку на плечо Знаура. — Успокойся, сынок. Мы не одиноки на этом свете. Нас родина не оставит. Придет время, и каждый получит по заслугам.

— О какой родине ты говоришь, дырявый бурдюк? — это уже подал голос Гиви. — О родине большевиков? Кончилось их время.

— О, боже! — поднял вверх руки седоволосый. — Большая Лиахви течет уже не к Каспийскому морю, а к снегам Казбека. А эти твои слова мы уже слышали в сорок втором году... от фашистов.

Гиви вскочил с места, но стоящий у окна Куса вдруг крикнул:

— Тихо! Смотрите, кто к нам пожаловал. Все бросились к окну.
 — Старый знакомый. Вроде одян. Забыл, как его зовут.
 — Гай, из спецназа.
 Знаур встрепенулся, вскочил и бросился к окну. Но его перехватил Гиви.
 — Тихо, не шуми. Сам себе навредишь.— И крикнул товарищам.— Давайте быстро этих в раздевалку! Только тихо.

5



ХОРОШО живем, мужики!— оглядывая теннисный стол, проговорил Гай.

— Садись, Гай, гостем будешь, — предложил Гиви и взялся за бутылку.

— Спасибо. А вы всех гостей так хлебо-сольно встречаете?

— Разве ты не знаешь грузинских обычаев?

— Заложников кормили?

— Ты о чем, Гай?

— Перестаньте валять дурака.

— Кто тебе мог такое сказать?

— Не буду скрывать — ваши так называемые милиционеры. Трех как раз взяли сегодня в пригороде. С полицим.

— Ты не бери нас на пушку, голубоглазый Гай, — выступил вперед Анзор. Он был такого же роста, как Гай, но пошире в кости, и голова его сидела прямо на плечах, без шеи. — Ты кто такой, чтобы здесь распорядиться? Уходи!

— Уйду с ребенком и теми двумя.

— Зачем они тебе? Это наше дело. Уходи в свою Россию. Там порядки наводи.

— С моей Россией я разберусь сам. А от тебя не уйду без заложников.

— Стрелять в тебя? — Анзор схватился за автомат.

— В кого стрелять? Тебе я что сделал? Лезу под пули, чтоб вы жили нормально. Ну, стреляй!

— Хватит глупостей! — крикнул Гиви. — Совсем не мужской разговор. Садись, Гай, выпьем по стакану доброго вина, сердце мягче станет, поговорим по-мужски, по-человечески.

— Что ж, по-человечески можно.

Гиви налил вино, поднял стакан:

— Солицу и небу Грузии здравствовать!

— Согласен. Здравствовать!

— Вот и хорошо, Гай. Лучше за стаканом вина сидеть, чем за пулеметом. А?

— Лучше. А зачем же за пулеметом сидите?

— Разве я виноват? Я простой человек. Думаешь, я зверь? Разве грузины звери? Боль Цхинвали стучит и в сердцах грузин. Слезы грузинков такие же соленые, как слезы осетинков.

— Хорошо говоришь, Гиви. А те, кто правит Грузией, не плачут. Я их не видел на здешних баррикадах. А ты видел? Нет. Они далеко от Цхинвали. А ты в Цхинвали, я

в Цхинвали, твои заложники в Цхинвали. — Ты опять о заложниках, — нахмурился Анзор.

— Помолчи, Анзор. А вы не понимаете, что вы, я, осетины — все мы заложники. Гиви взял бутылку, но не спешил разливать вино.

— Ну, допустим, в чем-то ты прав — мы заложники. А ты-то, Гай, какой заложник?

— Эх, Гиви, и я — заложник. Мне на плечи положили погоны, в руки дали автомат, а в голову — пункт приказа. Я обязан выполнять приказ. А приказано мне не допускать кровопролития. Тебя спасать, спасать грузинских детей, осетинских. Одни нам кричат: «Оккупанты, вон!», другие: «Спасите!» И все это терлит мой солдат. И я терплю. А человеческая душа — не подушечка для иглоков. Вы деретесь, убиваете друг друга, а пули через меня летят. Помните, мой бронжилет не может вместить все пули вашей вражды.

— Так уходите домой, — вставил Куса. — Там не нужны бронжилеты.

— Это ты так говоришь. А мы уйдем, вы осетин перебьете. Закроете Рокский перевал, тоннель через хребет и перебьете.

— Зачем? Если не хотят жить по законам Грузии, пусть уходят с нашей земли. Мы их не тронем.

— Ваша земля?

— Да! Мы раньше осетин сюда пришли. Это наша исконная земля.

— Если так, то наследники Александра Македонского могут вам предъявить счет. Все люди на земле когда-то, откуда-то, куда-то пришли. Если сейчас все начнут искать и требовать свою исконную землю, великое переселение начнется.

— Давай, Гай, выпьем и забирай наших гостей. Но нам отдашь твоих?

— Отдам.

— А ты не обманешь? — прищурился Анзор.

— Я — нет. А вот ты обманул меня. Я тебя уже сдавал в комендатуру, а ты снова здесь. Пулю ищешь? Запомни, Анзор, в следующий раз живым брать не буду.

— Запомню.

— Будем здоровы.

Заложников меняли на мосту через шумную речку. Первым Гай потребовал Знаура.

Гиви вел его за руку. На середине моста он отпустил Знаура. Гай отпустил боевика.

Знаур подбежал к Гаю. Тот прижал его к себе, и Знаур почувствовал, как от Гаю пахнет слюной. И его пятнистый костюм, словно лес и горы, успокаивал, а сердце наполнялось уверенностью и бесстрашием.

— Ты что, плачешь, Знаур?

— Нет, это так...

— Ты уже не мальчик. Смотри на все, что вокруг тебя. Все, что видишь, что испытал, оставь в своем сердце навсегда. Только не оставляй ненависти, потому что ненависть порождает ненависть.

— Значит, мы будем жить, Гай?

— Живем, Знаур, живем.

проблемы,
события,
люди

ВОЗДУШНО



Подполковник Ю.КИСЛЫЙ

ЗАСТАВА

*"Всякое царство,
разделившееся
само в себе,
опустеет;
и всякий город
или дом,
разделившийся
сам в себе,
не устоит".*

Евангелие
от Матфея. 12,25.



Солнечное слово

«Алазань»

НАД ПОЛОГИМИ вершинами горной гряды, издали похожей на сточенный тесак, плывет месяц, большой и круглый, как око прожектора. Сонная тишина звенит трелью кузнечиков, изредка вздрагивая от собачьего лая, криков одинокой ночной птицы, жалоб уставшего за день осла. Миром и покоем наполнено дыхание природы, не ведающей о тревогах и бедах людских, о том, что вот уже который год полыхает здесь необъявленная война, и в любой момент ночную тишину могут расколоть взрывы ракет и гранат, треск автоматных очередей, сердитый рев разбуженных двигателей боевых машин.

Между селами Умудлу и Заглик пролегла незримая граница. Нет на ней ни контрольно-следовой полосы, ни столбов с колючей проволокой — вражда возвела более прочные преграды, разделив землю, которая одинаково щедро кормила соседей, на зоны ненависти.

Окопами окружено Умудлу. Другое азербайджанское село, Имарат-Гервенд, тоже под охраной. Их прикрывает целый батальон внутренних войск: вокруг армянские населенные пункты, где свили гнезда боевики. Такая же картина на востоке Мардакертского района НКАО, но там во враждебном окружении — армяне...

Из окопчика, отрытого в двадцати шагах от заставы, отчетливо виден силуэт вышки с плоской, как стол, макушкой.

— Там у боевиков огневая позиция, — ткнул стволом автомата в сторону плато Сергей Гринкевич. — По ночам затаскивают трактором пусковую установку и обстреливают село. Вчера тоже ракеты летели с этой позиции.

В лунном свете могучая фигура Сергея кажется неповоротливой, по-медвежьи неуклюжей. Это ощущение усиливают бронжилет и просторные рукава пятнистого маскхалата. На самом деле командир взвода спецназа старший прапорщик Гринкевич в ловкости и стремительности не уступит иному киносупермену.

— Бээмпэшку бы сюда — в момент позицию из пушки накроем, — произнес сидящий рядом старший лейтенант Валерий Трикулич, начальник заставы. — И прибор ночного видения не помешает. А то слепы, как кроты.

Прав молодой командир. Впрочем, это тот случай, когда присловье «молодо-зелено» не уместно. Начальник штаба батальона майор Виктор Дударев, прописавшийся на заставе, как-то уважительно сказал о старшем лейтенанте: «Поставят рядом с Трикуличем самого опытного офицера с двумя просветами на погонах и предложат выбирать, с кем в бой идти, возьму, не задумываясь, Валерия Ивановича. Мы с

ним в одной спарке изрядно пороху на нюхались».

А вот, кстати, и сам Дударев: возвращается со старшиной заставы прапорщиком Вадимом Симаковым, посты проверяли.

— Пять с плюсом! Нашим бойцам хоть снотворного в компот подмешай — ни один в окопе не закемарит. За месяц пять вооруженных налетов отразили, знают почем фунт лиха, — посмеивается «энша», удобно устраиваясь в окопчике.

— Брюхом чую, с минуту на минуту начнется очередной салют, будут мстить за вчерашнее, — Симаков обводит взглядом горы, прислушивается. — Вроде, трактор гудит... Или показалось?

— Смотри, Вадик, накаркаешь, — проворчал Гринкевич.

— Не волнуйтесь, мужики, ночь пройдет спокойно, — шевелит усы улыбкой майор. — Сегодня они будут раны зализывать. — Да и мы, — неожиданно хохотнул он, — всласть от ракет побегали. Одна, гляжу, летит прямо на заставу. Свист такой пронзительный — аж в кишках отдается. Плюхаюсь в окоп возле ворот, а подо мной что-то мягкое. «Откуда тут матрасик взялся?» — думаю. И вдруг этот матрасик начал подо мной шевелиться. Щупаю рукой. Ха! Да это же два бойца вжались в землю. Сдрейфили, бедолаги. А свист все ближе! «Все, сейчас накроет», — тоскливая мыслишка. Впереди раздался взрыв. Недолет! Я скорей к «агээсу»...

Лихой человек — Виктор Константинович Дударев. И веселый вдвоавок. Даже в бою, рассказывали солдаты, не терял майор чувства юмора, командовал с крепкими российскими прибаутками, вселяя бодрость духа и веру в успех. Таких, как он, любят бойцы и частенько не жалуется начальство: больно круто характер замешен, за словом в карман не полезет, выложит правду-матку, невзирая на чины и ранги. Но при всем при этом наградами майора не обходят. Вручен Дудареву орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени. За горячие точки — боевое отличие.

Живописуя детали схватки с «фидаинами», начальник штаба время от времени прерывает рассказ, прислушиваясь к звукам ночи. До «границы» — рукой подать. Нужно держать ухо востро. Об этом напоминает и установленный рядом с бруствером АГС-17. В темноте автоматический гранатомет похож на телескоп, нацеливший хобот ствола в небо с редкими пробоинами звезд.

Тихо. Ничто не нарушает вдохновенной симфонии маленьких ночных скрипачей-цикад. Дударев продолжает рассказ:

— Хотите поучительный эпизод? В самый разгар горячих событий у меня весьма некстати схватило живот. Мчимся на «бэтре» блокировать боевиков. Чувствую — кранты. «Остановись-ка на секунду, — приказываю водителю. — У меня неотложное дельце есть». Смех смехом, а погибать от шальной

пули в непотребном виде неохота. Коли смерть — так со славою.

В глазах майора пляшут лукавые чертики. Удивительно быстро сходишься в Карабахе с людьми, сплоченными опасной мужской работой и «фронтовым» бытом, скудным и неустроенным, как у казаков в походе. С каждой встречей все глубже постигаешь значение того, что согривало суровую душу гоголевского Тараса Бульбы: «Нет уз святее товарищества». Вот и сейчас ловлю себя на мысли: впервые пожал руки этим офицерам и прапорщикам несколько часов назад, в такое чувство, будто связывают нас многие годы общей судьбы.

В УМУДЛУ я прилетел с группой офицеров из комендатуры района — она чрезвычайного положения. «Застава вела бой. Захвачен экстремист. Один солдат ранен», — все, что удалось во время полета узнать у начальника штаба КРЧП, замкнутого, погруженного в тревожные мысли полковника.

Вертолет сел в поле, за околлицей села. Полковник первым соскочил на землю и, придерживая рукой кепи, которую норовил сорвать поднятый лопастями вихрь, поспешил к белому кирпичному домику у дороги.

Вход во двор загородила толпа оживленно жестикулирующих мужчин. Они почтительно расступились перед военным начальником и, словно по команде, умолкли, наблюдая, как старший на заставе офицер встречает полковника.

— Исполняющий обязанности командира части майор Дударев! Застава отразила...

— Что с бойцом? — перебил «энша».

— Рядовой Алферов чувствует себя нормально, глаз только поврежден, не видит почти.

— Ну вот, а говоришь нормально, — покачал головой полковник. — Ладно, пойдём расскажешь, как вы тут воевали.

У кромки высокого крыльца — баррикада из мешков с песком. Возле двери со скучающим видом бдит вооруженный крепныш в краповом берете. Внушительная охрана, если учесть еще бойца в окопе у ограды, скрытого от солнца и любопытных взоров шалашиком из маскировочной сетки.

Застава: в полутемном помещении с нештукатуренными серыми стенами — липкая духота; две комнаты плотно, впритык заставлены койками в два яруса. Воины спят, скомкав в ногах простыни и одеяла. Кто-то тревожно вскрикивает, мечется на жестком солдатском ложе, продолжая вести бой.

В углу, на грязном линолеуме, подложив под голову окровавленное полотенце, свернулся калачиком мужчина в спецовке, похожей на больничную пижаму. Трудно было понять, дремлет он или бодрствует: лицо погружено в сложенные корытцем ладони.

— Лежит, сволочь, и в ус не дует, — выругался могучий боец в ярко-зеленом меш-

коватом камуфляже. — Жаль, не поднялась рука пристрелить гада.

Протиснувшись след за майором через узкий проход между кроватями, очутились в крошечной комнатке. Здесь стояли модельная пирамида с оружием, напротив — ящик с боеприпасами и автоматический гранатомет. Другую половину занимала «канцелярия», отгороженная от «ружжарка» простынями; обстановка такая же спартанская, как и в спальном помещении: четыре койки и стол.

— А где трофей? — поинтересовался начальник штаба.

Охранявший пирамиду воин протянул полковнику миниатюрный автомат кустарного производства, по конструкции напоминающий израильский «Узи».

— Это не все, — Дударев повернулся к богатую в камуфляже. — Покажи, Гринкевич!

Тот достал «лимонку» с гвоздем вместо чеки и тихо произнес:

— Сохраню как сувенир. Если до замесы не шлепнут.

— С гранатой такая история, товарищ полковник... До сих пор не верится, что... Впрочем, обо всем по порядку. — Он сделал паузу, подождав, пока полковник дождется из полевой сумки блокнот, и продолжил: — Обстрел ракетами начался сразу после полуночи. Четыре раза боевики уже пытались взять заставу на испуг. Подберутся к оврагу — и давай поливать очередями посты. Бойцы открывают ответный огонь, а те уже на дне оврага. Там не достать: мертвая зона. Проходит немного времени — снова пули свистят. Вот так каждая ночь — на нервах. Ну а сегодня начали бой по всем тактическим правилам — с артподготовки. Из двенадцати выпущенных «Алазаней» три взорвались, не долетев до заставы, девять — в селе. Повреждено несколько домов. Пробовал накрыть пусковую установку из «кагэса» — не достал, далековато...

После ракетного обстрела наступило затишье, а в четыре часа...

В ЧЕТЫРЕ часа — рисую картину боя с учетом всех выясненных позже подробностей — на заставу обрушился шквал огня. Над окопами замелькали ослепительные пунктиры трассеров, словно сам дьявол на грохочущей адской машинке начал перекраивать покрывало ночи. Несколько бандитов подобралось к восьмому посту — на левый фланг охраняемого участка «грэницы». Вспарывая податливую, мягкую землю, забухали гранаты. Бойцы отвечали частыми злыми очередями.

Каково им, зеленым еще мальчишкам, было в те минуты, когда в воздухе повисла невидимая смерть?

Рядовой Алексей Круглов: «Почувствовал, как возле самого уха шевельнулся теплый воздух, из пробитого мешка тонкой струйкой посыпался песок. Было ли страшно? Когда стрелял — нет. Позже стало немного

не по себе: та пуля могла бы и в меня попасть...»

Но бог войны был милостив в ту ночь к россиянам, защищавшим азербайджанское село.

Рвануло в овраге. Это Гринкевич выстрелил из подствольного гранатомета. И тут же над деревьями взмыла красная ракета. Сигнал для боевиков; отход. Пальба прекратилась.

— Нет, мы их так просто не отпустим,— выскакивая из окопа, сказал Дударев начальнику заставы. — Блокируем на бэтээре дорогу к северу от Заглика. Ты с Гринкевичем и его спецдами прочесываешь местность за оврагом. Если там пусто, снимаешь с постов пятнадцать солдат, сажаешь на второй бэтээр и выставляешь вдоль дороги между селами дозоры. После этого присоединяешься ко мне. Дальше — по обстановке. На заставе остается охрана согласно боевому расчету...

Пока прочесывали кустарник и выставляли дозоры, рассвело. В селах хором заорали петухи, защабетали пичуги, пришедшие в себя после ночной канонады. В воздухе пахло туманом, лесом и парным молоком буйволиц. Но некому было в эти часы наслаждаться пьянящим духом разбуженной солнцем природы. Умудлу и Заглик затаились в тревожном ожидании: какие события последуют за перестрелкой? А военные были поглощены боевой работой. «Людей маловато, — досадовал Трикулич. — На три километра дороги не наберется и двадцати стволов. Могут просочиться «фиданьи» между редкими дозорами».

Как в воду глядел начальник заставы. Несколько боевиков, выйдя из укрытия, устремились к водохранилищу. Рядовые Игорь Алферов, Сергей Фадеев, Андрей Гладов и Роман Притчин открыли огонь. Старались бить наверняка: патронов оставалось в обрез. Боевики огрызались, профессионально, короткими перебежками выходя из-под огня. Вокруг солдат злое ще цокали пули. Вдруг лицо Алферова ошпарила острая боль. Брызнула кровь. Глаза застлало багровой мутью. К Игорю быстро подползли товарищи:

— Живой, братан!

— Вроде не мертвый, — он ощупал исцарапанное осколками камня лицо (в рубашке, можно сказать, родился — не выбери позицию за придорожным камнем...). — Ништяк, еще повоюем.

Солдаты последний раз пальнули вдогонку уходящим боевикам. Один из них, одетый в униформу песочного цвета, выронив автомат, упал...

А в это время...

— В это время мы на двух бэтээрах полностью заблокировали Заглик и подступы к селу, — вел рассказ к развязке майор Дударев. — По моим предположениям, боевики должны были сосредоточиться в этом районе. Их обычная тактика: после обстрела возвращаются к месту сбора и, подождя машину, едут пить тутовку.

Ждем. Глядь, со стороны Атерка в село въезжает «Урал». У нас он давно на заметку взят: как только появится в поле зрения — жди налета или обстрела. В то утро, по-видимому, машина направлялась за боевиками. Система налажена четко: одни нападают, другие обеспечивают транспорт.

Заметив бэтээр, водитель хотел дать деру. Поздно спохватился. Прижали машину к обочине. «Вылезай!» Открываем кабину: водила смотрит бешеными глазами, двумя руками держит у живота гранату с выдержанной чекой, на сиденье — самодельный автомат.

Не растерялся в этой ситуации старший прапорщик Гринкевич. Он совершил невероятное: изловчившись, выхватил «лимонку» с такой молниеносной быстротой, что рычаг не успел отойти от корпуса и взрывной механизм не сработал...

Боевик в ярости бросился на Гринкевича с ножом. Но Сергей наш — ас в рукопашной схватке: долго бандиту челюсть придется лечить... Тут подоспел на помощь прапорщик Симаков и выбил у нападавшего нож. В общем, без жертв обошлось. Гранату быстро обеззредили, вставив вместо чеки обыкновенный гвоздь.

Пока возились с этим «камикадзе», бойцов окружили местные жители. К Гринкевичу подошла женщина с толстой пачкой денег. «Здесь, — говорит, — ровно 25 тысяч, отпусти нашего с миром...»

Конечно, номер не прошел. Ну и понеслось — плевки, крики: «Фашисты проклятые, оккупанты!» Обидно, за людей обидно. И совести, и разума лишила их ненависть. Ведь буквально несколько дней назад мы им помогли убрать урожай, прикрывали поле бэтээрами. Кстати, загликские парни предлагали сделку: «Уберите на три часа солдат с заставы, а мы войдем в Умудлу и выгоним всех азербайджанцев. Большие деньги за это получите».

Не обращая внимания на реакцию местных, хотел продолжить операцию по ликвидации банды. Но по рации пришло распоряжение начальника войсковой оперативной группы: дозоры снять, возвращаться на заставу. Жаль. Могли бы захватить еще с десяток боевиков.

В «КАНЦЕЛЯРИЮ» вошел милиционер, по-военному молодцевато козырнув, представился: — Лейтенант Гасымов... Товарищи офицеры, отец просит посетить наш дом. Во дворе взорвалась ракета. Хотим, чтобы вы были свидетелями. А то армяне скажут: врут азербайджанцы, никакого обстрела не было.

В доме аксакала Зельфи Мансим-оглы Гасимова еще не опомнились от ночного кошмара. Ракета попала в крону тутовника у веранды, взрыв повредил крышу, несколько осколков влетело в комнату.

— Зачем они так делают, товарищ полковник? — спросил аксакал, держа на дрожащей ладони кусочки смертоносного ме-

галла. — Зачем хотят выгнать нас с нашей земли? Мы мирные люди, никому не желаем зла...

Женщины вытирали слезы, горестно причитая.

— Как быстро меняет война значение прекрасных слов. «Алазань». Это слово было согрето солнцем, наполнено хмельным весельем. Нынче «Алазань» — синоним страха, смерти, беды.

— Мы можем вызвать ОМОН, и тогда в Заглике будет море крови, вы ведь знаете, как действуют омоновцы, — сказал лейтенант Гасымов. — Но народ не хочет кровопролития. Умудлу и Заглик раньше были добрыми соседями. Один колхоз на два села, общая школа. И радость, и горе люди делили поровну. В обоих селах много смешанных браков. Хорошо, дружно жили, клянусь! А теперь их боевики угоняют скот, обстреливают наши дома... Недавно один аксакал пас за селом корову, к нему подошел вооруженный парень в черной маске. Наставил на старика автомат. «Не прячь лицо, — говорит ему аксакал. — Я узнал тебя, ты — внук Нерсеса». Все равно корову отнял бандит. Отправился старик к Нерсесу на внука жаловаться. А Нерсес ему: «Хочешь корову вернуть — плати выкуп». Совсем люди с ума посходили.

С тяжким чувством возвращаемся заставу. Во дворе кипит работа. Два загорелых до черноты бойца меняют пробитый пулей баллон на колесе бэтээра. Дело ладится. Рядом, изо всех сил стараясь сохранить равновесие, стоит пожилой азербайджанец и заплетаящимся языком дает советы.

— Товарищ командир, эти солдаты — настоящие герои. Наш народ защищали, их надо медалями награждать, — он радостно качнулся навстречу полковнику. — Когда взрывались «Алазани», ребятишки подняли плач. А я их успокаивал: «Мэним балаларым, горхайын!» — Дети мои, не бойтесь, нас охраняют военные, боевики сюда не придут».

— Рядовой Раис Ахмедов действительно герой, — подмигнув скуластому пареньку Дударев. — Лучший в батальоне механик-водитель. С таким в бою не пропадешь.

Офицеры с раненым Алферовым садятся в вертолет. Гринкевич выводит «военнопленного». У того на распухшей скуле — лиловый кровоподтек. В глазах — ни страха, ни ненависти, ни чувства вины. Лишь равнодушная отрешенность от враждебного мира.

— Обкуренный был, гад! Пусть спасибо скажет, что не прикончили как бешеного пса.

При виде боевика провожавшая вертолет толпа угрожающе загудела. К бандиту потянулись десятки жилистых, натруженных рук. Старший прапорщик повел плечом, дорогу освобождая. Подтолкнул пленного к трапу. «Отвоевался, злодей!»

В ОКРУГЕ по-прежнему тихо. Тускнеет прожектор луны. Озябшее за...

ночь поле укрывается туманом. — Хорошо бы с удочкой зорьку встретить, — сладко потягивается Симаков. — Я жене в письме написал: «Места здесь курортные, тихие, каждый день валяемся на солнышке и ловим в водохранилище рыбу. Лафа!» Моя Антонида на сносях, волноваться ей никак нельзя. — Старшина трогает пальцем висящий на шее медальон. Там под красным оргстеклом фотография его ненаглядной.

— А мои у родственников, — поправляя бронжилет, сказал Гринкевич. — Хорошо, что догадался перед командировкой на Кавказ отправить из города. От боевиков теперь всего можно ожидать. Заменюсь, каждый день буду носить с собой личное оружие. Кроме меня, защитить мою семью некому.

— Лучшего защитника им не найти, — похлопал Сергея по плечу старшина. — Это ж надо — так ловко гранату выбить!

— Я и сам не знаю, как все получилось, — Гринкевич пожал плечами. — Когда майор Дударев крикнул: «Сергея, это Ф-1! Всем укрыться за бэтээром!», — меня словно завели изнутри. Гляжу — бойцов как ветром сдуло, а сельские то ли не поняли, то ли не расслышали — стоят, рты разинув. Если рванет — всем каюк... У «лимонки» разлет осколков в радиусе двухсот метров. Шутка ли?

Первая мысль: сбить водилу с ног, прижать к земле, затем вырвать из рук гранату и сунуть ему под пузо. Прикинул: нет, не получится, он мужик здоровый, пока буду возиться, сработает взрывной механизм — в запасе всего четыре секунды... Эх, была не была! Даю под ноги боевику очередь из автомата. Он с испугу дернулся... В этот момент бью снизу открытой ладонью между запястьями его сцепленных рук. От удара пальцы у бандита разжались, и граната проскользнула в мою ладонь. Вот как все было... Совсем нетрудно.

Ну а затем догадался приспособить вместо чеки гвоздь. По моей просьбе за ним сбегал мужик из ближайшего дома. И что интересно, подобрал точно по диаметру отверстия. В общем, народ грамотный.

Неожиданно на лысой высотке сверкнула вспышка.

— Приготовились, сейчас начнется! Это сгорел стартовый двигатель. Вчера у них тоже одна «Алазань» не взлетела. Через пару минут поставят другую ракету и... — Сергей приподнялся над бруствером, всматриваясь в предрассветную мглу.

Дударев щелкнул тумблером радиостанции: «Всем на постах — внимание! Возможен ракетный обстрел!»

Томительно долго, как длинный состав на перегезде, тянутся минуты. Пять... Десять... Пятнадцать...

Тишина.

— Через полчаса снимаем посты. Нападения не будет, — сказал майор.

«И каждый раз навек прощайтесь...»

УТРОМ из Имарат-Гервенда на заставу приехал заместитель командира части майор Серогодский.

— Как раз к завтраку, Николай Валентинович! — обрадовался Дударев. — Тут аксакал меду в сотах принес. Угостим.

«Энша» заряжает всех своей бодростью, его энергии с лихвой хватит на двоих. Словно не было бессонных ночей, нервного напряжения.

— Все шумишь, Виктор Константинович. Послушай лучше последнюю информацию. Вчера мы перехватили в эфире разговор боевиков. Переводчик утверждает: это не местные армяне, диалект или ливанский, или сирийский. Стало быть, инструкторы из диаспоры. Будь осторожной.

Серогодский — прямая противоположность Дудареву. И, по-моему, они удачно дополняют друг друга. Один — порывист и дерзок. У другого берет верх спокойная рассудительность.

— О службе потом. Чай стынет.

Место для приема пищи находится под навесом в углу двора. Шаткий стол, покaleченные стулья с откидными сиденьями (давным-давно списанное имущество сельского клуба) — вся «меблировка» солдатской «столовой».

— Ну и бардак тут у вас, мужики, — поморщился Серогодский. — Сколько раз говорил, отремонтируйте стулья. Старшина!

— Доски — дефицит. Еле для пирамиды достали, — развел руками Симаков. — До нас же тут никому нет дела. Это сейчас, когда запахло жареным, взербайджанцы расщедрились, двух баранов для бойцов зарезали, шашлычком угостили. А раньше, бывало, по три-четыре дня на сухарях.

— Я про стулья, а он про сухари, — нахмурился Серогодский. — О бедах заставы не хуже твоего знаю, старшина. Подсказал бы кто, как решить все эти проблемы.

— Вот-вот! Почему батальон должен идти с протянутой рукой к сельчанам, которые сами бедствуют в блокаде? Ведь есть службы войсковой оперативной группы, комендатуры, — взрывается Дударев. — На хрена они нужны, если исполняющий обязанности зам. по тылу части командир автовзвода, старлей, мальчишка, не имеющий опыта, целый месяц выбивал деньги на допитание. А о том, что бойцам три месяца жалованье не платят, у кого должна голова болеть? Недавно через КПП проезжала армейская колонна, угостили наших натовским пайком, им по два раза в неделю выдают. Боже ты мой, чего там только нет! Значит, армейское начальство о своих людях заботится? А мы в окопах — хоть лапу соси... Пулеметов ПК, ручных гранат на заставе нет — кому сказать. На весь батальон двадцать тяжелых бронеполетов. Послали воевать, так обеспечьте,

черт побери, всем, чем положено. — Дударев перевел дух, отхлебнул из кружки чаю.

— Зато спрос учинить — тут как тут, — саркастически усмехнулся Серогодский, отгоняя назойливых мух от меда. — «Где конспекты, где журнал? — интересуются. — Почему занятия проводятся нерегулярно?» У бойцов хронический недосып, по неделям из окопов не вылазят. Им не занятия, им поест поплотнее да выспаться...

Трикулич обмакнул в тарелку с медом кусок лепешки.

— Зря придираются. В последнее время очень регулярно занятия проводим. С боевой стрельбой. Пусть приезжают. Дадим возможность поучаствовать.

— Кстати, о ваших занятиях со стрельбой, — последовал примеру начальника заставы Николай Валентинович. — Будем готовить представление... Кто в бою отличился, Виктор?

— Сержанты Давыденко, Розенберг, Фокин, Болотов, Грушевский, рядовые Алферов, Воробьев, Притчин, Алексеев, Круглов, Поклонов, — начал загибать пальцы Дударев. — Кто еще? Ахмедов, ему бы я сто грамм наркомовских налил, честное слово... Из спецназовцев рядовые Коломиец, Глуховский, Бирюков, Фадеев. Но в первую очередь, конечно, Гринкевич. Он совершил подвиг — однозначно.

— Напрасная затея, — поднялся из-за стола Сергей. — Там, наверху — жесткие лимиты. Если будут награждать всех отличившихся прапоров да солдат, начальству орденов не хватит... Однако пора ехать в Мир-Башир. — Взглянув на меня, он пояснил: — Азербайджанцам надо перевезти груз, попросили «бэтр» и бойцов для сопровождения.

БТР с грузовиком уже ждут на дороге. Несколько сельчан неловко протискиваются через люк в десантное отделение: в кузове — опасно. Неподалеку от машин в ожидании взводного покуривают бойцы. Парни явно подражают киношным «коммандос»: «бронники» надеты прямо на голые торсы; почти у каждого на предплечье «фирменная» накладка — номер группы крови и надпись готическим шрифтом «Ад хок фосиз». Чтобы, значит, все видели: это не просто какой-то там рядовой стрелок, это элита — спецназ, краса и гордость войск.

— Не ругают офицеры за татуировку? — полюбопытствовал я у доморощенных «коммандос». — А то ведь из-за наколочек со «спецконтингентом» вас не мудрено спутать.

— Чо ругать-то, — хмыкнул боец с черным пушком над губой. — Татуировка — дело личное. Тем более — группа крови. Мы специально и песню строевую подобрали. Жаль, замполиту не понравилась.

— Что за песня?

— Из репертуара Виктора Цоя... «Группа крови на рукаве, мой порядковый номер на рукаве. Пожелай мне удачи...» И дальше все вместе: «В бою!»

Я понимаю этих ребят. У каждого поколения свои кумиры, свои любимые песни

и символы. И свои трагические страницы в книге под названием «История».

Застегивая бронезилет, к машинам спешит Гринкевич. С ним — офицеры и старшина.

— Про бензин не забудь, Сергей Иванович, — напоминает Дударев. — И поосторожней там в горах...

Отъезжающим крепко жмут руки.

— Зачем прощаться? — удивился я. — Они ведь скоро вернутся.

— А никто и не прощался. Просто пожелали удачи. У нас так принято. В дороге всякое может случиться. Дай Бог, чтоб эта развалина не подвела, — ласково похлопал по броне прапорщик Симаков.

«И каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг», — обожгла сердце всплывшая в памяти строка из «Баллады о прокурорном вагоне».

Вернулась группа сопровождения к самому разводу. Встреченный Дударев хотел уже посылать навстречу бэтээр.

— С бензином были проблемы, — стал рассказывать злой как черт Гринкевич. — Пришлось к начальнику ВОГ идти. Спасибо, посодействовал. И на обратном пути было небольшое приключение. Заглох левый движок. Еле перевал взяли. Раис — молодчага!

«ГЛЮКИ»

ПРИКАЗЫВАЮ заступить на боевую службу по охране и обороне Умудлу с задачей не допустить нападения на посты, проникновения в село и на заставу вооруженных экстремистов. Сигналы взаимодействия и опознавания... Пароль...»

Бэтээр развозит солдат по постам.

А мы, сидя в окопчике, вновь гадаем: нападут — не нападут. На душе тревожно и мутрно.

Подошло время идти на проверку постов. Напрашиваюсь в помощники Трикуличу и Гринкевичу — сегодня их очередь.

Начинаем обход с левого фланга охраняемого участка. В ту ночь ему больше всех досталось: именно сюда был направлен кинжальный огонь боевиков. У ефрейтора Андрея Бауэра и рядового Романа Притчина — уши на макушке. Они всецело обратились в зрение и слух. Лишний раз напоминаю парням о бдительности не приходится: война — суровый учитель.

— Пароль! — доносится сквозь трель кузнечиков тихий окрик.

— Все спокойно, Бауэр?

— Пока спокойно, — отвечает ефрейтор начальнику заставы, не отрывая взгляда от своего сектора наблюдения.

Шагаем дальше.

— Старайтесь не приближаться к оврагу, — советует мне Гринкевич. — Будьте внимательнее, здесь не Арбат. Оружие возьмите в руку, снимите с предохранителя.

Следующий пост — в двух шагах от чьей-

то усадьбы. За спинами бойцов шумно вздымаются дымовая у хлева буйволицы, покашливают сонные овцы.

Трогательные контрасты...

Полоса «границы», обозначенная оврагом, вплотную подступает к заборам. Идем по тропинке, прямиком через огороды и дворы. У калитки встречает аксакал с клюшкой.

— Чего не спите, отец?

— Ждем «Алазань», боимся...

— Все будет хорошо, ложитесь спать.

Застава начеку, — успокоил Трикулич.

— Да хранит вас Аллах, сынки...

Застава начеку. Каждый окоп — маленькая крепость. Чужому не пройти. В этом я убедился, протопав вдоль «границы» по периметру села.

Только вернулись с проверки, слышим — выстрелы: одна очередь, другая... Это ефрейтору Бауэру показалось, что к окопу, посвечивая фонариком, из оврага кто-то подкрадывается.

За завтраком бойцы оживленно обсуждали происшествие.

— Довоевались, парни, у нашего Андрюхи крыша поехала — «глюки» начались.

— У тебя самого крыша... Я четко видел: в овраге мигает фонарик. Это был их разведчик, а никакие не «глюки». Я — за автомат, пусть не лазит.

— Правильно, не ты его, так он тебя. На войне как на войне.

— Чо скажу, парни, — вот у меня на днях была галлюцинация. Показалось, что в заброшенном доме справа от окопа окна горят. А в комнате... девушка моется.

— Голая девушка?

— Иди ты...

— Кому что, а мне вот повоевать охота. Жаль, не было сегодня нападения...

— Во дурак, а! Вроде не зеленый, а рассуждаешь, как салага. Повоевать... Подранят, как Алферова!

— Жалко Игорька. Настоящий мужик! Весь в кровянице, а с дозора не ушел, хотя имел право как раненый.

— На его месте я б тоже остался. И любой из нас. Зря Дударев подкалывает: сдрейфили, мол, бойцы... Кто сдрейфил? Мы сдрейфили!

Парни, парни... Им, воспитанным в мальчишеских батальях, кажется: последнее дело — признаться в том, что под пулями было страшно.

«Группа крови на рукаве»... — кто-то тихонько, про себя, запел любимую, «спецназовскую»...

МНЕ ПОРА. Из батальона идет машина в Степанакерт. Когда еще будет такая okazия?

Не прощаемся. Желаем друг другу всего, что принято желать на войне.

«ЗИЛ» вырывается на дорогу. Поворот — и белый домик с бэтэерами во дворе скрывается из виду. Спокойных ночей тебе, застава. А не будет покоя — удачи в бою.

Умудлу — Москва.



НАШ АДРЕС:
107120, Москва,
Сыремятинский
проезд, 8,
редакция журнала
«На боевом посту»

Такой не подведет

О старшем прапорщике С. Щукине, помнится, ваш журнал уже рассказывал: как он, рискуя жизнью, спас тонувшего человека. Тогда мужественный воин внутренних войск был отмечен медалью «За спасение утопающих». Позднее к той награде прибавилась и другая — «За боевые заслуги» — за образцовое исполнение воинского долга в горячих точках.

И вот не так давно Сергей Николаевич вновь отличился: загорелись огромные запасы древесины, и в числе первых, кто вступил в схватку с огнем, был именно Щукин. Это благодаря во многом ему пожар сравнительно быстро удалось укротить.

Сам я участник Великой Отечественной войны, имею 10 детей и много внуков. От всей души хочется поблагодарить такого доброго бойца, как Сергей Щукин. Такие и на фронте не подведут.

П. МАЛЫГИН.

Помогите еще раз

В 1986 году наше учреждение было утверждено как лечебное — для больных туберкулезом. Для администрации колонии и нас, военнослужащих, ввели льготы (доплата к окладу 15 процентов, прибавка к ежегодному отпуску 15 суток). Следует, видимо, оговориться, что тогда, в 1986 году, все это нам ввели лишь через полгода и только после того, как мы написали в ваш журнал.

В 1990 году от нас осужденные, больные туберкулезом в активной форме, были вывезены в центральную больницу. Однако вызвало большое удивление у всех их быстрое «выздоровление», когда они вернулись к нам назад через 2—3 месяца. К тому же в нашу колонию, которая теперь формально считается предназначенной лишь для здоровых осужденных, постоянно стали прибывать для свиданий с родственниками больные активной формой туберкулеза...

Мало того, что нам отказано в льготах, с нас еще удерживают выданные ранее за 5 месяцев прибавки, якобы не по-

ложенные. Администрация колонии же как получала, так и получает льготы.

Просим вас еще раз помочь нам восстановить справедливость. На все наши попытки добиться правды на месте получаем отказ.

Старший лейтенант В. Аникин, рядовой Л. Шайкина и др. (всего 20 подписей).

ОТ РЕДАКЦИИ. Как проинформировал нас начальник управления внутренних войск МВД СССР по Западной Сибири генерал-майор А. Шкирко, после рассмотрения на месте с начальником Красноярского УЛИТУ решен вопрос о льготах для военнослужащих. Неправомерно удержанные деньги за 5 месяцев 1991 года будут возвращены контролерам за счет виновных лиц.

Воровал, выполняя приказ...

В нашей части в дисциплинарном батальоне отбывает наказание бывший военнослужащий внутренних войск рядовой С. Дубовкин, осужденный за кражу государственного имущества по предварительному сговору группой лиц. Дубовкин не согласен с вынесенным в отношении него приговором, он направлял кассационную жалобу в военный трибунал Туркестанского военного округа, но определения о пересмотре дела в часть не поступило.

Как военный дознаватель, к которому обратился с рапортом С. Дубовкин, я внимательно ознакомился с документами и полагаю, что требуют тщательной проверки лицами, не заинтересованными в исходе данного дела, многие факты. Во-первых, Дубовкин был взят под стражу без проведения по его делу следствия как такового, без представления ему обвинительного заключения и объявления приговора (Дубовкин сначала проходил свидетелем по уголовному делу, совсем, кстати, другому — командира взвода старшего лейтенанта Акимова А. Н., избившего подчиненного рядового Маamedова).

И второе — подписать компрометирующие его документы Дубовкина силой за-

стаил старший лейтенант Акимов. После того, как солдат дал показания против него, офицера.

Да, Дубовкин участвовал в противоправных деяниях. Но — под приказом! А приказ начальника у людей военных и поныне — закон для подчиненного. Не учитывать этого, думаю, нельзя.

Майор С. КРЮКОВ, дознаватель.

ОТ РЕДАКЦИИ. Обращение С. Крюкова в журнал мы направили в военную коллегию Верховного суда СССР. Надеемся, что компетентная проверка позволит установить истину.

В этой, в общем-то, частной истории, как нам представляется, есть проблема, решение которой требует более четкого и однозначного толкования в разрабатываемых общевойсковых уставах — порядок отдачи и выполнения приказов. Потому-то и решено было опубликовать письмо дознавателя.

Как жить дальше?

Мой муж Роман Митдибаевич Шамсияров служит в Кемерово во внутренних войсках с 1983 года. Имеет троих детей в возрасте четырех, двух с небольшим лет и семи месяцев. Могаемся по частным квартирам: никто надолго с малышами не хочет пускать. Муж стоит в очереди на жилье — под номером 89. Льготной очереди нет. Сколько раз обращалась в часть, в горисполком, райисполком за помощью — без толку. После очередного визита к командиру вызвали мужа и... отчитали. Дескать, зачем, не имея квартиры, детей наржал...

Где искать выход, сколько еще можно терпеть? Где прикажете жить, если нас опять хозяева попросят освободить угол?..

ШАМСИЯРОВА Назира Мазгаровна.

Генералы одного батальона

Евгений Иванович Белов, Александр Михайлович Косоговский, Владимир Кириллович Бойко, Михаил Сергеевич Обревко, Вадим Григорьевич Самохвалов, Николай Павлович Катагаров, Генрих

Александрович Малюшкин — имена этих людей хорошо известны во внутренних войсках. Пройдя нелегкий путь от солдата, курсанта училища, они стали офицерами и достигли генеральского рубежа. И что примечательно — все они воспитанники одного батальона. Нынешний командир подразделения майор Олег Понижатко с гордостью показывает альбом, посвященный именитым сослуживцам.

— Уважение к традициям родного коллектива, части в целом помогает лично-му составу успешно решать все поставленные задачи, — утверждает он. — А пример ветеранов вдохновляет на самые высокие цели.

Кто знает, возможно, через годы в альбоме появится и фотография сегодняшнего молодого комбата. В родном подразделении он был командиром взвода, роты, недавно успешно завершил учебу на заочном факультете Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Полковник в отставке В. КРИВЕЦ.

И с радостью совершайте поприще свое!..

Как депутат районного Совета города Тожска я состою членом комиссии по законности и общественному порядку. Приходится соприкасаться со службой воинов внутренних войск, видеть их в действии. И не перестаю восхищаться их мужеством, выдержкой, самоотверженностью. Пусть благословит Бог всех наших сыновей и братьев, кто, не жалея сил и жизни своей, охраняет покой граждан. И несмотря на то, что все они, конечно, убежденные атеисты, но в трудное время, переживаемое сейчас всеми нами, их служба подобна служению Христа, который считал (иногда полезно вспомнить Библию): «Я ни на что не взираю и не дорожу своей жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое...»

Храни вас Бог, дети, охраняющие наш покой!

С уважением к вашему журналу
Тамара Николаевна ГРЕХОВА.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Отдохнет, как положено

В десятом номере журнала за 1991 год опубликовано письмо жены офицера — Т. Евченко «Лишили очередного отпуска». Как проинформировал редакцию командир соединения, факты, изложен-

ные в письме, соответствуют истине. В частности, то, что старшему лейтенанту С. Евченко неправомерно были засчитаны в счет очередного отпуска дни, которые он не выходил на службу, ухаживая за больным ребенком. Офицеру будет предоставлено положенное время для отдыха. К виновным в бездушном отношении к подчиненному приняты меры дисциплинарного воздействия.



Каждому из нас хоть однажды бросалось в глаза тревожно-кричащее: «Их разыскивает милиция!», «Внимание: розыск!». У парадных УВД и горотделов, в шумной сутолоке аэропортов и вокзалов. В минуты вынужденного безделья отталкивали наш взор угрюмые и мрачные физиономии, снятые в профиль и анфас и упрятанные за стекло милицейских витрин. К сожалению, пока не за решетку. Убийцы и насильники, воры и грабители, расхитители и мошенники... Возможно, кто-то из них, тая злорадную ухмылку на устах и нож в кармане, тут же, из-за вашего плеча изучал свой фотопортрет. Увы, их немало в бегах, скрывающихся от карающей руки Закона и совершивших побег из мест лишения свободы. Первыми занимается милиция, последними — еще и службы розыска внутренних войск. Но практически каждому розыску предшествует

ПОБЕГ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛУЖЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: «В 1 час 20 минут в жилой зоне ИТК строгого режима на участке часового рядового Имамалиева Д. А. технические средства охраны подали сигнал «Тревога!». Начальник караула сержант Колпаков Д. Н. в нарушение требований Устава караул не поднял, к месту срабатывания ТСО с резервной группой не выдвинулся, дежурному помощнику начальника колонии, начальнику войскового наряда и в роту не доложил, а ограничился разговором с часовым. Последний доложил, что у него на посту все нормально.

В это время осужденные Ожерельев А. А. и Колодич В. Н., ранее употребив браги, в 120 метрах от часового преодолели... ограждение и беспрепятственно незамеченными совершили побег. В ходе розыскных мероприятий Колодич В. Н. задержан. По его словам, в момент преодоления линии охраны часовой на постовой вышке отсутствовал. Розыск Ожерельева А. А. продолжается...»

В одночасье сложились в одну порочную цепь ротозейство военнослужащих, халатность администрации и вольница осужденных. Потому-то и рыскали среди нас

загнанными волками два опасных преступника (один и сейчас на свободе), чье место суд однозначно определил за высоким забором. К сожалению, забор этот, да и «человек с ружьем» не стали серьезной помехой на их неправом пути. И, увы, не только в этой исправительно-трудовой колонии строгого (заметьте — строгого!) режима...

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛУЖЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: «Около 22-х часов осужденные Лопухин Н. А. и Золотухин Н. Н. в жилой зоне ИТК на чердаке столовой выпили три литра браги. Затем спустились вниз и бражничали уже в 15—30 метрах от внутренней запретной зоны. В ходе пьянки Золотухин предложил совершить побег, на что Лопухин согласился. Около часа ночи они ползком преодолели внутреннюю запретную зону. Технические средства охраны сигнал не подали. Осужденные оторвали доску ограждения и незамеченными преодолели линию охраны. Принятыми мерами по розыску беглецы задержаны. И показали, что в момент побега часовой рядовой Маликов А. А. на постовой вышке отсутствовал».

Две колонии строгого режима, два караула, «бессонных и строгих», два часовых, «бдительных и зорких»... В этих примерах, похожих друг на друга как две капли воды, с зеркальной точностью отразились все беды и пороки, поразившие в последние годы систему охраны исправительно-трудовых учреждений. Тому, что объединяет их, имя —

БЕСКОНТРОЛЬНОСТЬ

МАЙОР В. ПОТЕХИН, ОФИЦЕР ШТАБА: «Говоря о проблемах охраны ИТУ, мы уже зубы стерли до корней, а воз и ныне там. Нет, никто не отрицает необходимости «усиления», «повышения» и «улучшения», как можно! А на деле! Число осужденных в колониях, за редким исключением, превышает установленные нормы, а контролерская служба сокращается. Вот и выходит, что на тысячу осужденных приходится три-четыре контролера, которые остаются подолгу со своими подопеч-

ными один на один. Каково им! И о каком качестве контроля можно говорить при таком раскладе! Потому и чувствуют себя зеки вольготно: пьянствуют, нарушают режим содержания, бегут...

Далее. Как аукнулась в обществе антиармейская кампания, так и откликнулась она у нас. Только в этом году некомплект личного состава составляет несколько сот человек. Думаю, даже человеку, далекому от службы, нет необходимости объяснять, чем это чревато. Люди буквально валяются с ног, а не всегда успевают перекрыть даже вероятные пути побегов, не говоря уже о невероятных...

МАЙОР В. ГЛАДКИХ, ОФИЦЕР ШТАБА: «По большому счету, надо менять всю систему охраны ИТУ. То, что мы имеем, — вчерашний день. Ну где вы видели, чтобы в доме был один хозяин, а на дворе другой! У нас же получается именно так: колония со всем ее укладом — вотчина администрации, а мы — так, приставлены это хозяйство сторожить. Да еще от нас в зону снаряжаются контролеры, которые должны там нести службу по правилам администрации, почти ничего не получая взамен.

Пока в ИТК тишь да гладь, между подразделением и администрацией — иллюзорная видимость согласия. И то последние нередко ужимают «служивых», дабы не задавались: то стройматериалы на противопобеговые заграждения не выделяют (хотя сами же и должны их строить), то урежут средства на другие нужды, то контролера жильем обойдут. Для профилактики. Своя рука владыка! Ну, а когда гром грянет — побег или, упаси Бог, ЧП — тут уж, как говорится, табачок врозь. Нет, меры по ликвидации последствий, конечно, принимаются сообща. А вот ответственность за случившееся чаще всего сваливают на военнослужащих, мол, недоглядели ротозей. Спрашивается: коли уж не хватает у государства силенков содержать профессиональных «вышкарей», так, может, хоть контролерскую службу передать под начало администрации колоний! Затрат на это особых не потребуется, а выгода — очевидная: будет у контролеров одно начальство, значит, и спрос больше, и ответственность выше, чем при двоевластии. Не зря ведь говорят, что у семи нянек — дитя без глаза...»

Проста и понятна логика рассуждений офицеров: в них остро ощущается боль, обеспокоенность. Нет, не за себя — за службу. А все же не укладывается в голове, как могли осужденные буквально под носом у часовых совершенно спокойно преодолеть годами отработанную систему охраны! Четверо за двое суток! Не в шапках же-невидимках они ударились в бег! Что же это за порядки такие, а вернее будет сказать так, как выразился мой коллега, узнав о случившемся:

«ПОРЯДОЧКИ!»

ФОРМАЛЬНО в обоих случаях мысли о побеге были подогреты брагой. Сначала этот самопальный напиток тонкой струей ударил в днища алюминиевых кружек осужденных, а затем мощной волной саданул их по мозгам. И в который раз уже подтвердило свое право на бессмертие народное присловье: пьяному море по колено. Неприметные до этого, не пользующиеся авторитетом в зонах осужденные тут же превратились в этаких монстров, готовых на любое злодеяние.

И здесь не только мой коллега, но и любой здравомыслящий гражданин задастся вполне резонным вопросом, что же это за порядочки такие в зонах, при которых зеки чувствуют себя вольготно, точно завсегдагаи в грязных пивнушках? На что, не покрывив душой, можно ответить так: порядки-то правильные, а вот их соблюдение оставляет желать лучшего. И дело не столько в разгильдяйстве или халатности должностных лиц (бывает и такое), сколько в их физической неспособности объять необъятное. Обширные периметры зон, многочисленный контингент осужденных, за каждым из которых глаз да глаз нужен, нагромождение промышленных и хозяйственных объектов, где они трудятся, исправляются (или исправляются, трудятся)... И на все это — горстка людей, осуществляющих надзор. Конечно, они делают все возможное, а порой и невозможное, выполняя свои обязанности, но, увы. Нередки случаи захвата заложников, злостного нарушения режима содержания и даже убийства контролеров.

А что мы имеем по периметру объекта? Основное ограждение, контрольно-следовая полоса, несколько рядов противопобеговых заграждений, систему инженерно-технических средств охраны, служебно-розыскных собак, караульные вышки и, главное, часовых на них. Вооруженных, как положено, автоматами и необходимым количеством боеприпасов. Дрожь пробирает от мысли рискнуть и попробовать пробиться через все эти препоны к желанной свободе. Ведь, по уму, на каждом шагу ты должен быть обнаружен и, в лучшем случае, остановлен. В худшем — убит.

Тем не менее бегут. И нередко, как в нашем случае, — удачно. Более того, без четко выверенного расчета и тщательной подготовки, увеличивающих шансы на успех. Лишь спонтанная дерзость, распаленная хмелью. Очень заманчиво было бы свалить все на роковую случайность, но вспомним: в моменты побега осужденных на постовых вышках не было часовых рядовых Д. Имамалиева и А. Маликова, начальник караула сержант Д. Колпаков не срабатывание техники не отреагировал, как предписано, а при рывке через ограждение Золотухина и Лопухина ТСО и вовсе сигнала не выдали. Не напоминает ли это перечисление снежный ком, несущийся с

горы, у подножья которой с повинными головами стоят все причастные к организации боевой службы. Вот так и оказались повязанными одной веревочкой офицеры В. Жученко, А. Барышников, П. Сапегин, А. Балабанов, И. Поздеев, Е. Чурилов и другие. Именно их благодушие и нетребовательность сослужили «добрую» службу чetyрем осужденным, на трезвую голову и не помышлявшим о побеге.

Совсем не на высоте оказалась и администрация колонии, откуда ударились в бега Лопухин и Золотухин. Если их соседи по несчастью все же обнаружили «пропажу», то здесь о беглецах узнали лишь после того, как старшина сверхсрочной службы Черняков встретил и опознал их на улице поселка и даже сумел задержать Лопухина. Вот уж где, действительно, случайность.

Давняя традиция: ошибки одних приходится исправлять другим. После того как «прокололись конвойнички», стал стремительно раскручиваться маховик другой службы: объявили

РОЗЫСК

ВЫГОРЕВШИЙ добела ситец неба над млеющей от зноя тайгой без устали кромсал широкими лопастями небольшой юркий вертолет. По всем каналам связи о побеге чetyрех осужденных оповестили местное население, взяли под наблюдение наиболее вероятные места их появления. На покосах, точно приманку для диких зверей, оставляли еду, в надежде, что оголодавшие беглецы позарятся на нее, выдадут себя.

Безрезультатно. Преступники затаились в тайге и носа не казали на люди. Только на третий день фортуна улыбнулась розысникам. С восходом солнца, как и прежде, в небо взмыл вертолет и начал барражировать над районом поиска. И вдруг, когда пилот заложил очередной вираж, подполковник А. Клименко увидел ярко-оранжевое пятно на темно-зеленой замше тайги. В первое мгновение подумалось — рабочий с находящейся поблизости железной дороги. Но, решив, что в этом случае лучше перебор, чем недобор, дал летчику знак идти на снижение. Слегка покачиваясь, вертолет завис над подлеском, и оттуда неожиданно, словно зайцы от гончей, сиганули два человека и кинулись в разные стороны. Один был в яркой безрукавке дорожного рабочего. «Они!» — гулко стукнуло сердце Клименко, а пальцы уже сдвинули предохранитель. Треская автоматная очередь поверх голов заставила одного из «стайеров» упасть на землю, второй же нырнул в густые заросли.

— Ищи поляну! — перекрывая гул двигателя, скомандовал подполковник. — Иначе уйдут!

Секундная стрелка едва успела обегать один круг по циферблату, но офицерам в «вертушке» показалось, что прошла вечность. С высоты двух метров они спрыгну-

ли вниз и сломя голову кинулись через чащу... Колодича настигли сразу. Ополочив от страха, он даже не сопротивлялся. Ожерельева же выстрелы только подстегнули, точно цыганский кнут резвую лошадь. Он задал такого стрекача, что его и след простыл.

Кстати, Александр Александрович Ожерельев, не новичок на зоне, и по сей день в бегах. Как в воду канул. Только однажды «засветился» ненадолго. Окончательно оголодав, притаился он у дороги, ведущей в небольшую деревушку. Подкараулил десятилетнего мальчишку с сумкой, решив, что в ней — продукты, и, накинувшись на пацана, стал душить его. После, посчитав мертвым (вот ведь какую веруюгу упустили!), закидал ветками и мхом. Однако поживиться не удалось — сумка оказалась пустой.

Мальчишка, к счастью, оклемался и добрался до деревни. О случившемся сообщили по телефону куда следует, но время было потеряно, на тайгу опустилась ночь, и дальнейшие поиски не увенчались успехом.

Что же касается четвертого беглеца, Золотухина, то здесь розыску здорово помог пятиклассник Витя Батуро. В жаркий полдень плескались пацаны на прогретой солнцем отмели. И тут Витя увидел незнакомого дяденьку в прибрежных кустах. Здешние мальчишки — стреляные воробьи, чужого за версту чуют, а раз прячется — значит, чего-то боится. Стараясь не спугнуть пришельца, быстренько засверкал голыми пятками с железнодорожной станции. Там был телефон, там были взрослые.

Военнослужащие сработали грамотно. Едва поступил сигнал, в кузов ГАЗ-66 запрыгнули рядовые Насибулин и Нишанов со своими питомцами Джули и Азоном. Группу возглавил прапорщик Никитин. Поднимая тучи пыли, машина понеслась к указанному мальчишками месту. Правда, осужденного в кустах не оказалось, но по свежему следу многоопытная Джули — неоднократный призер соревнований по служебно-розыскному собаководству — через четверть часа настгла и опрокинула на землю отощавшего Золотухина. Солдатам осталось лишь защелкнуть наручники на его запястьях...

Подведены итоги: трое беглецов взяты по горячему следу (чем не свидетельство профессионализма войсковых сыщиков!), одному удалось ускользнуть из расставленных сетей. Пока, разумеется: розыск не прекращен, он просто расширил свои рамки. Но сколько веревочке ни виться, конец все равно найдется. Как найдется и Ожерельев. И вернется за высокой забор. Со значительным «приварком» за побег, естественно — эффект бумеранга. Жаль только, что силы и нервы розысников не подвластны этому эффекту, да и пострадавших от него куда больше, чем виновных.

Майор В. ЯСТРЕБА,

Управление внутренних войск
по Западной Сибири.

ЕСТЬ ЛИ У ОФИЦЕРА СБЕРКНИЖКА?

СВОЕГО давнего приятеля, офицера одной из наших частей, я застал за весьма деликатным занятием — он считал деньги. Поприветствовав смущенно и извинившись, Сергей, чтобы не сбиться, продолжил раскладывать купюры разного достоинства пачечками крест-накрест. Сумма, видимо, была приличная.

— Никак собрался накопления на сберкнижку положить, товарищ подполковник? — полюбопытствовал у друга, когда он сложил дензнаки в конверт.

— Какая сберкнижка? — завелся с полюборота в общем-то всегда отличающийся выдержанностью товарищ. — Залез в очередной раз в кассу взаимопомощи, теперь год ежемесячно, считай, треть зарплаты отдавать придется! А ведь, сам знаешь, и без того едва концы с концами сводим...

— Зачем же лез в кабалу?

— А что делать? В магазинах шаром покати — ни овощей, ни фруктов, а если что и бывает — цены кусаются. О рынке и не говорю — не с нашими капиталами туда ходить. Короче, поддался на уговоры жены и матери, взяли садово-огородный участок. Будь неладен день, когда решился на такое. Теперь все и без того несчастные свои выходные плюс отпуск очередной без остатка — копаню, сажаю, пилю, строгаю...

Монолог Сергея прервал настойчивый звонок. Переговорив по телефону, приятель уточнил:

— А деньги взял на строительство жилого блока. Дорогой обещает стать эта «стройка века». Чтобы отвезти десяток досок и пару мешков цемента, частнику надо заплатить кругленькую сумму. Но нужда заставляет. Будет где от дождя спрятаться, инструмент хранить. Без собственных «колес» за восемьдесят километров на электричке все с собой не увезешь.

...Потом мы неоднократно возвращались к теме начатого так неожиданно разговора. Сергей был не так уже категоричен в оценке поступка, на который его сагитировали домашние. Рассказывал спокойно о трудностях, связанных с освоением садово-огородного участка, с карандашом в руках доказывал, что в перспективе клочок земли в несколько соток при заботливом уходе за ним, даже при небольших материальных затратах и издержках ныне, станет чувствительным подспорьем семейному

бюджету. Сокрушался только в шутку: дескать, с этой «фазендой» он, страстный рыболов, забывать стал, когда в последний раз удочку в руках держал. Однако за иронией нетрудно было уловить нотки большой обиды: не от хорошей жизни он, подполковник, «академик», профессионал, одним словом, вынужден укроп, помидоры, картошку выращивать.

Супруга его как-то не сдержалась, призналась: переживает муж, что не там силы свои растрчивает. И потом, меньше стал читать, заниматься спортом: некогда, устает. Раньше находили время в театр выбраться, теперь не до этого.

Мать Сергея рассуждала поприветственнее: горбится, разрывается сын на части, а переведут по службе — все труды уйдут как вода в песок.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

Доля дохода от ведения подсобного хозяйства в семьях военнослужащих составляет 0,2 процента бюджета. У рабочих и служащих — более чем в десять раз выше — 2,8 процента. В целом же бюджет военнослужащего, которому запрещены совмещение должностей, другие виды приработка, практически на все 100 процентов определяется денежным содержанием. У гражданского человека доход делится примерно так: 40 процентов — зарплата, а 60 — от иных источников дохода (ведение подсобного хозяйства, совместительство, индивидуально-трудова деятельность, всевозможные премии и т. п.).

ЕЩЕ НЕДАВНО очень распространенным было мнение, мол, военные, особенно офицеры, живут припеваючи. Ну, просто как сыр в масле катаются. Сейчас как будто немного осталось заблуждающихся на сей счет: люди при погонах не менее, а зачастую даже более обездолжены, нежели их гражданские соотечественники.

Взять семейство того же Сергея. На руки глава семейства, занимающий, между прочим, весьма высокую должность, получает в пределах 700 рублей (как тут не сравнить: водитель большегрузного автомобиля или машинист электровоза в метро, не «обремененные» двумя высшими образованиями, как мой товарищ, зарабатывают в месяц чуть ли не в два раза больше). Жена Сергея в силу того, что муж трудится

от «темнацати до темнацати», а сын — старшекласник, вынуждена была устроиться на полставки, то есть занята на производстве чеполный рабочий день. И получает соответственно. На попечении семьи — престарелые родители, у которых небольшая пенсия. Вот и считайте, каков уровень достатка в доме моих друзей. Тут и впрямь, как говорится, не до жиру, быть бы живу.

Конечно, семья Сергея, если сложить доходы всех взрослых, может себе позволить такую, допустим, покупку, как более-менее приличные женские сапожки. Но при условии, что месяц придется питаться святым духом...

БЕЗ РЕТУШИ. *Моя жена, как ни старалась, но на работу так и не смогла устроиться. В нескольких местах ей отказали, узнав, что она жена офицера внутренних войск. В других и разговаривать не желали: видите ли у нее фамилия мусульманская (а служим мы в Армии)...*

Лейтенант Р. А.
(фамилию просил не называть).

Если же брать семейство лейтенанта, даже капитана, в наиболее распространенном варианте: муж, жена, двое ребятишек, то картина материального положения офицества войск получится куда более удручающая. Хотя бы уже потому, что младшие офицеры, если не как правило, то уж зачастую не имеют постоянного жилья. В привычном понимании этого слова. И обретаются по частным квартирам, отдавая за снимаемые «апартаменты» (обычно комната в несколько квадратных метров) треть своего денежного содержания. Правда, с некоторых пор предусмотрена компенсация за поднаем жилья военнослужащими, но эта помощь не покрывает, к глубокому сожалению, и половины расходов на обеспечение какой-никакой крыши над головой бедолага. В подтверждение могу сослаться на пример, за которым и ходить далеко мне не надо. Коллега по редакции журнала за поднаем однокомнатной квартиры в Москве до недавнего времени в течение двух лет платил ежемесячно столько, сколько я зарабатывал будучи майором... А сейчас эти «рыночные» расценки еще более возросли, и товарищ, отправив жену с ребенком к родителям в другой город, сам устроился (и то с помощью редакции) в общежитие...

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ. В среднем по стране на одного гражданского приходится 10,6 м² жилой площади. В офицерских семьях этот показатель гораздо ниже—6,7 м².

А переезды? Как показывает статистика, среднее время пребывания на одном месте. На боевом посту № 12

те офицера — чуть больше трех лет. И предусмотренные меры компенсации, как-то: бесплатный перевоз части багажа, бесплатный проездной билет и т. п. — не покрывают и малой части материальных потерь от переезда. Ведь не зря же говорят в народе: два переезда с одного места на другое равнозначны пожару в доме. Нетрудно подсчитать, сколько «пожаров» пережила семья офицера, прослужившего 25, а то и 30 лет.

Камень, долго лежащий на одном месте, и тот мхом обрастает. Военнослужащий, не по своей вине колесящий «от Москвы до самых до окраин», в том числе и по местам «не столь отдаленным», не по книжкам, а что называется, на практике постигающий географию своей страны, нередко перед выходом на пенсию остается без приличной квартиры, без какой бы то ни было мебели, вдали от отчего дома...

Низкий уровень дохода в офицерских семьях объясняется еще и тем, что в силу ряда объективных причин во многих из них жены вообще не работают. В частности, потому, что там, куда их забрасывает вместе с мужьями судьба, отсутствуют на-

БЕЗ РЕТУШИ. *Сюда прибыл служить три с половиной года назад. На должность командира роты. Поставили на очередь одиннадцатым. И сейчас, как недавно выяснил, стою в очереди под номером 11. Снимаю комнату за 120 рублей. Компенсацию выплачивают почти в два раза меньше. Живем втроем на мои 560 в месяц. Не пошкучеешь.*

Ребенок меня практически не видит: ухожу — он спит, прихожу — опять спит. Жена, конечно, от этого не в восторге. И главное — прозега впереди никакого. В батальоне все ротные — молодые. И все в таком же точно положении, как я.

Старший лейтенант С. ДЕДЫКИН.

чисто свободные рабочие места. За ними, этими местами, выстраиваются очереди не в один год. За любимыми, не говоря уж о выборе работы по специальности.

Немало «боевых подруг» взводных наших, ротных сидят дома потому, что нет возможности определить ребятишек в детские дошкольные учреждения.

А сколько случаев (несмотря на конкретные регламентирующие документы), когда семьи военных живут подолгу на нелегальном месте службы без прописки — со всеми вытекающими отсюда последствиями. В том числе и перспективной супруги военнослужащего оказаться в числе безработных.

Так что у офицера, если у него нет солидной поддержки родителей, шансов сколько-нибудь приличные деньги положить на сберкнижку негусто. Не случайно, наверное, большинство моих собеседников в частях и подразделениях войск, как выяснилось, вообще никогда не заводили сбер-

кишечек. На счетах тех, у кого они есть, как правило, лежат небольшие суммы.

Кстати или нет, но мне вспомнилась адруг встреча с группой западных военных, в свое время посетивших дивизию имени Ф. Э. Дзержинского. Так вот они долго и искренне не могли понять, как это жены наших комбатов, а то и командиров полков трудятся в библиотеках, магазинах военных городков, на любых других непрестижных, в их понимании, должностях. У служивых «из-за бугра», например из бундесвера, начиная с капитанского звания, супруга обычно бросает работу, поскольку зарплаты мужа вполне хватает для обеспечения нормального достатка в семье.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ.

Расчеты, соответствующие положению вещей на лето 1991 года (очень существенная оговорка, ибо цифры: инфляции, поразившей наше общество, меняются по нарастающей из месяца в месяц), показывают: для того, чтобы в РСФСР прожить на уровне «достойной бедности», расходы взрослого мужчины должны составить 320 рублей в месяц, женщины трудоспособного возраста — 283 рубля, мужчины-пенснера — 272 рубля, подростка до 17 лет — 219 рублей. В пересчете в среднем на члена семьи социальный минимум в России составляет 283 рубля на душу населения. При опросе, проведенном в ряде частей в различных регионах страны, выявилось: большинство офицеров живет ниже этой границы...

БЕЗ РЕТУШИ: *Служу в местности, приравненной к районам Крайнего Севера. Климатические условия — крайне неблагоприятные. Конечно, нам предоставляются некоторые льготы. Но вот что обидно — они, эти льготы, почему-то гораздо меньше, чем у гражданских и даже у сотрудников исправительно-трудового учреждения, которое мы охраняем. Понять логику тех, кто издает такие приказы в одном и том же ведомстве, — нельзя.*

Майор С. АНТОНОВ.

А ТЕПЕРЬ давайте вместе порассуждаем, как можно и можно ли выкарабкаться из унизительного положения, в котором оказались мы, военнослужащие? Конечно, наиболее оперативным и, пожалуй, наиболее разумным был бы путь значительного повышения денежного довольствия «людей государственных» до уровня, обеспечивающего им достойную жизнь. Чтобы у «человека с ружьем» голова болела прежде всего о том, как лучше, качественнее, профессиональнее выполнять свой долг вооруженного защитника страны, а не о том, как дотянуть ему вместе с домочадцами до следующей полочки.

Военные у нас всегда были в долгу — перед народом, обществом. Так нас всех

воспитывали. Не пора ли и обществу, наконец, осознать, что оно задолжало тем, кто посвятил себя служению Отечеству! Давно пора уяснить элементарную реальность: просто недальновидно, легкомысленно противопоставлять рубль и долг. Ведь человек, материально не обеспеченный, обремененный бытовыми и иными неурядицами, попросту не может служить с полной отдачей. И не надо об этом стыдливо умалчивать, что мы только и делали на протяжении многих лет.

Тем более, что настроения военных хорошо известны, в том числе и в самых верхних эшелонах власти. В свое время по поручению Президента СССР Минобороны, Минфин, Госплан разработали проект Государственной целевой программы социального обеспечения военнослужащих, членов их семей, а также тех, кто увольняется или уволился с военной службы. В нее включались правовые документы, которые предстояло принять Верховному Совету страны законы, в частности, демократические законы, о прохождении службы и о путях повышения материально-бытового уровня жизни семей офицеров и прапорщиков. Прошло почти два года с тех пор, когда о программе были сделаны первые заявления, а где она ныне, что реализовано из нее? Если не считать, конечно, повышения окладов и других, прямо скажем, мизерных прибавок, которые при нынешней инфляции мало что изменили.

Во время нашумевшего путча гзакчепистов автор этих строк находился непосредственно в войсках. Наши ребята, как сам убедился, продемонстрировали высочайшую выдержанность, на деле доказали, что они стояли и стоять будут на страже Конституции, Заслужили даже благодарность от Президентов Союза и России за свою лояльность законной власти.

Но мне помнятся, пусть и редкие, высказывавшиеся в неофициальной обстановке заявления людей, немало помотавшихся по ближним и дальним гарнизонам, не видящих светлых перспектив в ближайшие годы получить квартиру, прилично содержать семью, о том, что, дескать, а вдруг «новые правители» повернутся наконец лицом к нашим проблемам?..

БЕЗ РЕТУШИ. *Из 14 лет офицерской службы — 8 лет жили с семьей без квартиры. 6 переездов с места на место. Последний — из Казахстана на Волгу. В результате мебель непригодна для эксплуатации. А где купить новую? И на какие шити? Встречаешься с теми, с кем когда-то в школе учился, вместе рос — и стыдно за себя, собственную неустраенность. У них квартиры нормальные, у многих — машины, дачи. У нас же — ничего!*

Майор В. ЮРЧЕНКО, г. Самара.

Нынешние вершители судеб в стране как будто проявили понимание ситуации в армии. В числе первоочередных мер ими было объявлено — будет улучшено материальное, социальное положение тех, кто носит погоны. Что последует за этими декларациями? Опять полумеры? Или продуманные, конструктивные шаги, способные удержать распад Вооруженных Сил страны, войск МВД?

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ. По данным социологических исследований, 50 процентов военнослужащих не имеют возможности по-настоящему реализовать свои конституционные права (права на образование, на отдых, свободу передвижения, на выбор занятий и работы по призванию и способностям, а также на оплату своего труда в соответствии с его количеством и качеством и т. д. и т. п.). 75 процентов офицеров считают, что в их частях не созданы условия для профессионального роста. До 80 процентов жалуются на свои жилищные условия, на снабжение вещевым и иным имуществом.

Симптоматично: и гражданское население все чаще оценивает бытовые условия офицеров как очень плохие (по результатам опроса ВЦИОМ), в начале 1990 года таких было более 40 процентов. Сейчас, надо полагать, этот показатель гораздо выше.

БЕЗ РЕТУШИ. *Когда родились у нас двойняшки, радости не было предела... Втайне рассчитывали, что теперь-то уж решится и жилищный вопрос: дадут квартиру как льготникам, тем более, что пять лет до этого мыкались по чужим углам. Увы, мои девчушкам уже больше года, а квартиру все обещают...*

Капитан Ю. БРИТИКОВ,
Приволжское управление внутренних войск.

И ВСЕ ЖЕ, как уже сегодня можно облегчить участь офицеров, прапорщиков, тех, кто на профессиональной основе правит службу и кто при современном галопировании цен оказался в весьма сложном материальном положении? Разрешить честно подрабатывать, где кто и как только может, как рекомендует служивым людям академик Д. Лихачев, председатель президиума Советского фонда культуры (см. «Известия» от 29 мая 1991 года, «Культурное обнищание»). Не знаю, может, в этом предложении и есть рациональное зерно. Хотя служба есть служба, и она вряд ли допускает, чтобы ее делили еще с каким-то серьезным занятием.

Тем не менее, представляется: есть способы смягчения удара по семьям военнослужащих, вызванного резким подорожанием всего и вся. Возьмем ситуацию, упо-

мянутую в начале заметок. Трудности моего товарища, самостоятельно решающего продовольственную проблему семьи, можно ведь и облегчить. И такой опыт в войсках есть. Через местные органы власти командование некоторых частей договаривается о выделении недалеко от мест проживания большинства офицеров, прапорщиков площадей под садово-огородные участки. Выделяется транспорт, предпринимаются шаги по совместной обработке земли, постройке дорог, закупке саженцев, семян и т. п. В других воинских коллективах устраиваются на регулярной основе выезды в выходные дни на охоту, рыбную ловлю, сбор ягод, грибов, а также, чтобы сделать запасы впрок, в колхозы, совхозы на сельхозработы — на выгодных для военнослужащих и их близких условиях. Чувствительно облегчают расходы при заготовках на зиму и там, где организуют закупку на семьи военнослужащих продуктов — капусты, лука, картофеля и пр. — в краях и областях, где они не так дороги. Все активнее для обеспечения продовольственным дефицитом офицеров, прапорщиков используются возможности подсобных хозяйств частей и подразделений.

Все это происходит там, где без команд и директив сверху от слов о необходимости усиления социальной и иной защиты военнослужащих переходят к конкретным делам. В конечном счете, все равно от нас всех зависит, чтобы процессы, набирающие силу пока только в некоторых, немногих частях, начались, ширились во всех воинских коллективах.

В О ВРЕМЯ нашей очередной встречи с другом тот неожиданно бросил упрек:

— Вы хоть не подливайте масла в огонь...

И вместо объяснения положил передо мной номер приложения к журналу — еженедельника «Ситуация». И показал на объявление о приглашении на работу в один из троллейбусных гарков Москвы. Администрация через рекламу зазывала водителей. При этом гарантировала заработки в 900 рублей, отпуск 35 дней (у Сергея он, кстати, 30 дней), пятидневную рабочую неделю, семичасовой рабочий день (военные об этом могут только мечтать). Плюс бесплатный проезд городским транспортом, снабжение продовольственными и промышленными товарами, для детишек — пионерлагерь, для малышей — ясли-сад...

Конечно, жест Сергея, его упрек вряд ли можно было назвать корректным. Но я не стал осуждать друга. Его-то я, возможно, и сумел бы в чем-то переубедить. Ну, а как быть с десятками, сотнями подчиненных ему офицеров, прапорщиков, которые ежедневно задают ему непростые вопросы «за жизнь»? Не от хорошей жизни!

Полковник В. АФАНАСЬЕВ.

ГДЕ ТАК ВОЛЬНО ДЫШИТ... КУБОМЕТР

Старенький «кукурузник», тудяга рос-сийской провинции, надрывно тархтел над таежным морем, о котором во времена повальной романтики всесоюзное радио по нескольку раз на день сообщало, что море это «под крылом самолета о чем-то поет». Не знаю, какую песню можно услышать сквозь грохот двигателя. Впрочем, и увидишь тоже не много, особенно если летишь зимней ночью, когда от огонька до огонька — не одна сотня километров непроглядной мглы.

Какого лешего надо мне в этом забытом богом краю? Такова уж профессия: пришло письмо в редакцию — поезжай разбирайся. Прилепился носом к стеклу иллюминатора — где верх, где низ, не понятно. Где же люди живут? Но вот в черноте возникла цепочка светящихся точек, и самолет стал проваливаться в тар-тарары.

Прибыл. Самый что ни на есть медвежий угол и в нем — колония-поселение. Где тут скорей всего найдешь военных? Конечно, в дежурке...

Топор здесь, пожалуй, висеть бы не стал, его приперло бы к потолку. Насмолили мужики от души! Когда я в клубах дыма и морозного пара появился на пороге, все повернулись ко мне и чуть не в один голос спросили:

— На чем приехал?

— На самолете, — сообщил я.

От дружного хохота в окне зазвенели стекла.

— Ну, мужики, теперь заживем!

— Представляете сообщение в боевом листке: в аэропорту Шере-мать-его начальника войскового наряда и сопровождающих его лиц встречали...

— Да-а, вот самолета у нас еще не было.

— От колонии до поселка, где мы живем, около двадцати километров. Что на службу, что со службы — как хочешь, так и добираться. Сколько там на ваших?.. Ага, двенадцатый час. Кабы наше начальство о людях думало, так мы бы в это время уже сытые к женам под теплые бока подкати-

лись. Ан нет, сидим тут голодные-холодные, ждем морковкиного заговенья. На чем добираться?

— А администрации ИТУ вы этот вопрос задавали?

— На языке мозоль уже! Как-то раз нас даже услышали и выделили «Урал», но вскоре, содрогнувшись от собственной щедрости, заменили его на другую машину, побывавшую в аварии. Эта калекка придерживалась четкого графика: день ездит, неделю — на ремонте. Но и ее администрация сочла непозволительной роскошью для контролеров. А посему в наше распоряжение была выделена груда металлолома, разгладеть в которой транспортное средство могут либо писатель-фантас, либо художник-абстракционист. Чинить такой драндулет — все равно, что покойнику примочки делать. Вот и семафорим на дороге, на морозе да на ветру, пока какая-нибудь попутка не подберет.

— А чаще топает на своих двоих, — сменил умолкшего рассказчика прапорщик В. Климчук. — До дому доберешься — зуб на зуб не попадает. Утром, чтобы на службу не опоздать, вскакиваешь ни свет ни заря, ноги в руки и — ходу. Собственный дом — вроде ночлежки. Детей только спящими и видишь.

— Руководству ИТУ на нас наплевать, — поддержал разговор еще один издерганный неурядицами контролер. — Да ему и на своих наплевать. Вон майор Агапов сидит — в одной упряжке с нами бегаёт. Начальство одному богу молится — его величеству Кубометру. Кубометру — аллилуйя, а мы — так, щела под ногами...

Входная дверь распахнулась, и в комнату ввалился дежурный помощник начальника колонии, синий от холода, в белой от снега и опилок шинели. После второй кружки горячего чая, уняв судорожный стук зубов, он смог сообщить, что приехал в открытом кузове грузовика и что машина сейчас поедет обратно в поселок. Обнадеженно загомонив, отдежурившая и изождавшаяся смена двинулась к выходу.

Я спохватился, что не успел найти командира взвода, и спросил о нем контролера из заступившей смены.

— Взводным у нас — старший прапорщик Козлов. Попозже придет, — пообещал тот.

— А сейчас-то он где? — не удержался я от вопроса.

Прапорщик саркастически усмехнулся и, испытующе прищурившись, бросил:

— В камере, на нарах... — и пояснил:

— Сейчас Козлову время отдыхать, а помещения для отдыха у нас нет. Вот и спим по соседству с зеками в свободной камере штрафного изолятора.

Некоторое время спустя я познакомился с начальником войскового наряда. Старший прапорщик повторил то, что я уже слышал от его подчиненных.

— Писал я о наших бедах и в журнал «На боевом посту», — сообщил командир взвода. — Здешние начальники туда от-

писку сочинили: мол, факты подтвердились, меры приняты. Прокукарекали, а там хоть и не рассветай. Все вернулось на круги своя. Что было делать? Начальник войскового наряда и начальник колонии — слишком разные весовые категории. Человеческие права у нас с ним, может, и равны, зато служебные — несопоставимы, не говоря уже о возможностях.

Старший прапорщик надолго умолк, горько задумавшись. И во всей его фигуре обнажилось отчаяние рядового труженика, существующего для ломовой работы на светлое будущее, от которого сегодня ему не перепадает ни лучика. Какое уж тут счастье, так бодро воспетое нашими поэтами и композиторами периода «раннего социализма»?!

Командир вздохнул и продолжил:

— Поняв, что до бога высоко, а до царя далеко, я решил действовать иначе: взял и отказался платить партийные взносы. Да, безусловно прослуживший двадцать четыре года, за десять лет партийного стажа не получивший ни одного даже замечания, и вдруг — вот так вот... Может, это и глупо. Но как иначе было обратить на себя внимание? На себя и на наши беды, которые отсутствием транспорта далеко не исчерпываются. Как я был наивен! Если б в глухой тайге я стал головой об сосну биться, эффект получился бы такой же, как и от моей акции протеста. А сегодня, после департизации, чем возьмешь бюрократов? Голодовку объявить? Так этим здесь никого не проймешь — и так впроголодь живем. Особенно на службе питаться и нечем, и негде... А житье?..

Он с досадой махнул рукой, мол, тут и говорить не о чем, и заключил:

— По сути, мы почти наравне с преступниками срок отбываем, только сроки у нас в несколько раз больше, чем у них. И они знают, за что сидят, а мы за что?

Говорят, выслушав одну сторону, истины не установишь. На следующий день я отправился к начальнику отделения ИТУ полковнику внутренней службы Х. Кашаеву.

— Я не разделяю сотрудников колонии и прапорщиков-контролеров на своих и чужих, — заявил товарищ Кашаев. — Отношение ко всем у меня одинаковое.

Надо признать, что это истинная правда: и тех и других начальник в упор не видит, и тем и другим одинаково не сладко.

— Трудности сегодня еще есть, — продолжает полковник, — но на то существуют объективные причины, которые мы стараемся устранять. Словом, ищем выходы.

Вот так, пока вышестоящие столоначальники плодят отписки и отговорки, их подчиненные теряют веру в справедливость и в возможность элементарно человеческого существования в нашей отдельно взятой стране, где кубометр древесины, похоже, дороже человека.

Капитан В. РЫЛОВ.
Управление внутренних войск
по Западной Сибири.

ОБЪЯВЛЯЮТ НАБОР НА ПЕРВЫЙ КУРС



НОВОСИБИРСКОЕ
высшее военное командное
училище МВД СССР
630114, Новосибирск, 114

ВЛАДИКАВКАЗСКОЕ
высшее военное командное
Краснознаменное училище
имени С. М. Кирова МВД СССР
362005, Владикавказ, 5

ПЕРМСКОЕ
высшее военное командное
училище МВД СССР
614108, Пермь, 108

САРАТОВСКОЕ
высшее военное командное
Краснознаменное училище
имени Ф. Э. Дзержинского
МВД СССР
410023, Саратов, 23

ВЫСШЕЕ
военно-педагогическое
училище внутренних войск
МВД СССР
198075, Санкт-Петербург, 75

ХАРЬКОВСКОЕ
высшее военное училище тыла
МВД СССР
310021, Харьков, 21

ТАШКЕНТСКОЕ
высшее военно-техническое
училище внутренних войск
МВД СССР
700211, пос. Ешленинчи
Калининского района
Ташкентской области

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Подполковник Сергей СИНЕЛЬНИКОВ:

„Я НАЧИНАЛ НЕ С НУЛЯ.“

«Со мной разбирались. Чуть ли не грозили — дескать, предаст интересы Советской Армии, ему, мол, оказали высокое доверие, назначив в Политуправление такого округа, а он уходит. А я им твердо сказал: «Надо судить — судите, надо снимать — снимайте. Но я даю согласие. Все!»

С полковничьей должности инспектора ПУРа он «опустился» до заместителя начальника политотдела оперативной части внутренних войск. Прежнее начальство гневало. Родной брат недоумевал. Некоторые сослуживцы едва не презирали.



ПРЕДУЩИЕ



1. Моя «Гавань» не была тихой

— В детстве меня дразнили «фашистом». У меня мать немка. Вот меня и дразнили, когда хотели, как теперь принято говорить, «достать». Дразнили, обижали, били. У меня мечта одна в жизни была — за себя постоять. Мать портничихой была, отчим — шофером. Простая в общем-то семья. Из Абакана переехали на несколько лет в деревню, где кулачные бои и беготню я решил облагородить по-городскому, назвав занятиями в спортивных секциях бокса и оздоровительного бега. Любимым журналом был для меня «Физкультура и спорт», где читал про сильных людей и сравнивал себя с мускулистыми парнями на фотографиях.

В сибирскую зиму дозакаливался до воспаления почки и слег. Почти год хворал. Да так, что мама как-то вздохнула: «Сынок, ты больной, хилый, в армию тебя не возьмут. Думай об учебе».

Я и без того понимал, что надо десять классов окончить, в институт поступить. А вообще-то, честно скажу, я всю жизнь мечтал быть милиционером. Я не мечтал быть космонавтом, летчиком... Я не мечтал быть военным. Я до упомощаения занимался спортом — выбрал, естественно, бокс. После восьмилетки поступил в Абаканский политехникум, учился хорошо. В пятнадцать-шестнадцать лет пришла слава «местного масштаба» — был чемпионом края, призером Сибири и Дальнего Востока. Это сейчас у меня есть «Адидасы» и все такое прочее. А тогда под трехрублевое трико я подкладывал газеты, чтобы не обморозиться — в Сибири морозы за сорок, а десять кэмэ каждый день я обязан был пробежать.

Я всю жизнь себя готовил. Сначала для самозащиты. Потом уже стал ощущать некоторое моральное удовлетворение от того, что не стал бояться всякой шпаны. Был у нас район самый бандитский, «Гавань» назывался. Так вот я шел туда безбоязненно. Однажды окружили со всех сторон и попытались избить. Но я уже кандидатом в мастера был, уходил от мельтешащих рук, а сам нет-нет да влеплю им встречным. А встречный удар в боксе чем опасен — соперник идет всей массой навстречу тебе, и ты сам силу вкладываешь в свой удар, то есть сокрушающий эффект как бы удваивается. Тут главное — расчет правильный и сноровка.

На срочной службе в мотострелках встречный удар тоже пришлось в ход пускать. Это сейчас чуть что случилось, все разом кричат: «дедовщина! дедовщина!». А тогда это норма была. Вот мы с Колькой Масловым пришли из спортклуба армии в обычную роту. Там восемь «дедов»

держат в страхе всех остальных. Приходят как-то из увольнения пьяные, кому-то плохо стало. И вот молодого заставляют убирать за собой. А я стою тут же — мне это дико и непонятно. Я возмущился, говорю: «Стой!»

Они меня били, и я бил. Встречным. Было это на «разборке» в роте почетного караула, в СибВО. Мы с Колькой Масловым (я в весе 63 кг выступал, а он — 60), а их восемь человек. Через пять минут я их уже строил всех. А потом меня били втемную. Второй раз били. Третий раз. Они меня — втемную, я их — в открытую. И они сдались.

А вообще-то глупо говорить, что в армии все на власти кулака держится. Вот вы ведь обратили внимание на то, что драться мне пришлось с малолетства: в городе, потом в деревне, потом снова в городе, но уже в другой возрастной категории. Это ли не доказательство того, что армия — сколок общества.

После службы надо было самоутверждаться не только с помощью кулаков, это я прекрасно понимал. Тренер настойчиво советовал поступать на военный факультет института имени Лесгафта. А у меня и мысли не было быть военным.

И вот 23 февраля 1971 года показывают передачу про Новосибирское высшее военно-политическое училище. Фильм назывался «С неба — на землю, в бой!» Ну, фильм есть фильм. Недаром поговорка родилась — как в кино. Все было красиво — прыгают, бегут, стреляют. Смелые, отчаянные ребята. Телевизор выключили. Все пошли курить. А я остался в ленкомнате с одной мыслью — или я не смогу жить, или буду учиться в этом училище. Я тогда не думал о разнице между командиром и политработником. Я просто хотел учиться в этом училище, чтобы быть похожим на тех ребят.

При выключенном диктофоне. Во внутренних войсках сегодня служит немало офицеров и прапорщиков, пришедших из частей Советской Армии. Это одна из примет нашего смутного времени. С одной стороны — шквальная волна пацифизма, всеподавляющего разоруженчества, разлома (болезненного и безжалостного) воинских коллективов. Эта волна крушит то, что создавалось годами, и выбрасывает с грязной пеной псевдоцивилизации на острые камни тысячи и тысячи человеческих судеб, да судеб непростых, сложившихся не в спортивном, а жизненном «офицерском многоборье», которое только офицерам под силу, да их женам.

А с другой стороны — загорелась в прямом и переносном смысле страна, занимающая шестую часть суши на планете Земля. В полыхающие и тлеющие горячие точки полетели солдаты и офицеры внутренних войск. А точек этих все больше и больше. И никто уже не сомневается в спасительной миссии внутренних войск.

И все же есть такие, кто скрепя сердце сменил петлицы мотострелка, танкиста или десантника на краповые, кто решил «дотянуть» во внутренних войсках до пенсии и кто продолжает смотреть на «взвэшников» несколько свысока, с толикой пренебрежения даже. Пусть дослуживают. Внутренние войска ведь называют войсками милосердия, как ни парадоксально такое словосочетание. Милосердны они ко всем. Вот к себе милосердия дождутся ли?

2. А если мы не нужны Президенту, то зачем мы?

— Афганский кусок я сейчас не смогу сразу рассказать. Перейду к самой нашей теме — как я перешел во внутренние войска.

Все у меня было хорошо. Двадцать лет все прекрасно было: инспектор Политуправления ТуркВО, один из самых перспективных, молодых. Мне уже предложили место начпо дивизии, уже документы готовились.

И тут дело случая или судьба... Разворачивалась оперативная часть внутренних войск. У нас в округе работали полковник Гончаров и генерал-майор Кириллюк. Я, как и многие, не знал толком, что такое внутренние войска. Они видели меня в коридорах ПУРа, видели мои орденские планки — две Красных Звезды, четыре афганских, заходили ко мне, беседовали.

Еще на срочной был у нас замполит полка майор Кудрин, которого все двадцать лет службы я считал единственным политработником с большой буквы. Больше таких не встречал, хоть немало гарнизонов проехал.

И вот встретил. В лице генерал-майора А. Кириллюка и полковника Н. Гончарова. Они заговорили со мной так, как давно никто не говорил. Заговорили по-простому, по-человечески. Мне двадцать лет внушали старшие начальники, что я должен «дойти до каждого солдата, поговорить, изучить...» Со мной же за двадцать лет никто как с человеком не поговорил. А здесь зашел полковник Гончаров и стал говорить. Назвал по имени, стал расспрашивать о семье, о настроении, перспективах. А потом вдруг говорит: «А если мы тебе предложим перейти во внутренние войска, ты дашь согласие?» Я опешил — как я, боевой офицер, в какие-то непонятные ВВ? Мы, в лучшем случае, знали, что ВВ — это охрана зоны. Рекламы-то никакой не было. Если в «Службу Советскому Союзу!» показывали голубые береты — brave ребята идут врукопашную, кирпичи летят — то этому все верили, хотя давным-давно марка десант-

ных войск низко упала (это я как немножко знающий говорю). Я сначала очень возмущался. Меня это предложение возмутило, оскорбило и обидело: «Как! Меня, чьи документы на начпо дивизии готовят? С полковничьей должности на майорскую?»

Но они, люди мудрые, пригласили меня в просмотровый зал и показали пленку о ферганских событиях. Я второй раз в жизни поверил тому, что увидел на экране (первый раз, помните, когда выбрал профессию на всю жизнь).

Я встал и сказал: «Товарищ генерал-майор, я готов пойти к вам на любую должность — хоть майорскую, хоть лейтенантскую». И меня назначили на должность замначпо части. Приезжали товарищи авторитетные из ГлавПУРа разбираться, вдруг я чем-то обижен. Никто не хотел понимать моего выбора, и сегодня никто не понимает, что я добровольно, по призыванию, с великим удовольствием, считая за счастье, перешел во внутренние войска. Я нигде не подыгрываю, я везде и всем говорю — это самая прекрасная оперативная часть.

Но так получилось, что в моей судьбе были Гончаров и Кириллюк, которые сыграли решающую роль. А ведь есть тысячи ребят, которые достойны здесь служить, которые нужны оперативным частям. Но с ними никто не говорит, настоящего-то они не знают — историю, судьбу, значение оперативных частей. Не знают...

Формировались в палатках в октябрь-ноябре, холодно... Мы узнавали друг друга, люди пришли разные. Кто по призыванию (таких было меньшинство), кто в ожидании обещанных вышестоящих должностей. Кто из конвойных частей пришел, кто — из милицейских, кто — из Советской Армии. Как и все, я начинал не с нуля. У меня опыт Афганистана был. У них — по задержанию преступников. Но то, с чем пришлось столкнуться, — для всех впервые. И здесь дают команду — в Баку...

При выключенном диктофоне. Там-то мы с Синельниковым и познакомились, в черном январском Баку. Накануне войска входили в город. Накануне были первые боевые потери. Их часть стояла на стадионе. На шкафу пыльный кубок с гравировкой — «Переходящий кубок открытого первенства г. Еревана по стрельбе из лука «Стрела Гайка» — 1970 г. 1975 — Ереван, 1976 — Баку, 1977—78 — Баку». Наверно в Баку осталась «Стрела Гайка»...

По восточному обычаю, по фронтовому правилу, по человеческому долгу встретили угощением: начштаба подполковник Ш. Ниязов острым узбекским ножом вскрыл банку консервов, нарезал хлеба. Но хоть питались которые сутки чаем и сигаретным дымом, кусок в горло не шел. За стеной уже стояли гробы для сержанта Славы Лукьянова, рядового Андрюши Тараканова. Скоро повезем мы их в «черном тюльпане», чтобы похоронить в родной

земле. А пока глотаем горький дым пополам со слезами. Некурящий Синельников подавленно молчит. Не до интервью...

3. Встречный удар

— Дали команду, и началось. Доходило до смешного и дикого. Мы сели скопом: палатки в одном самолете, колья — в другом, люди — в одном, оружие — в другом, командир — в одном, подчиненные — в другом. Сели и полетели. Я командиру сказал: «Вы летите с первыми бортами, а я на прикрытии». Всякое бывает, я из опыта исходил.

Так и вышло: первые сели на одном аэродроме, остальные — на другом. Ночь, снег с дождем. Выгрузили мы все, вытащили. Продукты у нас, спецсредства у нас, боеприпасы у нас. Что там у них? Что делать? Я — старший. У меня рота спецназа. Мы провели разведку. Нашли какое-то недостроенное здание — туда боеприпасы, спецсредства, организовали охрану. Связи с командиром нет, никто нас не ищет. Чтобы как-то выжить, почти силой «захватил» у армейцев БТР с экипажем (который, кстати, целый месяц никто и не искал, когда вернули, нам спасибо сказали).

Мы встретили Бакатина, организовали ему сопровождение. Взяли под охрану аэродром, до чего никто из военных даже не додумался, в то время как Народный фронт дважды пытался этот стратегический объект прибрать к своим рукам — мы их отогнали. Там десантники стояли и молча смотрели, как в поселке жгут дома. Мы стали это дело пресекать. И люди это увидели, почувствовали в нас защитников, реальную силу спасителей. Дошло до того, что охрану замкомандующего ВДВ по его же просьбе нам поручили — больше надежности у «краповых беретов».

Десантники первый раз пошли колонной на Баку и не смогли пройти. Замкомдива говорит: «Сергей Григорьевич, посади своих людей на наши БМП, помоги дороге нам расчистить». Нас было человек триста с небольшим, а их — тысяча, и все-таки именно мы были той реальной силой, которая в той кромешной ситуации могла что-то сделать. Они бы пошли с боем, а мы — без единого выстрела, все технично сделали. Когда боевики увидели, что подходят военные, было уже поздно — колонной прошли и соединились с основными силами нашей части.

Жили на стадионе, вы сами видели. Нам повезло, что из сорока восьми «афганцев» в нашу часть при формировании попали достойные ребята. Именно их опыт плюс навыки офицеров внутренних войск и создали тот сплав, который помог выстоять с честью в страшном Баку. Решения там надо было принимать зачастую мгновенно, са-

мостоятельно. Опыта подобных действий не то что у нас, вообще в государстве не было. Это теперь он появился, горький этот опыт. И каждый день его прибавляется.

При выключенном диктофоне. Распропагандировать можно что угодно и как угодно. Но одно дело, когда пропаганда основана на умозрительных концепциях, высосана из пальца в угоду чьим-либо интересам. И совсем другое, когда она идет от жизненного опыта, послена трудовым потом, а то и замешена на крови людской. Синельников поначалу тоже не верил рассказам о бесчинствах, творящихся в наших собственных горячих точках. Фергану 89-го увидел на видеопленке, Баку 90-го — воочию.

— Первое, что я увидел, — это искусно управляемую многотысячную толпу. Я не скажу — фанатов, нет. Обманутых, обкуренных, полупьяных, за деньги согнанных туда людей. Еще раз говорю — искусно управляемых. А что нам делать с этой толпой? Это же советские пока люди. Пусть они бандиты или боевики — вывески меняются — пусть они пьяны, пусть они обмануты, но это же люди. У нас в руках оружие, у нас сила. На нашей стороне вроде бы закон, а если попристальнее посмотреть — нет этого закона. С одной стороны, приказано государством защищать себя и других, а с другой стороны — поди попробуй. Как защитить: стрелять в эту безумную толпу, в которой большинство невинных? Вот в чем ужас, вот от чего страшно.

Можно, конечно, сопоставлять, сравнивать войну афганскую и эту войну. Ту войну мы еще не изучили досконально, ни юристы, ни историки, ни тактики. Мы войну в Афганистане просто не имеем права сравнивать ни с Великой Отечественной, ни с какой другой. Она сама по себе. Она — отдельная страшная страница нашей истории. Ее сравнивать нельзя ни по тактике ведения боевых действий, ни по другим вопросам, никак нельзя сравнивать.

И уж если нас бросили в сопредельную дружественную страну, как считалось (и считается), на помощь, то кто же остановит кровопролитие в собственной стране? Вот и написал я брату в ответ на его недоуменное письмо: «Геня! Я тебе тоже как «афганцу», прошедшему ужасы той войны, скажу откровенно. Ты был там ранен, видел много крови и смертей. Но если бы ты один раз увидел в своей стране, как сжигают в костре ребенка (он весь сгорел, а ручка выпала из огня), как десятки негодяев насилуют одну женщину, девочку даже (то, что фашисты, наверное, себе не позволяли), как с десятого этажа сбрасывают старика, получая при этом удовольствие и смеясь, — ты бы понял мой сегодняшний выбор...»

И что вы думаете — мой брат принял такое же решение, написал рапорт о переезде во внутренние войска, служить буда-

в оперативной части. Не сразу это случилось — долго переписывались, потом он приехал в нашу часть, посмотрел организацию подготовки, поговорил с офицерами, солдатами. Подполковник М. Магулов недавно пришел к нам из ВДВ. Такие люди очень нужны сейчас — грамотные, имеющие жизненный и боевой опыт.

При выключенном диктофоне. Бакинская командировка Синельникова доказала, что такие, как он, офицеры в войсках придутся ко двору, станут стержнем в новом коллективе...

Вернулись с проверки службы под утро. Придавили пару часиков. Только хотели подстегнуть себя глотком растворимого кофе — раздается телефонный звонок. Командир части подполковник Е. Морозов берет трубку, бледнеет лицом и говорит кому-то, кто на том конце провода: «Мы сейчас!» Хватает свой автомат и бросает Синельникову: «Бежим!» Уже на бегу следуют команды: «Спецназ — в ружье! Радист, охрана — за мной!» Напротив, через площадь — гостиница, из которой звонил то ли директор, то ли какой-то тренер. Там какие-то бесчинства, убивают, насилуют каких-то девочек. Дело ясное только тем, что надо немедленно спасать людей. Перед гостиницей беснующаяся толпа. Наши — пятеро. Несколько очередей вверх. В толпе образуется коридор — по решительным лицам военных бесноватые поняли, что с ними шутки плохи.

А во втором случае, о котором несколькими строчками писала «Красная звезда», Синельникову самому пришлось наносить тот самый, его коронный встречный удар, которым в былые годы он не раз сшибал на ринге соперников.

Группе спецназа была поставлена задача обезвредить укrywшегося в одной из квартир террориста. Неясностей было много: один ли преступник, какое имеет оружие, где и в каком состоянии захваченные им заложники — женщина с малышами.

Переговоры через закрытую дверь ничего не дали — бандит окончательно озверел и орал одно: «Всех убью! Только суньтесь!» Времени на раздумья не было, стрелять через дверь тоже нельзя — там люди, ждущие помощи. Через балкон соседней квартиры Синельников перепрыгнул на тот, где его и террориста разделяло лишь стекло. Детали того поединка придется опустить — это составляет часть профессиональной тайны спецназа. Отметим надо лишь то, что офицер оружия не применял. Он вынудил бандита открыть балконную дверь и, когда тот занес над головой топор, переломил (самым натуральным образом) эту руку о дверной косяк. Тут и настал момент для коронного встречного удара...

Когда мы беседовали с Синельниковым в его кабинете, я увидел на столе снятые с кителя орденские планки. Их в очередной

раз надо было переделывать — к шести его орденам прибавился еще один — «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

— Нам надо выдержать! Но сколько можно терпеть нашим солдатам и офицерам? Сегодня Баку, завтра Наманган, где сжигают советских солдат, детей, за то, что они другой национальности. А Карабах — этот узел, который никто не может развязать. И почему люди не знают о нас, оперативных частях, которые стоят между злом и... вторым злом, где камни и пули летят в солдата, где всю тяжесть противостояния несут на себе наши люди.

Помните Баку — погода премерзкая была, банку консервов негде разогреть. Смотрю на солдата, ишу слова, чтобы словить ими приободрить. А он и так все понимает, меня успокаивает: «Да вы не переживайте, товарищ подполковник, не волнуйтесь, я выдержу».

А кто вспомнит о солдате? Никому не нужны мы разве? Вот сейчас все президенты себе хотят нас подчинить. Да пусть нас хоть кому подчинят, но не забудут, что мы люди, защищающие людей. А если мы не нужны Президенту, никому не нужны, то зачем мы?

При выключенном диктофоне. После академии его назначили заместителем командира артиллерийского полка. Вскоре — инспектирование. На огневой не «пошла» стрельба из танковых орудий, подряд несколько «неудов». Синельников набрался дерзости попросить маршала о прекращении экзамена. После небольшого перерыва, за который успели выяснить непредвиденную причину промахов, первым стрелял Синельников. Все снаряды легли точно — оценка «отлично». Маршал похвалил. И тут майор решил дерзнуть еще раз. «Разрешите обратиться, товарищ маршал?» — «Что такое?» — «По личному вопросу». — «Слушаю». — «Я несколько лет безуспешно прошу в Афганистан...»

Через три дня он был там, чтобы провести на войне три года.

15 февраля 1989 года он выходил с последними. Во время торжественного митинга в Термезе, когда вокруг медь оркестра безуспешно пыталась заглушить рыдания солдатских матерей и отцов, подполковник Синельников потерял сознание и очнулся только в Ташкентском госпитале. Не прошли бесследно три контузии и несчетное число бессонных ночей...

Подполковник Б. КАРПОВ,
Баку — Алма-Ата — Москва.

На снимке (стр. 38): наши выходят из войны. На БТРе в первом ряду справа подполковник С. Синельников.

Фото О. СМЕРНОВА.

«Дорогая редакция! Вы, наверное, и сами обратили внимание, что в последнее время некоторые из известных и малоизвестных журналистов в каком-то прямо патологическом стремлении облить все и вся свое родное помоями, в то же время, забыв о чести и достоинстве, самозабвенно восхваляют все западное и американское.

Тюрьмы и те у них особые. Помню, «Огонек» опубликовал фотографии — ну, не тюрьма, а совминовский санаторий: в номерах, то бишь камерах, прекрасная мебель, цветные телевизоры, а узники — хоть портреты национальных героев рисуй. Поймите меня правильно, я не призываю «чернуху» собирать у соседей — у себя проблем не разгребешь. Но меру-то надо соблюдать. Мне хорошо запомнились репортажи прекрасного журналиста Ионы Андропова из американской тюрьмы. Честные и объективные.

Вернитесь к этой теме. Думаю, это будет интересно для всех.

С ув. капитан Юрий Зобнин.»

АЛАБАМСКОЕ ПРАВОСУДИЕ

Иона АНДРОНОВ

На крайнем юге Алабамы вблизи Мексиканского залива дремлет на солнцепеке тихий одноэтажный городишко Этмор. Вокруг — распаханное поля да зеленые рощи. Городские дома прячутся в тени сосен и пальм. Под окнами на газонах стриженная трава, алые гвоздики, белые цветы магнолий. И под стать этому фону и обитатели Этмора выглядят тоже приветливыми, добродушными провинциалами. Но есть у них, увы, традиционное алабамское хобби: вооруженная охота, как они выражаются, «на черномазых».

В пяти милях к северу от города — две большие тюрьмы, набитые до предела заключенными неграми. Их здесь так истязают, что при малейшей возможности они бегут, и тогда в погону за ними бросаются толпы белых с ружьями, веревками и сворами псов. Это типичное алабамское зрелище я сам наблюдал в Этморе.

К вечеру того дня двух беглецов-негров выследили, схватили, избили до полусмерти и бросили опять за решетку. А в награду наиболее усердным ловцам, как тут издавна заведено, их имена объявили на первой странице местной газеты «Этмор эдванс». Редактор Данни Льюис, улыбчивый, говорливый толстяк, сказал мне, не скрывая своего возбуждения:

— Скоро у нас будет сенсация похлеще. Меня уже пригласили в тюрьму «Холмен»

присутствовать при казни на электрическом стуле.

Была назначена казнь Джонни Харриса — американского негра, борца за расовое равноправие. Его трагическая судьба взволновала весь мир. Люди из разных стран добивались спасения Харриса. А в Соединенных Штатах группа прогрессивных общественных деятелей и юристов обратилась к известному адвокату Уильяму Аллисону с просьбой взять на себя защиту Харриса. С Аллисоном я поддерживал почти ежедневно телефонную связь, когда судебное дело Харриса заново слушалось в алабамском городе Бирмингеме. Туда советским журналистам въезд был закрыт...

«СТРЕЛЯЙТЕ В НИХ ИЗ ПУЛЕМЕТОВ»

— После долгих хлопот, петиций, судебных апелляций и споров с властями наконец удалось заставить их публично пересмотреть лживые обвинения против Харриса, — рассказывает адвокат Аллисон. — Это стало возможным благодаря международной кампании в поддержку Джонни Харриса. В ту пору Джонни, молодой рабочий парень, очутился на скамье подсудимых только потому, что смело бросил вызов белым расистам — поселился с женой в бирмингемском квартале, прежде закрытом для негров. Белые соседи стали

его травить: по ночам бросали в окна бутылки с кислотой, крошили окна средь бела дня бульжниками, демонстративно швыряли разный мусор под ноги его жене, грозили обоим прикончить. Затем включились в дело полицейские. Многие из них состояли в ку-клукс-клане. Они подговорили белых, живущих по соседству с Джонни, оклеветать его и арестовать как грабителя и насильника. Такая расправа над строптивыми неграми широко практикуется в Алабаме...

Однажды, говорил мне Аллисон, напуганная жена Харриса пряталась в доме родственников, а Джонни пришлось ночевать в негритянском квартале у друзей. Утром он отправился на квартиру, но по дороге на него напали полицейские, заковали в наручники и отвели в тюрьму. Там ему предъявили обвинение: ночное ограбление белых соседей и покушение на честь белой женщины. Он протестовал, требовал вызвать друзей, чьи показания доказали бы его алиби. Свидетелей не пожелали вызвать ни полицейские, ни прокуроры, ни судьи, ни адвокат, назначенный по воле властей. Харрис добивался замены адвоката, но тщетно. Лишь восемь лет спустя на заседании бирмингемского суда он смог, наконец, уличить вершителей здешнего правосудия:

«Когда меня держали до суда в тюрьме, — заявил Харрис, — полицейские офицеры требовали, чтобы я признал сфабрикованные обвинения, иначе они грозили приписать мне еще больше преступлений. Адвокат сказал, что мои свидетели не нужны, так как никакого процесса, по сути, не будет, все заранее предрешено. А по-сему я должен выбрать: либо казнь на электрическом стуле, либо признание себя виновным и за это пожизненное тюремное заключение. Я упрасивал адвоката послать скорее за свидетелями. Он повторял: «Нет, нет и нет». Это происходило на глазах судьи. Но судья был заодно с адвокатом, прокурором, полицией. И я сдался, оговорив самого себя по их подсказке».

Теперь на судебном разбирательстве в Бирмингеме новый защитник Харриса заставил того бесчестного адвоката прийти с повинной. Разоблаченный, он от растерянности признался, что с ведома судьи уничтожил всю фальшивую «документацию» этого позорного дела...

— Нужен фактически двойной пересмотр дела Джонни, — разъяснил мне Уильям Аллисон. — Находясь в тюрьме, Харрис активно участвовал в протестах заключенных против избиения надзирателями. Когда четыре года назад один из сокамерников Джонни был убит тюремщиками, узники тогда же расквитались с убийцей, и его смерть власти снова без всяких доказательств приписали моему подзащитному. На суде обвинитель Билл Баксли, генеральный прокурор Алабамы, потребовал каз-

нить Харриса и добавил: «Начальнику тюрьмы полагалось бы еще раньше расстрелять из пулемета всех смутьянов-заключенных, включая Харриса». Точно такого же «мнения» придерживались и подобранные специально для суда над Джонни двенадцать белых присяжных заседателей. Вынесенный ими приговор гласил: казнь на электрическом стуле.

— Есть ли шансы на помилование?

— Сомневаюсь, — покачал головой Аллисон.

И я спешно вылетел в Этмор.

В ТЮРЬМЕ «ХОЛМЕН»

Начальник тюрьмы «Холмен» Джо Оливер, молодежавый, мускулистый блондин, принял меня в своем служебном кабинете. Он сидел спиной к зарешеченному окну, за которым виднелись колючая проволока поверх железного забора, частокот стальных мачт с прожекторами и сторожевые вышки охраны. Справа от начальника тюрьмы на стене висела полуметровая таблица текущего подсчета заключенных трех категорий. Первый разряд — «белые», второй — «черные», третий — «смертники». Мистер Оливер, судя по всему, чувствовал себя в этом зарешеченном мире уютно, как дома.

Я сказал, что, насколько мне известно, Харрис подавал официальное прошение о свидании с корреспондентом «Литературной газеты». О том же просил адвокат Харриса.

— Знаю, — буркнул в ответ Оливер. — Но свидания я не разрешу.

— Почему?

— Харрис — опасный смутьян.

— Что же он такого опасного делает?

— Пока ничего. Сидит в одиночке и считает дни до казни.

— Так чем же он опасен?

— Он проповедует вредные политические идеи. А я не позволю из моей тюрьмы распространять подрывную красную пропаганду.

— Выходит, вы сами считаете Харриса не уголовным правонарушителем, а политическим заключенным.

— Что бы я ни считал, — огрызнулся Оливер, — Харриса мы непременно казним, и чем быстрее, тем лучше.

— Но ведь обычно, — напомнил я, — удовлетворяют последние пожелания приговоренного к смерти. Если он хочет с кем-либо повидаться, как же можно не разрешить?

— Хватит толковать об этом, — насупился начальник тюрьмы. — Не пытайтесь избраться из нас злодеев.

— Но мне рассказывали сведущие американцы, — возразил я, — что охранники вашей тюрьмы составили список политических заключенных-негров, подлежащих тай-

ному уничтожению. Здесь у вас убили Джорджа Доббинса, Томми Дотсона, Фрэнка Мура. Верно это?

— Бунтовщики сами наклеили на себя беду, — уклончиво ответил Оливер. — Харрис из той же шайки.

— А правда, что стражники избивают узников?

— Бьем по необходимости, когда усмиряем непокорных. Потом отправляем их в карцер на два месяца. Если наказанный не покается, накидываем еще пару месяцев, потом еще два, и так до окончательного исправления.

— Или смерти?

— Ничего подобного, — так и вскинулся Оливер. Неожиданно он предложил: — Знаете что, в камеру Харриса я вас не пущу, но карцеры покажу, никаких ужасов там нет.

РЯДОМ С ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СТУЛОМ

Из его кабинета я пошел вслед за начальником тюрьмы по лабиринту коридоров, перегороденных раздвижными стенами и решетками с узкими калитками на электронных запорах. В каждом отсеке Оливера козыряли часовые. Карцерный бункер был разделен на тесные клетки. За ржавыми прутьями были видны фигуры людей. Казалось, их смуглые лица вылиняли, стали пепельного цвета. В могильной тишине заключенные угрюмо косились на Оливера. А он сказал мне:

— Вот видите, тут все в порядке. Никто не жалуется.

Я промолчал, и начальник тюрьмы, приняв мое молчание за согласие, решил отплатить мне любезностью:

— Хотите взглянуть на электрический стул?

Он взял меня за локоть, подвел к дверце в стене и с усмешкой расшаркался:

— Прошу зайти внутрь.

За порогом, в центре просторной комнаты, стоял металлический стул ядовито-желтой окраски. На прикрепленных к цементному полу ножках висели кожаные ремни. Такие же ремни свисали с подлокотников и со спинки стула. Спинку венчал блестящий шлем на проволочном штыре. Поперек сиденья, на подлокотниках лежала деревянная лопатка с надписью, сделанной черной краской: «Готово».

— Смотрите! — воскликнул Оливер. — Вот на этот стульчик мы и посадим его, привяжем крепко-накрепко ремнями, надем ему на голову шлем и подадим в соседнюю комнату сигнал, что все готово.

Начальник тюрьмы схватил лопатку и подбежал к задней стене. Там на уровне глаз было застекленное отверстие такого же размера, как лопатка Оливера.

— В задней комнате палач включит рубильник. Палача я подберу лично из над-

зирателей. И сам прослежу за процедурой казни, а вместе со мной будут находиться приглашенные важные персоны. Чтобы не утомлять их долгим ожиданием, я распорядился поместить Харриса в камере смертников, это тут рядом...

— Где же эта камера?

— Ладно уж, покажу, — снизошел распалившийся Оливер, — но при условии, что вы не произнесете там ни слова.

Мы прошли еще шагов двадцать по коридору в сопровождении двух стражников и остановились перед входом в очередной отсек с десятком запертых клеток. И тут я громко крикнул:

— Где сидит Джонни Харрис?

В шести или семи метрах от меня между прутьями решетки высунулись две темно-кожие руки. И прозвучал ответный крик:

— Я здесь. Кто ко мне пришел? Подойдите! Подойдите!

Мгновенно поднялся шум, узники-штрафники оглушительно застучали по решеткам, пронзительно зашвыстели, начали яростно бранить охранников. Начальник тюрьмы гаркнул подбежавшим стражникам: «В два счета выставить этого за ворота!» И через пять минут стоявшая у ворот автомашина повезла меня обратно в Этмор.

СВИДАНИЕ В КАМЕРЕ

Спустя семь месяцев я прилетел из Нью-Йорка в Этмор.

— Отведите его в камеру и хорошенько обыщите! — приказал начальник тюрьмы двум охранникам и злобно ткнул в мою сторону крючковатым пальцем.

И вот повели меня опять по коридорному лабиринту через зарешеченные отсеки алабамской тюрьмы «Холмен». Первый раз я побывал тут накануне назначенной властями казни Джонни Харриса, борца за права американских негров. Однако экзекуцию отложили по общеизвестной причине, которую неоднократно называл публично адвокат Харриса юрист Уильям Аллисон:

— Казнь Джонни временно отсрочена только благодаря эффективному заступничеству советской прессы и протестам тысяч рядовых граждан из многих зарубежных стран.

...Стальная тяжелая дверь со скрипом отворилась, и в камеру ввалились шестеро стражников, обступивших тесным кольцом высокого худого человека. Его руки были закованы в наручники. Изможденное костлявое лицо поражало странным цветом: ни темным, ни светлым, а каким-то мертвецки-серым. Даже черные некогда глаза у него вроде бы совсем вылиняли, но смотрели на меня в упор с удивительно мужественной бодростью. Он сделал шаг мне навстречу, покачнулся, шагнул нетвердо еще раз и негромко промолвил:

— Спасибо советским людям за братскую поддержку...

Он с вызовом оглянулся на тюремщиков. Их старшина угрожающе приподнял в сжатом кулаке увесистую дубинку и молча вышел из камеры. За ним последовали остальные. Однако и после этого они продолжали следить за нами с Харрисом и слышали, несомненно, каждое наше слово. Камера насквозь просматривалась через овальные окошки во всех ее стенах. Под окошками безо всякой маскировки поблескивали металлические колпачки микрофонов. Но мой отважный собеседник продолжал возбужденно говорить о самом важном для него, о самом неболевшем и выстрадавшем:

— Даже в тюрьме мне в ожидании казни приходится постоянно выслушивать принудительные проповеди об уважении в США прав человека! — возмущался Харрис. — А я в ответ всегда повторяю: «Ваша ложь о правах — ничемный словесный мусор».

— Не опасно ли тут произносить такое вслух? — встревожился я, указав ему на микрофоны в стенах камеры.

— Страхом они меня уже не пересилият, — ответил Харрис. — Накануне свидания с вами тюремщики мне угрожали: «Если будешь слишком много болтать, то вышибем тебе мозги». Ночью нагрянули ко мне в одиночку и пугали: «Забьем до смерти и объявим о твоём самоубийстве». Моих соседей по каземату смертников часто выводят из камер, уводят будто бы на допрос, а в действительности тащат их обычно в карцерный изолятор и там лупят без свидетелей до потери сознания. Все это я сполна испытал и поклялся разоблачить моих мучителей, как только представится случай рассказать о них правду. Сегодня для этого возникла первая и последняя, быть может, возможность.

БУНТ В КОНЦЛАГЕРЕ

Впервые встретившись с осужденным на казнь смельчаком, я пытался выяснить духовный источник его отваги — врожденная она у него или вынужденная, вызванная крайним отчаянием. Оба предположения оказались неверными.

— Еще в конце 60-х годов я приобщился к движению за гражданское равноправие, — вспоминал Харрис. — Жил тогда в Бирмингеме, был рабочим на металлургическом предприятии. Трижды участвовал в уличных маршах против дискриминации алабамских негров. Но не был я ни организатором тех маршей, ни активистом борьбы с расизмом. Напрямую сразиться с расистами пришлось позднее, когда мои родственники рискнули вместе со мной снять жилье в районе, где селились только белые. Они приняли нас в штыки.

Дальнейшие злоключения Харриса описывались ранее в этом репортаже: оклева-

танный и затравленный негр по подсказке его преследователей оговорил сам себя, чтобы спастись от гибели. Его приговорили к пожизненному заключению и отконвоировали в тюрьму «Этмор». Она расположена на расстоянии мили от тюрьмы «Холмен», где сейчас заточен Харрис. По виду «Холмен» — неприступная крепостная цитадель, а «Этмор» — большой концлагерь: шеренги грязных приземистых барakov теснятся за колючей проволокой и угловыми сторожевыми вышками, на которых маячат вооруженные часовые. О пребывании Харриса в «Этморе» я услышал от него следующее:

— В той тюрьме сотни негров были такими же рабами, как привезенные в Америку их предки. С рассвета до позднего вечера нас заставляли под охраной обрабатывать посевы на окрестных полях, а тех, кто заболел, ослаб или недостаточно усердствовал, били безжалостно надсмотрщики плетью и палками. Среди заключенных возникло тайное общество «Спротивление за решеткой», и им удалось передать на волю дюжину письменных жалоб, адресованных судебным учреждениям, прессе и законодательной ассамблее штата Алабама. Но все они хладнокровно игнорировали наши жалобы. И потому мы устроили массовую забастовку протеста — отказались выполнять рабский труд. За это нас лишили пищи, заперли в бараках, а потом триста заключенных, заподозренных в подстрекательстве, увезли в другие концлагеря. Между тем более полусотни членов «Спротивления за решеткой», включая меня, запихнули в «собачьи будки».

— Что это такое?

— «Собачья будка» — тюремный карцер, — разъяснил Харрис. — Там нет ни коек, ни матрацев или подстилок, ни табуреток. Нет совсем ничего, кроме дыры в полу вместо параша. В длину «собачья будка» — восемь шагов, в ширину — пять. А внутрь ее втокнули со мной двадцать узников. Невозможно было прилечь хоть ненадолго. Мы задыхались, изнемогали, некоторые валились наземь в обмороке.

— Однажды, — продолжал Харрис, — двери нашего и соседних карцеров распахнулись, и мы увидели в коридоре толпу стражников. Они вопили: «Кто зачинщик стачки — выходи вперед! Смерть ниггерам! Смерть революционерам!» Мы наверняка знали, что многим из нас в тот проклятый день не избежать зверского линчевания.

— Откуда вы это знали?

— Кто-то выдал тюремщикам имена лидеров «Спротивления за решеткой». А мы развели, что с ведома начальника тюрьмы составлен секретный список наших предводителей, подлежащих умерщвлению под любым подвернувшимся предлогом.

— Вы значились в том списке?

— Нет. Но все равно нас всех довели до такого состояния, что мы кучей бросились

с голыми руками на палачей, а они в смятении отступили из карцерного помещения. Мы успели пленить двух надзирателей и забаррикадировались в карцерном отсеке. Потом мы сообщили начальнику тюрьмы, что отпустим невредимыми пойманных нами мерзавцев, но требуем взамен срочно позвать сюда журналистов, священников и судейских чиновников, чтобы изложить им персонально наши отвергнутые жалобы. Десять минут спустя грянули винтовочные залпы: через зарешеченные окна стражники расстреливали нас ураганным огнем.

— Были убитые?

— Двоих узников сразили наповал. Многих тяжело ранили. Затем каратели ворвались в карцерный отсек и начали колотить нас прикладами, дубинками, сапогами. Приказали нам раздеться догола, встать на четвереньки, уткнуться лицами друг другу в ягодицы и скакать по кругу, лая по-собачьи. И снова били, пинали, стегали! Под градом ударов 60 моих товарищей судорожно корчились в лужах собственной крови. А троих моих друзей — Джорджа Доббинса, Фрэнка Мура, Томми Дотсона — связали, вывели из карцера и прикончили. Все трое являлись лидерами «Сопротивления за решеткой». Они были заранее занесены в секретный тюремный список подлежащих уничтожению.

— Убийц впоследствии покарали?

— Наоборот, их изображали героями на страже алабамских законов, — горько проговорил Харрис. — А выживших руководителей «Сопротивления за решеткой» и с ними меня отдали под суд. На нас переложили вину за гибель одного из плененных нами надзирателей, которого нашли мертвым после пальбы его осатанелых сослуживцев по всем без разбора в нашем карцере. На суде мою участь решили специально отобранные присяжные заседатели — все до единого белые алабамцы. Приговор гласил: казнить на электрическом стуле.

— Почему только вам вынесли смертный приговор?

— На этом настоял генеральный прокурор штата Уильям Баксли. Он добивался казни всех вожаков «Сопротивления за решеткой» и хотел ради этого обвинить их скопом в расправе над погибшим надзирателем. Однако у Баксли не было никаких улик против моих сокамерников. Поэтому прокурор конфиденциально предложил мне с глазу на глаз подлую сделку: он гарантировал мне снисходительный приговор, если я публично на суде совру, что мои тюремные друзья — убийцы. Когда я отверг гнусную приманку прокурора, он мстительно изрек: «Прощай, мертвец!» А я ему вдогонку: «Можешь убить меня, душгуб, но больше на колени не поставишь!»

«РАССКАЖИТЕ СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ...»

Тяжкие испытания выковали у Харриса присущее пролетариям характерное качество — классовое стремление к спайке со всеми соратниками по борьбе за освобождение американских политических заключенных. Об этом он успел торопливо написать несколько слов на принесенной мной его фотографии: «Чтобы добиться справедливости, мы должны быть стойкими. Чтобы приобрести стойкость, надо объединиться. Если мы объединимся, то все вместе можем добиться свободы, справедливости и равенства».

Пряча незаметно ту фотографию, я спросил Харриса:

— Какая участь постигла оставшихся в живых вожаков «Сопротивления за решеткой»?

— Их рассовали, — сказал он, — по разным тюрьмам, включая «Холмен». Однако даже в каземате смертников, где нас в одиночку гноят в эспертых клетках, произошла недавно организованная нами голодовка протеста.

— Что вызвало голодовку?

— Бесчинства надзирателей. Они стараются сломить нас духовно еще до казни и тем самым идейно обезоружить тех, кто в тюрьме с нами солидарен. Крамолу в каземате смертников искореняют стражники своим традиционным способом — бьют нас и унижают. На протяжении двух последних месяцев охранники измордовали троих моих соседей по камере столь изуверски, что избитые ни говорить, ни есть не могли. Да есть и без того часто нечего: нам тут в пищу обычно швыряют песок, тараканов, вонючие отбросы...

Больше Харрис не смог ничего добавить: в камеру вернулись за ним тюремщики. Он отпрянул от них, приблизился ко мне вплотную, прижался неловко щекою к моему плечу, и я инстинктивно его обнял, но в тот же миг его рванули назад.

Выйдя из тюрьмы, я наткнулся у ее ворот на поджидавших меня двух алабамских коллег — издателя и главного редактора городской газеты Этмора. Издатель Моррисет, почтенный с виду пожилой джентльмен, пошутил с игривостью цизилизованного каннибала:

— Надеюсь, посетите нас заново, когда состоится наконец казнь Харриса?

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПЫТКА

Вернувшись из командировки в США, я работал опять в Москве, когда мне пришло письмо от Аллисона:

«Надеюсь, что вы не забыли меня. Я адвокат Джонни Харриса. Вы, быть может, помните, как после вашего тюремного свидания с Джонни в Алабаме я навестил вас

в Нью-Йорке. Там недавно я снова пытался вас разыскать, но безрезультатно. Тем не менее советские представители в Нью-Йорке дали мне ваш московский адрес. Вынужден сообщить вам дурную новость. Вслед за вашим отъездом из США мы добились от суда пересмотра дела Джонни и отмены смертного приговора, но два месяца назад состоялся новый суд над Джонни, и присяжные, подобранные только из белых, заново приговорили его к казни. У всех пытавшихся спасти Джонни ныне траурное настроение...»

Вскоре я получил добавочные сведения из Алабамы. Как выяснилось, поначалу Аллисону удалось добиться через суд временной отмены смертного приговора его подзащитному благодаря сенсационному показанию белого алабамца по имени Джесси Джет. Этот мелкий уголовник отбывал наказание в тюрьме «Этмор», когда там взбунтовались узники-негры, был убит один надзиратель, а троих темнокожих заключенных личнечвали разъяренные тюремщики. В тех кровавых событиях никак не участвовали белые заключенные, включая и Джесси Джета. Но зато он видел, как тогдашний начальник тюрьмы «Этмор» расист Мэрион Хардинг и свора подчиненных ему карателей застрелили лидера негритянского «Сопротивления за решеткой» Джорджа Доббинса и повесили его друга Фрэнка Мура. Кроме того, Джет видел, что Джонни Харрис не убивал плененного его товарищами белого надзирателя, которого сами стражники тюрьмы подстрелили в неразберихе при подавлении мятежа.

В свою очередь, убийцы тоже знали, что Джет — очевидец их злодейств. И чтобы избавиться от него, они подстроили ему побег из тюрьмы и даже предоставили автомобиль, потребовав от Джета никогда больше не возвращаться в их штат. На прощание они пригрозили, что угрожают и его, если он осмелится заново оказаться в Алабаме.

Лишь четыре года спустя полиция штата Огайо, арестовав беглеца Джета, отправила его обратно в алабамскую тюрьму «Этмор». В ней однажды вооруженный охранник, выведя Джета за тюремные ворота, приказал подконвойному идти вперед, не оборачиваясь, а тем временем выстрелил в него. Джет чудом остался жив: тюремщик промахнулся. Не дожидаясь повторной попытки убийства, Джет экстренно обратился к окружному суду Алабамы, умоляя спасти его от неминуемой расправы за то, что он способен разоблачить тюремщиков-убийц и доказать невиновность Джонни Харриса. Джет письменно засвидетельствовал:

«Не убивал Джонни Харрис никакого надзирателя. В день мятежа Харрис отсиживался внутри камеры. У него я не видел ножа или какого-либо иного оружия».

Об этой апелляции Джета узнал адвокат Аллисон, узнали негритянские обществен-

ные деятели, узнали многие честные американцы. И вынудили псевдоправосудие Алабамы назначить пересмотр ложных обвинений против Харриса. Новый суд состоялся в алабамском городке Бей-Минитт.

Харриса привезли на суд закованным в кандалы. Его плотно окружали вооруженные полицейские. Они оцепили также зал суда и блокировали все двери. Руководить процессом был уполномочен алабамский судья, белый расист, приговоривший в прошлом Харриса к казни на электрическом стуле. Обвинение подсудимого заготовил прокурор Джон Янг, покаравший прежде с жесточайшим садизмом всех соучастников бунта в тюрьме «Этмор». А главным свидетелем обвинения прокуратура выдвинула экс-директора тюрьмы «Этмор» Хардинга, убийцу сокамерников Харриса и теперешнего начальника полиции в алабамском городе Эуберн. И, наконец, участь жертвы алабамского расизма предрешили тем, что все до единого двенадцать присяжных заседателей были белые. Они игнорировали показания Джесси Джета, обращение к их совести речи адвоката Аллисона, клятвенные заверения Джонни Харриса: «Я никого не убивал!» Их приговор был по-старому безжалостен — казнить Харриса на электрическом стуле.

Присутствовавший на позорном судилище исполнительный секретарь «Сообщества против расизма и политических репрессий в США» Фрэнк Чэпмен заявил журналистам:

— Приговор Харрису — это надругательство над правосудием. Все обвинения против Харриса с начала до конца были сфабрикованы расистами. Они стремятся уничтожить борца за гражданские права.

Теперь жизнь и смерть Харриса зависят от предстоящего решения алабамского судьи о дате казни. Между тем алабамская газета «Бирмингем постгеральд» поместила следующее интервью с Джонни Харрисом: «Харрис утверждает, что все равно не капитулирует. Он говорит: «Я ни в чем абсолютно не виноват».

— Ему сочувствуют, — продолжает Чэпмен, — некоторые люди, включая журналистов из Советского Союза. И все же Харрис влачит жалкое существование в камере смертников тюрьмы «Холмен». Харрис признается: «Да, мне приходится туго. Сидя в камере смертников, помнишь постоянно об электрическом стуле. О нем не требуется мне напоминать. Быть здесь смертником — этого уже достаточно». В тюрьме «Холмен» Харрис не видит из своей камеры соседней комнаты с электрическим стулом. Но Харрис знает, что тот стул совсем рядом. Харрис думает об этом каждый день. И даже по ночам. И это снится ему. И он ждет».

...Электрический стул, как видим, стал в Америке орудием не только казни, но и психических изощренных пыток политзаключенных.

635

ЧТО СКРЫВАЛИ АРХИВЫ



Такую резолюцию нарком накладывал не впервой. На этот раз должны были взять чекиста Михаила Покалюхина. Того самого, кто поставил точку на предводителя крестьянского восстания в Тамбовской губернии Антонове.

«АРЕСТОВАТЬ. ЕЖОВ»

НЕСКОЛЬКО слов об Александре Антонове. Это был эсер-боевик, участвовавший до революции в подготовке террористических актов, ограблении кассы станции Инжавино и других делах, за что был приговорен к бессрочной каторге. В 1918 году некоторое время занимал должность в милиции губернского центра, а затем — начальника милиции Кирсановского уезда. Не вдаваясь в подробности, скажу, что теоретические воззрения он имел довольно путаные. Вместе с тем был хорошим организатором, человеком смелым, решительным, с обостренным чувством опасности, которое, несомненно, сформировалось дореволюционной практикой эсера-боевика.

Чекисты неоднократно пытались его захватить, но тщетно. Известны по крайней мере пять случаев, когда главарю восстания удавалось скрыться в самой, казалось бы, безнадежной ситуации.

Восстание, как известно, началось из-за недовольства крестьян продразверсткой. Замена ее продовольственным налогом способствовала изменению настроения крестьян. Действия Тамбовской армии под командованием Тухачевского обусловили разгром военных сил повстанцев. И с этого времени, с лета 1921 года, Александр Антонов словно сквозь землю провалился. Ходили слухи, что он убит, что уехал в Польшу... Однако, как теперь ясно, он оставался на территории губернии и ожидал своего часа. Судя по некоторым данным, Антонов был уверен: разразившийся в стране голод обострит отношения города с селом, рабочих с крестьянами, вновь возникнет в деревне грозная обстановка, и тогда он, выйдя из подполья, возглавит новое восстание.

Покалюхин руководил вооруженной группой, которая окружила дом в селе Нижний Шибряй, где находились Антонов и

его брат Дмитрий. Удалось выманить главаря мятежа из леса. Братя яростно эстреливались из маузеров, патронов у них было много. Покалюхин едва не погиб, когда с кольцом в руке лицом к лицу столкнулся с покинувшими горящий дом Антоновыми. Ему удалось легко ранить Александра в подбородок; Антоновы уже бежали к спасительному лесу, но были сражены выстрелами из карабинов...

РЕЗУЛЬТАТОМ работы в архивах, поездок в Уварово, Нижний Шибрай, бесед с Покалюхиным, другими очевидцами событий явилась документальная повесть «По следу «Главного». Но хочу рассказать не о том, что с ней связано, а о другом. В перерывах, которые делались для отдыха Михаила Ивановича от изнурительных бесед по теме будущей книжицы, мы говорили о чем угодно, только не об антоновщине и ее вожде. Чаще всего об охоте, которую Михаил Иванович не то что любил — испытывал к ней подлинную страсть. Однажды он стал рассказывать о своей работе в Москве, в ОГПУ. Называл фамилии Артузова, Дерибаса, Пилляра, и голос его теплел.

Как-то раз он вспомнил эпизод из лагерной жизни, и я решился спросить, за что его арестовали. «Написал в Народный Комиссариат внутренних дел о недопустимости избиений при допросах», — ответил Покалюхин словно бы нехотя. И, дитя времени своего, очевидно, опасаясь, чтобы я не заподозрил его в каком-нибудь «бесклассовом гуманизме», продолжал, цепко держа меня зрачками: «Применять физическое воздействие — не наш метод. Дзержинский за такие вещи расстреливал. Но здесь есть и другая сторона медали. Если побоями можно вырвать признание у каждого, значит, в лагеря направляются люди признавшиеся, но невинные. Это плохо. Но еще хуже то, что, отправив в лагерь невинного, мы успокоились и оставили на свободе врага».

Вопреки нет-нет да и мелькающим в печати утверждениям о возникновении ВЧК как «органа насилия и беззакония» я считаю, что в свое время для защиты революции в силу необходимости была создана организация, где чистый и честный Дзержинский, словно магнит, собрал вокруг себя сильных, чистых, талантливых и честных людей и, кроме того, создал особое «силовое поле» непримиримости к врагам. Во времена культа личности Сталина такие органы генсеку были не нужны. Всячески «укрепляя авторитет» покойного «железного Феликса», подчеркивая роль ЧК как «карающего меча революции», прикрываясь портретами и цитатами Дзержинского, в органах начали избавляться от настоящей чекистской гвардии, всем своим существом впитавшей принципы, методы, моральные критерии работы, идущие от Дзержинского, от ВЧК. Сначала расстреляли и рассовали по лагерям дзержинцев,

потом тех, кто помнил их, работал с ними, затем убрали и третью «волну» сотрудников, путем естественного отбора оставив у дел самых беспринципных, исполнительных и жестоких.

Предвидя вопрос: а что же делали кадровые чекисты, дзержинцы, почему все это было ими допущено? — предлагаю читателям вместе проследить судьбу чекиста Михаила Ивановича Покалюхина. В основном это будут документы двухтомного следственного дела № 3499. С ним удалось ознакомиться с помощью сотрудников УКГБ по Тамбовской области.

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА СОТРУДНИКА НКВД ПОКАЛЮХИНА М. И.

«Покалюхин Михаил Иванович, 1899 года рождения, русский, из крестьян-середняков. Окончил 3 класса церковно-приходской школы. С 13 лет начал работать сначала мальчиком, затем приказчиком в магазинах Кирсанова, приемщиком кожсырья. С 1918 по 1919 годы — пом. секретаря волсполкома в с. Гавриловка Кирсановского уезда. В 1919 вступил в ВКП(б) и направлен парторганизацией на чекистскую работу.

За исключительное мужество и умелые чекистские действия дважды награждался именным оружием, ему было присвоено звание «Почетный работник ВЧК-ОГПУ». Весной 1937 года Покалюхин М. И. был направлен начальником отдела в управление НКВД по Кировской области».

Наступил трагический тридцать седьмой, когда по всей стране, словно охваченной безумием, разоблачали «врагов народа», различные «тайные организации», правых и левых уклонистов. В газетах мелькали имена арестованных, Покалюхин поражен — это же истинные большевики, ленинская гвардия. Когда сообщали об арестованных в Москве видных чекистах, с которыми он в свое время работал, Михаил Иванович вслух высказывал сомнения в их вине.

21 июля 1937 года возникло дело по комбинату «Искож» г. Кирова, следствие вел отдел Покалюхина. Вот какое заключение дает в 1939 году пом. прокурора, всячески наскребивая обвинительные факты против уже год как арестованного Покалюхина: «При первом расследовании дела допрошено многочисленное количество свидетелей, но ни одному из них не ставились конкретно вопросы о подрывной вредительской деятельности обвиняемых по делу».

И вывод: «Все это приводит к заключению, что первоначальное следствие со стороны Покалюхина... направлено не в сторону вскрытия контрреволюционной антисоветской организации на «Искож», а в сторону запутывания и осложнения дела».

Вот как! Расследуя дело о вопиющих хозяйственных упущениях, сотрудник НКВД оказывается, просто обязан был раскрыть

не просто вредителей, но непременно и контрреволюционную организацию.

То же самое вменялось ему в вину и по делам, связанным с «Кирлесом», Воткинским машстройзаводом...

Итак, мы видим по крайней мере то, что, прибыв в Киров, Михаил Иванович не поддавался всеобщему ажиотажу по конструированию политических дел, а работал, не поступаясь совестью коммуниста и чекиста.

Но вернемся ко времени, когда Покалюхин еще не был арестован — к началу 1938 года. И снова обратимся к одному из его многочисленных заявлений, датированному 17 сентября 1939 года. События, предшествующие аресту, он описывает так:

«В начале 1938 года в Киров приехали Большеменников — зам. нач. УНКВД и Сараев — нач. отдела, с приездом которых стала применяться практика физического воздействия на арестованных с целью получения от них признаний. Об этом я получал отрывочные сведения от своих сотрудников, которые мне прямо или намеком заявляли, что в отделе у Сараева по делу правых арестованные сознаются потому, что там бьют... Я сказал, что намерен по этому поводу говорить с нач. управления, т. к. считаю это средство негодным. Мне ответили, что с нач. управления говорить по этому вопросу бесполезно, т. к. Большеменников в его присутствии избил арестованного Ляпунова... В тот же день я написал письмо бывшему зам. наркома Заковскому примерно такого содержания: «У меня есть важный вопрос, касающийся принципов нашей следственной работы, для изложения которого я просил бы вызвать меня в Москву».

Вскоре Михаил Иванович узнал, что Заковский освобожден от должности зам. наркома, а письмо находится у начальника отдела кадров НКВД. Покалюхин позвонил ему, и тот предложил написать подробное письмо на его имя, что и было сделано.

«Я написал примерно следующее, — читаем в заявлении. — У нас применяется такая практика, как избивание арестованных, что нахожу неправильным, т. к. она чревата рискованными последствиями (на базе этого могут возникать и развиваться провокационные дела с массовыми оговорами, неправильно воспитываются молодые кадры чекистов, что эта практика... может подорвать престиж нашего органа). Письмо я послал примерно 26—28 апреля. Ответа на него не получил совсем».

Действительно, никакого ответа ему не последовало, но это не означало, что письмо Покалюхина затерялось или его положили под сукно. Он не знал, что к этому времени уже господствовала установка, исходившая от Сталина: враги своими действиями подрывают народное хозяйство, уничтожают лучших людей партии; самыми жестокими должны быть и ответные меры. Он не знал, что в связи с письмом в НКВД

из арестованных в Кирове чекистов Зиле и Канзигера уже выбивают показания против него...

Летом 1938 года из столицы в Киров прибыл новый начальник УНКВД Юревич. Он созвал всех сотрудников отдела, который возглавлял Покалюхин, и, выслушав кратко, кто чем занимается, сказал следующее (цитирую по заявлению Покалюхина): «Медленно у вас идет признание арестованных, это объясняется тем, что вы их не бьете, мы в Москве били, будем бить и здесь»... «Когда сотрудники все разошлись, — пишет дальше Михаил Иванович, — я заявил Юревичу свое отрицательное отношение к этим средствам при допросах и сказал о своем письме в Москву... Юревич ответил, что он знает об этом»...

Последние слова не насторожили опытного чекиста.

Тем временем стальные зубья страшной машины уже втягивали в свое безжалостное нутро самого Покалюхина. На стол наркома НКВД, который одновременно являлся и секретарем ЦК ВКП(б), легла справка о капитане госбезопасности из Кирова, и на первой странице косо и крупно, карандашом, цвет которого походил на запекушуюся кровь, нарком поставил резолюцию: «Арестовать. Ежов. 21/VI».

25 июля 1938 года Покалюхина вызвали к начальнику УНКВД, где взяли под стражу, предъявив обвинение в «участии в антисоветской организации правых, по заданию которой проводил активную антисоветскую работу». Хилые показания, которые удалось выбить из Зиле, а затем и Канзигера, дали повод для ареста, но их явно не хватало, чтобы сконструировать серьезное дело. На допросе следователь Сараев откровенно сказал Михаилу Ивановичу: «Раз нарком дал санкцию на арест, то этот арест мы оправдаем всеми доступными нам средствами. Признание в организованной антисоветской деятельности вы нам дадите, а если потребуется, то мы вырвем его у вас с кровью».

Интересна реплика Юревича, зашедшего в первые дни допросов в камеру. На слова Михаила Ивановича о полной своей невиновности начальник управления НКВД ответил: «Можно было бы сомневаться в материалах против вас, если бы вы перестроились в следственной работе на новые методы».

Вот что пишет об этих страшных днях и месяцах своей жизни Покалюхин в заявлении, направленном прокуратуре:

«Арестован я был без санкции прокурора. Ни вопросы следователей, ни мои ответы, опровержения, доказательства, доводы во время допроса не фиксировались. Следователи Гребнев, Крупенин, Сараев, Павловский и другие, как попугаи, повторяли одно и то же: «Кайся в принадлежности к антисоветской организации». Допрос производили таким образом, что первые дни тринадцать мне давали спать не более двух часов в сутки, следующие сем-

надцать суток я совсем был лишен сна и держался на так называемом «конвейере», а потом три ночи подряд подвергался жестоким избиениям плетью и палкой. Следователь Павловский вырывал у меня из головы волосы, прижигал папиросой лицо, угрожал изуродовать половые органы».

Страшно читать эти строки, страшно писать об этом. Человеческое тело слабо, оно уже не выдерживает пыток и издевательств, но есть еще сила духа, сила убежденности в своей правоте. Нужно во что бы то ни стало разоблачить провокационные действия тех, кому доверили заботу о безопасности страны. И Покалюхин решается на отчаянный шаг: он соглашается дать показания об участии в антисоветской деятельности. Расчет таков: в этом замешан арестованный прежде и находящийся в Москве чекист. Значит, его, Покалюхина, должны направить в столицу для очной ставки, а там уж он сумеет рассказать о беззакониях, творящихся в Кировском управлении.

Следователи не скрывают радости, наконец-то! Все они знают, что Покалюхин не виновен, но им нужна, ох как нужна свившая гнездо в органах безопасности тайная организация, поставившая своей целью реставрацию капитализма в СССР и ведущая антисоветскую агитацию и активную подрывную деятельность. Следователь Павловский в течение месяца сочинял это «признание», а Михаил Иванович вносил свои уточнения и поправки, многие из которых, как выяснилось потом, оказались для следствия «минами замедленного действия», т. е. противоречили друг другу. «Показания» заняли 28 страниц, отпечатанных на машинке.

Время шло, однако в Москву Покалюхина не переправляли. К этому времени по обвинениям, не связанным с делом Покалюхина, уже арестовали и Калинин, который прежде был заместителем Покалюхина в отделе. Судя по всему, честный молодой чекист пользовался у Михаила Ивановича полным доверием. На допросах Калинин не сказал ничего, что могло бы навредить товарищу.

Михаил Иванович, как он сам пишет, очень переживал, что в вымышленных показаниях упоминал о своих вольных разговорах, которые вел в присутствии Калинина. Воспользовавшись предоставившейся возможностью, он посылает ему записку:

«Я был жестоко избит, от меня вынудили вымышленные показания о якобы имеющихся между нами антисоветских разговорах. На суде я эту провокацию буду разоблачать». Калинин ответил ему: «Мне тоже грозят бить, требуют показания об организации. Не знаю, что сочинить, сообщая, что сочинил ты. Ты наивничаеть, надеясь на суд». В следующей записке Михаил Иванович сообщает: «На мои сочинения не ориентируйся, они тебя не касаются. Не падай духом, когда-нибудь этой провокации будет конец, правда восторжествует...»

ТАК ВОТ, убедившись, что в Москву из Кирова его не повезут, Михаил Иванович заявил следователю о полном отказе от своих прежних показаний. К нему тут же применяют «конвейер» — допросы, длящиеся по несколько суток подряд, когда следователи сменяют друг друга, а допрашиваемому не дают ни есть, ни пить, ни спать. Но все напрасно, Покалюхина можно уничтожить, но сломить нельзя.

Надо сказать о несколько изменившейся к этому времени обстановке в стране. В середине 1938 года заместителем к Ежову направляется Берия. Через четыре месяца бывшего наркомвнудела отстраняют от должности и на смену ему приходит этот самый заместитель. Состоявшийся в январе 1939 года пленум ЦК, казалось бы, наметил линию на смягчение репрессий, прошла даже частичная реабилитация «врагов народа». На самом деле машина истребления оставалась на полном ходу, число ее жертв продолжало расти.

Покалюхин не мог знать, что в начале 1939 года молодые сотрудники НКВД Кедров и Голубев направили письмо Сталину и копию в ГПК о вопиющих беззакониях, творимых органами безопасности. С этим же обращается к генсеку сподвижник Дзержинского, в прошлом член коллегии ВЧК М. Кедров. Его сын Игорь Кедров и Голубев были арестованы и расстреляны, не избежал этой участи и Михаил Кедров, который, кстати, бывал в первые послереволюционные годы в Тамбове и помогал местным чекистам наладить работу.

Всего этого, повторяю, Покалюхин не мог знать, он держал бой на своем участке, не собираясь уступить ни одной позиции. Один за другим менялись следователи, допросы велись ежедневно, обычно они начинались так: «На вчерашнем допросе вы показали...», или «На допросе от 5 сентября 1938 года вами изложено...», или «В своих предыдущих показаниях вы утверждаете...», а в конце следовала «ударная» фраза: «Ответайте по существу поставленного вопроса, не уклоняйтесь от правдивого ответа!»

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ОТ 22 МАРТА 1939 ГОДА: «Допрос начат в 11 ч. 35 мин.»

Вопрос: на допросе от 10 октября 1938 года вы признали себя виновным в принадлежности к подпольной антисоветской организации. Тогда же вы дали показания о проведенной вами работе по заданию этой организации. Впоследствии вы отказались от показаний. Что вас побудило встать на путь отказа?

Ответ: Я отказался от своих показаний потому, что они были продиктованы мне следствием, вырваны у меня путем применения ко мне физического насилия. Отсюда, как следствие, мои показания оказались вымышленными.

Допрос прерывается в 14 ч. 45 мин.»

Из протокола другого допроса. Следователь допытывается, почему показания Покалюхина находятся в противоречии с заключением, подписанным пом. прокурора Кировской области Колевым по делу «Искож». Ответ звучит так: «В мою обязанность не входит объяснять, почему заключение прокурора совпадает или не совпадает с моими вымышленными показаниями. Могу сказать лишь одно, что никакой антисоветской работы я не проводил вообще, и в частности по делу «Искож».

Управление НКВД г. Кирова уже второй раз ходатайствует о продлении срока следствия и, разумеется, получает на это разрешение. Наконец, 9 мая 1939 года обвинительное заключение было готово и передано на рассмотрение «особого совещания» при НКВД СССР. Но все там оказалось настолько, что называется, притянуто за уши и шито белыми нитками, что «особое совещание», которому не в новинку было объявлять суровые приговоры при беспочвенных доказательствах, — и то вернуло дело в Киров на доследование.

Все начинается сызнова. Идет уже сороковой год. И, казалось бы, обстановка складывается в пользу Михаила Ивановича. Отказываются от своих обличающих показаний на Покалюхина Канзигер, а затем и Зиле. В Кировском НКВД лихорадочно ищут новых свидетелей обвинения. Взяться за бывшего чекиста, работавшего к тому времени начальником отдела кадров одного из заводов, члена ВКП(б) с 1931 года К. Либерте, но он показал следующее: «Мне сейчас известно, что Покалюхин арестован, не вдаваясь в обсуждение его деятельности, я могу характеризовать его лишь с положительной стороны и как растущего чекиста — специалиста по контрразведке, и как крепкого большевика. Повторяю, что это только в тех рамках и возможностях, как я знал Покалюхина».

Однако шестерни безжалостного механизма продолжали вращаться, и не вхолостую. Отказались от показаний Канзигер и Зиле, значит, надо добывать свидетельства других, что и было сделано. Теперь против Покалюхина свидетельствовали принужденные к этому Закарьян и Залперт. Следует сказать, что в мае 1940 года дело снова возвратилось на доследование, теперь уже с заседания военного трибунала войск НКВД Уральского округа, и срок следствия опять был продлен до 15 сентября. Но только в октябре было подготовлено обвинительное заключение (хотя Закарьян в конце концов от своих показаний тоже отказался). С этим документом стоит познакомиться читателей хотя бы для того, чтобы было ясно, с какими фактами и юридическими обоснованиями замешивались и выпекались в те годы обвинения «врагов народа».

ИЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ № 3499:

«Произведенным по делу расследованием установлено, что Покалюхин М. И. в 1926—1927 гг., работая в Закавказском ГПУ, примкнул к троцкистской группировке и вместе с другими участниками принимал участие в троцкистских разговорах по крестьянскому вопросу. Позже в Кирове у себя в кабинете высказывал сомнения в правильности проводившихся в то время арестов бывших работников НКВД... Покалюхин себя виновным не признал, но изобличается показаниями свидетелей.

Дело по обвинению Покалюхина следствием закончено и подлежит направлению для рассмотрения в военный трибунал, но, принимая во внимание, что Покалюхин себя виновным не признает, а основные свидетели по его делу Агрба и Залперт осуждены и расстреляны и в судебное заседание вызваны быть не могут, а свидетели Закарьян и Зиле от своих показаний отказались,

Постановил:

Дело по обвинению Покалюхина М. И. в преступлении, предусмотренном ст. 58-II, I — ч. I УК РСФСР, направить на рассмотрение Особым совещанием НКВД СССР.

Перегруженное делами, работавшее в поте лица «особое совещание» рассмотрело материалы лишь в марте 1941 года. Приговор гласил: «Покалюхина Михаила Ивановича за антисоветскую троцкистскую деятельность — заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТЬ лет, считая срок с 25-го июля 1938 года».

Получалось так, что оставалось ему пробыть в заключении 2 года и 4 месяца. Но началась война. Все просьбы Михаила Ивановича об отправке его на фронт отклонялись. Чекиста продержали в лагерях до 26 декабря 1946 года, чуть ли не вдвое увеличив срок заключения без всяких на то объяснений.

• • •

...Освобожденный из заключения в 1946 году, Покалюхин без всяких обвинений был сослан на поселение в Красноярский край и только в 1954 году возвратился в родные места, а вскоре был реабилитирован. Его восстановили в партии, ему присвоили звание подполковника, обеспечив на старости пенсией. Но никто не мог ему вернуть проведенные за решеткой и колючей проволокой годы жизни, утраченное здоровье. Резко стало сдавать измученное сердце. В августе 1973 года его не стало.

А. ЛОБОЦКИЙ.



Игорь КРОХИН

Игорь КРОХИН родился в Тверской области в семье агронома в 1940 году. Закончил Ленинградский экономический институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей СССР, автор шести поэтических книг. Живет в Орле.

НА СТАНЦИИ ОТРАДА

Везут коней.
Куда везут?
На тихой станции Отрада
Теплушки медленно ползут
Под желтым ливнем листопада.
Переступают скакуны,
Стучат копытами чечетку,
Бессонницей возбуждены,
Косят глазами сквозь решетку.
Куда вы, кони?
Часовой
Глядит с площадки нелюдимо.
А им похрупать бы травой,
По луговинам бы — да мимо...
Мерцает лезвие штыка
Предупредительно и грозно.
От придорожного стожка
Пахнуло и свежо, и остро.
За перегонюм — перегон,
И вот за станционным вязом
Сигналил хвостовой вагон,
Краснея повлажневшим глазом.
Светилась в воздухе сыром
Луны ущербная коронка.
И долго-долго над селом
Дрожало ржанье жеребенка.

ТЫЛОВИЧКА

Ночная смена за шитьем,
Потом завод — дневная смена.
А круглосуточная — дом,
Где нет ни хлеба, ни полена.

Чадит копилка — был бы воск,
Да в коробке поболее спичек!..
Ты, мать, была из рода войск
Глаз не смыкавших тыловичек.

О, сколько общего в судьбе
Бессменных тружеников тыла...
Заботилась не о себе,
И как тебя на все хватило?!

И никаких тебе наград,
Одна
Всеобщая награда,
Известье: «Прорвана блокада!
Вздыхнул свободно Ленинград!..»

...Теперь гляжу со стороны,
И не слепа сыновья жалость —
Не сразу это понималось,
Как на поверхности войны
Ты, худенькая, удержалась..

РУКИ

И совсем не золотые —
Золотая лишь мозоль.
Грубой силой налитые,
Любят ласку, терпят боль.

В гневе кулаки сжимают,
Нежно глядят малыша,
Ну, а если обнимают —
Отпускают не спеша.

На бумаге пишут слово,
Косят травы, хлеб растят,
Цепь куют и рвут оковы —
Быть свободными хотят.

* * *

Всю красоту славянской речи,
Неисковерканный язык
Никто не в силах изувечить,
Пока на свете жив мужик!

Его глаголы обиходны:
Коса да грабли, хлеб да печь.
Но может словом чужеродным
На славу публику развлечь.

И так к родному подверстает,
Так смело пустит в оборот, —
Оно во рту, как сахар, тает
И золотится, словно мед!

Народный писатель Туркмении Рахим ЭСЕНОВ,
ветеран внутренних войск



ПОВЕСТЬ

«СЫН ЗА ОТЦА НЕ ОТВЕЧАЕТ»

Ислим Нефесов, главный бухгалтер райфинотдела, визиту необычного гостя не удивился. Он ждал его с тех самых пор, когда узнал, что вместо прежнего начальника райотдела НКВД из Ашхабада прислали другого, Ивана Ивановича Грамкова, недавно еще бывшего в Наркомате в больших начальниках.

Постучавшись, Грамков вошел быстрым шагом, без обычного портфеля, в котором, говорят, прежний начальник носил оружие. Плотный, лобастый, чуть постарше Нефесова, лет сорока, в светлой косоворотке, подпоясанной тонким кавказским ремешком, в новых диагональных галифе и черных мягких сапогах.

«Охрану, наверное, оставил за дверью», — Нефесов поднялся с места, закрыл сейф с ценными гербовыми бумагами и положил ключи между собой и Грамковым, спокойно уселся напротив на стуле.

— Что, Нефесов, вину свою чувствуешь? — неловко пошутил Грамков, догадавшись о его состоянии, и доброжелательно улыбнулся.

— Виноватого всегда отыскать можно, — Нефесов спокойно взглянул на Грамкова. — Не в Иран же я сбежал...

— Потому и не искали...

— Отыскали же. Значит, не забыли, виноватым считаете. Врагом...

— А ты здесь уже главным бухгалтером?

— Приехал сюда замом. Потом прежнего главного арестовали, — горько усмехнулся. — Вот я и...

— Я к тебе по серьезному делу, — сказал Грамков. — С просьбой, понимаешь?

Нефесов взял со стола ключи от сейфа, положил их в карман, покосился на окно, выходящее во двор, — не ходит ли там часовой с винтовкой. Не обнаружив, облегченно вздохнул. Грамков заметил это, но не подал виду.

Окончание. Начало в № 11, 1991 г.

ПРОЗА



— Наши оперативники, — тихо заговорил он, — вышли в песках на подпольного бая. Отара в две-три тысячи голов овец, шесть батраков. Говорят, есть у него еще утаенные лошади, ишаки. Мы проверяем его сейчас... Дай нам знакомого финансиста, чтобы в комиссию вошел... Надо ведь бая налогом обложить. По закону чтобы было... «Смотри, о законе вспомнил», — удивился Нефесов.

— У нас закон таков, — усмехнулся Нефесов, — что даже миллионер без штанов останется. Таким налогом обложим — по закону...

— По закону? — переспросил Грамков.

— Да, такова наша налоговая политика...

— Нефесов осекал и тут же поправился:

— И правильно. Недаром товарищ Сталин говорит, что по мере укрепления нашего строя, успехов социализма классовый враг...

— Драпанул ты тогда, Нефесов, — не без умысла перебил Грамков. — В Баку, кажется?..

— Да не был я там!

— А жена твоя говорила: в Баку.

— Что ей сказал, то и говорила, — Нефесов хитровато усмехнулся, словно раздумывая, стоит ли откровенничать с Грамковым или промолчать: с коротким языком жизнь длиннее... Но открытое лицо Грамкова, его добродушные серые глаза располагали к тому, чтобы не таиться от этого человека.

И Нефесов решил быть откровенным...

Вчерашний рыбак, выучившийся бухгалтерскому ремеслу, он не насторожился, когда арестовали руководителей республики, среди которых оказался и его односельчанин Недирбай Айтаков. Вскоре взяли и семьи руководителей. Затем принялись за секретарей райкомов и горкомов, председателей исполкомов, видных представителей интеллигенции, потом очередь дошла до хозяйственных работников, служащих... В районе, где жил Нефесов, начались повальные аресты. «Черные вороны» опустошали городские квартиры в шахматном порядке. Обезуделили многие кабинеты наркомата финансов, где работал Ислим Нефесов. То же произошло и в соседних государственных учреждениях и организациях, с которыми он соприкасался по роду своей деятельности.

Но и тогда Ислим Нефесов не забеспокоился, думая, как и многие уцелевшие: «Дыма без огня не бывает...» Читая в газетах хлесткие статьи об изощренных вражеских происках или узнав об аресте своего знакомого, сослуживца, даже попрекал себя: «Враги орудовали рядом, а ты их не разглядел... Даже ухом не повел!»

Однажды по дороге домой после работы его нагнал молодой коллега, некогда ходивший у него в практикантах. Им было по пути, тот жил в ауле Кеши.

— Разговорились сегодня в столовой кредитники, ревизоры, — рассказывал молодой кешинец. — Подошли и соседи, банковские служащие. Наш заведующий отде-

лом с облегчением вздохнул: «Слава богу, кажется, всех врагов народа переловили. Теперь будет спокойно. Больше и забирать-то некого». А один известный ваш недруг кивнул на вас (вы сидели спиной, обедали): «А этого? У прежнего наркома националиста Махмуда Тумаилова любимчиком был и, говорят, в родстве с Айтаковым состоит. Он свою карьеру сделал с записки этого врага народа...» — «Подумаешь, карьера, — рассмеялся заведующий отделом, — старший кредитный инспектор!».

Нефесов похлодел:

— А дальше?

— Никто не поддержал злопыхателя, но никто и не возразил. Люди боятся рот раскрыть. Мой отец, ему я рассказывал, благодарный вам за меня, посоветовал, чтобы вы куда-нибудь уехали на время. Хотя бы квартиру сменили, на другую улицу, что ли, переселились. Не оставайтесь, сказал он, там, где сейчас живете. Так еще можно спастись...

— Спасибо тебе и твоему отцу, — задумчиво проговорил Нефесов, не зная, идти ему сейчас домой или нет.

Ведь и сосед Ашраф, забежав утром, сообщил по секрету:

— Ислим-ага, — он приложил палец к губам, — не сегодня-завтра ночью наш квартал будут чистить энкавэдэшники...

Все это подстегнуло Ислима: на другой день пошел к заместителю наркома и положил ему на стол заявление с просьбой перевести его в любой район республики. На счастье, ему предложили район, куда некогда целым селением перебрались с Мангышлака его родичи, односельчане.

Немедля оформив документы, Нефесов в ту ночь заночевал у друга, а наутро выехал из Ашхабада. Когда волна репрессий спала, он перевез семью и жил ни от кого не хоронясь.

— Необоснованным арестам теперь отбой, — задумчиво проговорил Грамков. — Можешь, Нефесов, жить спокойно.

На днях после выступления И. В. Сталина из Москвы пришел циркуляр, осуждающий вредительскую политику Ежова, предписывающий прекратить необоснованные аресты и наказать всех, кто злоупотреблял властью, репрессировал безвинных.

У Грамкова было теперь основание поручить своим оперуполномоченным: «Прикажете своим источникам необоснованных доносов не строчить!» Он не замедлил обратиться в поселках мужское население, в том числе и своих тайных осведомителей, и попросил всех, не таясь, откровенно высказать все, что думает каждый друг о друге. Люди сказали много доброго. Грамков предоставил слово и своим агентам, не посмеявшим на миру сказать о ком-либо худое.

Свела судьба Керима с Грамковым и Курбаном Пияном и в дни войны. Ислим Нефесов ушел на фронт. Дома остались Хаджигуль и четверо детей, самый старший из них Керим. Осенью сорок третьего, когда его, семнадцатилетнего, вскоре долж-

ны были призвать в армию, райком комсомола мобилизовал его (мужчин в районе, способных носить оружие, — раз, два и обчелся) на особое задание органов госбезопасности по задержанию группы дезертиров, сбегавших из войсковой части с табельным оружием. Оперативную группу, преследовавшую в песках вооруженных беглецов, возглавлял Грамков, а его заместителем был Курбан Пиян.

Пройдя боевое крещение в своих родных песках, перед самым возвращением с фронта раненого отца, Керим был призван в армию. Начал свою службу с пехотной части, учился в полковой школе и в звании младшего сержанта ушел с маршевой ротой на фронт. Настоящая война для него началась в каких-то шестидесяти-семидесяти километрах от Берлина, в феврале сорок пятого... Там полегла почти вся его дивизия, пополненная незадолго до того молодыми, одного с ним возраста ребятами. А его пуля, к счастью, миновала — даже не царапнула. Повезло.

После Победы над фашистской Германией и империалистической Японией с запада на восток страны потянулись эшелоны немецких военнопленных, а навстречу им пленные японцы. В тех же направлениях, от Тайшета и Колымы, Красноводска и Солдовков следовали красные «телячьи» вагоны с нашими заключенными. Их перевозили без литеры и под литерами «СК» — спецконтингент, «ОСК» — особый спецконтингент, «ООСК» — особо опасный спецконтингент. Сопровождал их эшелонный конвой, состоявший из солдат и сержантов срочной службы войск НКВД. У этих эшелонов было единственное преимущество: их не задерживали долго на станциях, особенно на больших железнодорожных узлах, им всегда давали зеленый свет.

Эшелонами обычно отправляли тех, кто получил сроки. Такой способ перевозки назывался «плановым конвоем». Плановый! Все в стране свершалось по плану, даже перевозка лишенных свободы советских людей. Как их было много в этих «плановых» вагонах, перегороженных внутри стальными камерами-клетями, там царил неизбывная тоска, безысходное горе сломанных судеб тысяч и тысяч мужчин и женщин, старых и молодых. Казалось, вся страна была упрятана за колючую проволоку лагерей и тюрем...

Так думал Керим Нефесов, когда после расформирования своей боевой части волею случая попал во внутренние войска МВД СССР. Там, в конвойниках, прошла почти вся его срочная служба. А после войны весь возраст Керима не демобилизовали еще пять лет. Солдаты спали и видели «гражданку», служба с каждым днем все более становилась в тягость.

Сколько горя и слез пришлось ему пережить за эти годы. Как-то, снаряженный в плановый конвой, он повстречал в конвойниках своего школьного товарища, закадычного кореша.

Вместе учились, вместе призывались. Как

и Керим, он воевал на «берлинском плацдарме» и где-то в самом начале мая сорок пятого угодил в плен, в котором пробыл всего сутки, освободили свои. И теперь вот — камера, следствие... Почему фашисты его не расстреляли, в живых оставили?.. Значит, он — шпион.

Друзья узнали друг друга, но виду не подали.

Демобилизовавшись, Керим вернулся в родительский дом. Жил в районном городишке, с населением тысяч тридцать-сорок. Как и все послевоенные районные центры, зачуханном, неухоженном, с единственным масло-жировым заводом и с бедным, но дорогим базаром. А прилегающие к нему поселки были еще неказистее.

Днем Нефесов работал, вечерами учился в школе рабочей молодежи, наверстывая то, что упустил из-за войны. Отец по-прежнему трудился в райфинотделе, на той же должности. Керим решил, что после школы продолжит учебу в вузе. Отцу с матерью не хотелось отпускать сына из-под своего крова. «Поживи дома, сынок, — говорил отец. — Жизнь вроде налаживается. Женись. В институте можно и заочно учиться. Сколько лет дома не был...»

Керим особенно запомнил один разговор с отцом, когда они вместе ремонтировали овчарню, размытую весенними дождями. Стояли теплые дни. В небе весело носились ласточки.

— Смотри, сынок, ласточки прилетели, — Ислим заметил под стрехой гнездо. — Весна будет ранней. Тепло будет.

— Почему люди так любят ласточек? — Керим задрал голову в небо, наблюдая полет птиц. — Потому что их прилет связывают с приходом весны?

— Не только, — улыбнулся отец. — Ласточка — птица благородная. Об этом даже притча в народе бытует. Заметил, что в хвосте у нее не хватает посередине перышка? Так вот, когда злой дракон поджег царство людей, первым тушить пожар бросилась ласточка. Она набирала в клюв воды и выливала на бушующий огонь. Ласточка и возвестила о надвигающейся беде... А дракон, пытаясь поймать ласточку, сумел уцепиться за ее хвост и осталось перышко в пасти чудища...

Бедная Хаджигуль, глядя на мужа и сына — оба красивые, ладные и в работе сноровистые, — была от счастья на седьмом небе. Она, опомнившись, незаметно поплеывала в их сторону, чтобы не слезить. Какая она счастливая: вся семья цела. Ислим, правда, после ранения прибалывал, но зато на ногах, живой. И детей она в войну от голодной смерти уберегла, хотя и хлебнула горюшка с лихвой. Все, надеялась, сгинуло — и война, и предвоенный Ашхабад, и тридцать седьмой год, ночной визит энкаведэшников, жизнь под страхом за мужа, за себя... Но на Грамкова почему-то не тайла зла, как и Ислим, помнила его добрым словом. Может, он и живой, но из района исчез еще до войны. Никто, пожалуй, не знал, куда подевался

этот с виду грубоватый, чуть флегматичный мужик, который, судя по всему, службой своей, связанной с людским горем и слезами, стяготился.

— Скажи, отец, — спросил Керим, — ты веришь, что в тридцать седьмом году в нашей стране было так много врагов народа? От маршала до солдата, от наркома до простого рабочего?

Ислим с испугом глянул в глаза сыну, задержал свой взгляд и, оглядевшись по сторонам, словно боясь, что их кто-то услышит, раздраженно проговорил:

— Откуда ты взял это? Ты же тогда был маленький. Я-то многого не знаю. А тебе откуда известно?

— Ты, может, и не знаешь, а я знаю. После войны я служил в конвойных частях, много повидал: лагерь смерти «Нагорный» в Норильске, лагеря в Сибири, на Колыме. А на Дальнем Востоке я встречал целые поселения врагов народа... Кого только там не было—и узбеки, и казахи, и туркмены, и украинцы, но больше всего русских...

— Подожди, сынок...—персбил отец и обошел вокруг овчарни, чтобы проверить, не подслушивает ли кто ненароком. Вернувшись, присел на кусок доски, кивнул головой. — Ты разговаривал с ними?

— Общаться с ними запрещалось под страхом строгой кары. Могли запросто пришить связь с политическими заключенными. Это уже пахло 58-й. Но мне удавалось иногда беседовать с ними. Не поверишь, отец, народу там была тьма. А еще больше погибло от голода, холода, издевательств... И все политические. Не счастье, сколько народу погибло при выселении и перевозке чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар, немцев с Поволжья... Их наши конвойные войска вывозили. — Керим помолчал, будто переживая все рассказанное, и продолжил: — Давали им на сборы двадцать четыре часа, иным и того меньше... Был у нас старшина сверхсрочной службы, еще довоенного призыва. Садист, зверь! Он со смаком рассказывал, как все это происходило. С солдатами обходился, как с заключенными, бил по голове или поддых, чтобы следов не оставлял. И откуда в человеке столько зла? Обидно, что такое происходит в нашей стране, законы которой мы считаем самыми гуманными, демократическими...

— Ты лучше, сынок, помалкивай об этом, — испуганно перебил Ислим. — Видел и забудь!

Разве Керим мог забыть недавнее прошлое, от которого его отделяли каких-то полгода?

Перед глазами встала тайга, зона за двумя рядами колючей проволоки. Концлагерь на десятки тысяч человек. С вышками, бараками, на нарах тьма клопов...

Керим тяжело вздохнул, не решаясь продолжать рассказ, боясь, что отец не поверит, как могли ему не поверить многие, не видевшие своими глазами того ужаса.

— Видел бы ты, отец, наши лагеря в

Норильске — снова заговорил Керим. — Зеков там называли доходягами. Среди них было много верующих. Христиане почитали за счастье быть похороненными в гробах, а мусульмане — по-нашему, в саване, лицом к Мекке... Так они еще при жизни давали своим палачам, тюремщикам, надзирателям взятки, чтобы они похоронили доходягу как положено, по обычаю. Брать-то надсмотрщики брали, даже слово давали, а как те умрут, зарывали в братских могилах в чем мать родила... За руки, за ноги возьмут, раскачают и...

У Ислима-ага на глаза навернулись слезы, то ли от жалости к тем несчастным, то ли от сострадания к сыну, всего пережитого которым хватило бы за глаза на десятилетиях.

— Не качай головой, отец, — прокашлялся от волнения Керим, возвращаясь из былого. — Ты мне не веришь?

— А ты поверишь, что твой отец, сын рыбака, которому Советская власть дала образование, мог быть врагом народа? Ты помнишь, что вместо меня арестовали беднягу Амир-заде?.. Может, ты думаешь, что он — враг народа?

— Неужели Сталин не знал об арестах? Не знает, что творится в стране?

— Ну какой же он падишах, если не знает, что творится в его царстве? Он, должно быть, даже знает, что думает каждый из нас.

— Это-то конечно — в душу залезть у нас могут запросто...

Керим умолк. Долго молчал и Ислим-ага. «Я-то, считай, жизнь свою, хорошо ли, худо, прожил, — с тревогой думал он. — Как они, дети, будут жить?..»

Однажды в спортклубе, где Керим работал тренером, ему позвонили по телефону.

— Здравствуй, друг-однополчанин! — раздался в трубке игривый голос.

Керим нерешительно ответил, пытаясь отгадать, кто бы это мог быть. Вроде во всем районе однополчан его не было.

— По нашей улице в день четыре раза ходишь, а глаз не кажешь, — продолжал незнакомец. — Нехорошо, друг мой, нехорошо!.. Зашел бы — поговорим, старое вспомним, может, помочь тебе нужно... А не тебе, так нам...

Керима уже начал раздражать этот беспредметный разговор, но анонимный говорун, словно почувствовав, наконец представился.

— Курбан Сакилов звонит, — и тут же спросил: — Помнишь меня? Зайди к нам сегодня вечером, часиков в девять. Поговорим...

— Сегодня не могу. В вечерней школе учусь, — неохотно ответил Керим, смутно догадываясь, зачем он понадобился Курбану Пяну, работавшему в районе с недавних пор начальником райотделения МГБ.

— Не беда, пропустишь один раз, — решил тот на покровительственный тон, —

К вам по приглашению прийти за честь почитают. А ты же свой, зачем сторонись-ся?

«Потому и не хочу!» — хотел ответить Керим, но промолчал.

Занятий Керим пропускать не стал, в райотделение МГБ зашел в ближайший свободный вечер. В ту пору все учреждения от районных партийных, советских и хозяйственных организаций до союзных органов работали вечерами, нередко до поздней ночи. Такого распорядка придерживался сам Сталин, и его примеру следовала вся страна.

В просторной приемной Керима встретил молодой лейтенант, видно, предупрежденный своим начальником. Керим представился, и тот без доклада впустил его в кабинет, такой огромный, что в нем могли свободно уместиться два отцовских дома, с прихожей и коридором, где Нефесовы стесненно жили большой семьей.

Шаги скрадывали дорогие туркменские ковры. В кабинете стоял полумрак, на большом рабочем столе горела настольная лампа, свет которой выхватывал лишь нижнюю часть сидевшего за столом Курбана Пияна. Так, говорят, любил работать республиканский министр госбезопасности, так был обставлен его кабинет, и ему старались подражать на местах.

Курбан Пиян, завидев Керима, вышел из-за стола, оскалил в улыбке крупные, теперь уже сверкающие золотом зубы, крепко пожал руку потными ладонями. Внешне он мало изменился, разве чуть рас-



полнел, на нем была ладная военная гимнастерка с блестящими майорскими погонами. Взгляд, осанка стали уверенными, начальственными.

— Молодец, за учебу душой болеешь. — Похвала Сакылова прозвучала как упрек. — Хоть и не пришел в назначенное время, но... люблю людей целеустремленных. Ты — наш кадр, чекист... Наши глаза и уши. Не забывай. Я бы на твоём месте без приглашения пришел, — и жестом пригласил сесть.

Керим сел за узкий длинный столик, приставленный к столу майора. Сакылов, на ходу доставая ключи из кармана, подошел к большому сейфу, достал листок с грифом «совершенно секретно» и положил его перед Керимом. Это был типографский бланк подписки. Тот, кто ставил на ней свою подпись, обязывался не разглашать разговоры с работниками МГБ и все доверенные ему тайны.

— В армии ты присягу принял, а у нас, ты знаешь, таков порядок — даешь подписку... — Курбан Пиян протянул Кериму ручку, показал глазами на массивный чернильный прибор. — Проставь свою фамилию и распишись... Хлопот у нас полон рот. Работы, как в 37-м, с каждым днем прибавляется. Да это ты и сам, наверное, почувствовал, служба в конвойных войсках...

Он замолчал, дожидаясь, пока Керим распишется, и, заметив, что тот даже дату не забыл проставить, довольно улыбнулся. Спрятав листок в сейф, добавил:

— Вы-то, фронтовики, — победители! У вас все на виду, вам слава, почет и награды. А нам, эмгэбэшникам, навоз выметай, с дерьмом всяким возись. И все из-за разных пжионов и беспаспортных космополитов... Уничтожили зверя в собственной берлоге, а сами озверели, понахватались там всякой идейной заразы. Видишь ли, все им на Западе нравится — и порядок там, и демократия буржуазная — человеческая, и народ там будто культурней, обходительней. Даже сортиры у них почище наших квартир... Это у буржуев недобитых! Нашли чем восторгаться?! Не будь войны, мы б уже при коммунизме жили...

Керим молчал, не поднимал глаз на собеседника, опасаясь выдать свои чувства, ибо в душе не соглашался с ним. Нет, Нефесов ничего, ничего не забыл — ни тот ночной ледяной душу визит в августе 37-го, ни дикие выходы Курбана Пияна, обнажившего свое бесчеловечное нутро осенью 43-го, когда оперативная группа преследовала в песках вооруженных дезертиров. Предать забвению безвинные жертвы, их слезы, унижения и страдания равносильно предательству. Короткая память свойственна людям равнодушным или ничтожным.

— С демобилизованными офицерами хлопот полно, — продолжал рассуждать Сакылов. — Переписку с американцами затеяли. Подумаешь, встреча на Эльбе! Союзнички! Вчера союзники, сегодня — враги. Гнилые семена забросили к нам с

Запада, — сокрушался Курбан Сакылов, — и взошли они ядовитым дерьмом. Повсюду: в Москве, Ленинграде, Ташкенте и у нас в республике, даже в нашем маленьком районе... В прошлом году я расколол одного махрового врага. Тоже офицер, фронтовик. Попутал я его на антисоветчине. С американцами на Эльбе встречался, они его славно угощали, повозили по своим частям, по солдатским казармам, офицерским квартирам. Ну видел, видел — сопи себе в обе дырки. Так нет, надо трепаться: американский сержант жалованье получает больше советского офицера, получше его живет, а белье нашего солдата поганее портянок американских вояк. А о жизни американского офицера и говорить, мол, не приходится, катается как сыр в масле... Копнул я его, оказался раскулаченный. Послушал бы, что плел этот хмырь. Будто коммунисты — карьеристы, затем и в партию лезут, за благами — дескать, мы после смерти Ленина все его идеи обкакали. Так и говорит, интеллигент недорезанный! Это при жизни великого Сталина!.. Оказалось, в войну он служил в армии предателя, генерала Власова. Уверял, будто не армия перешла на сторону немцев, а лишь сам Власов и несколько офицеров его штаба...

— А как он до Эльбы дошел? — спросил, не выдержав, Керим.

— Да байки рассказывает. Говорят, со своим батальоном ушел к партизанам, отсюда в действующую армию... Трепач. Послушаешь — звезду Героя вешай ему на грудь. Так я его упек на десятку по 58-й, да пять лет по рогам... Так что, видишь, дел у нас невпроворот, а помощников маловато. Не всем можно верить. Понимаешь?

Курбан Пиян мечтательно закрыл глаза, потянулся, хрустнув косточками, и продолжил:

— В 37-м люди были послушные: хватай, сажай — никто и пикнуть не смел. За войну охамели, не они Запад, а он их покорил. Свободы им захотелось. Это, как чумная зараза, опасно для нашего государства, нашей системы. Сейчас уже, как в 37-м, не развернешься. Тоньше приходится работать... А врагов вокруг не убавляется...

Керим догадывался, куда клонил свой разговор Курбан Сакылов.

— Ты знаешь Виктора Рекунова? — спросил он.

— Да, это мой товарищ по работе. Я — тренер по национальной борьбе, а он — инструктор спорткомитета.

— Что он из себя представляет?

— Фронтвик. Мастер спорта. После войны был чемпионом по боксу на всеармейских соревнованиях. Лишь на год старше меня, а прошел всю войну. Отличный парень!

— Не пори ты горячку с характеристиками! Может, он не такой?

— Я не оговорился. С полгода знаю его

— вечерами вместе учимся, за одной партией сидим...

— Какие разговоры ведет?

— Нормальные. Он — серьезный, трезвый парень. Орден у него полная грудь, благодарности Верховного Главнокомандующего. Скромный, не кичится. Тихий...

— В тихом озере черти водятся. Дома у него бывал?

— Нет. Он у меня гостил, даже бутылку распил, солдатскую службу вспомнил. — Керим почувствовал, как кровь приливает к голове: «Чего он хочет? Неужели надеется, что я Виктора оговорю? Компромат на него собирает?..»

— Про отца своего ничего не рассказывал? — настороженно глянул Сакылов на Керима.

— Рассказывал. Тоже воевал. Политруком был, после батальоном командовал, до войны учителем. Сейчас осудили на большой срок, по доносу. Виктор написал жалобу на имя товарища Сталина, чтобы пересмотрели дело отца.

— Он допишет, что его самого упрячут за решетку... Видишь, значит, недоволен советским правосудием. А ты — отличный парень! Отец его — тот самый антисоветчик, что у Власова служил, с американцами яхшался. — Сакылов осуждающе глянул на Керима. — Так что с характеристикой поостерегись...

— Но за Рекунова могу поручиться...

— Глупость порежь, Нефесов! — в глазах Курбана Пияна мелькнули злые огоньки. — Я ему про Ивана, а он про болвана! Яблоко от яблони недалеко падает. К Советской власти, органам МГБ, наказавшим его отца, твой Рекунов лоялен быть не может. Понимаешь, это — закон, зов крови. Как пить дать, злобу затаил и антисоветские разговоры ведет. При тебе, может, не решается, знает, что ты в наших войсках служил. Но ты приглядишься к нему, пригласи к себе, лучше в гости наприсись. Дома у человека язык развязывается. Взгляни на него другими глазами — глазами чекиста, бдительного, тонкого...

Час был поздний. Разговор затянулся. Сакылов в который раз повторял одно и то же, добиваясь согласия Керима. Нефесов знал, что Курбан Пиян возьмет его не мытьем, так катаньем. Не оставалось ничего, как пообещать быть бдительным и приглядеться к Рекунову «глазами чекиста».

— Рекунов — скрытный человек, — наставлял на прощанье майор, — ты расположи его к себе, расскажи, что в 38-м НКВД хотело арестовать твоего отца. Пожалуйся, кати бочку на нас. Мы позволяем тебе в интересах дела вести подобные разговоры...

Керим, внутренне холодея, не возразил Сакылову, молча вышел из кабинета: скорее на чистый воздух! Но он знал, как поступит. Молчать и уклоняться...

Месяца не прошло, и Керима вызвали в райотделение МГБ. Беседовал с ним молодой лейтенант, сидевший в приемной начальника райотделения. Лейтенант был очень недоволен, не услышав от Нефесова

ничего, что представляло бы интерес для органов госбезопасности.

Спустя дней пятнадцать последовал еще один вызов. И опять Керима встретил тот же лейтенант, и опять он высказал недовольство, теперь уже майора Сакылова, его поведением. Почему он не дает о себе знать, не проявляет инициативы? Ждет особого приглашения?

— Непозволительно, — выговаривал лейтенант, — так несерьезно относиться к делу государственной важности. Может, вы заодно с теми, кем мы интересуемся?..

Вскоре Нефесова вызвал к себе сам Сакылов. Беседа шла в его огромном кабинете, при свете ярких люстр, в присутствии лейтенанта, который, сев в сторонке, за отдельным столиком, вел запись разговора своего начальника и Керима.

— Что нового? — едва ответив на приветствие Нефесова, спросил Сакылов.

— Я докладывал лейтенанту: Рекунов для органов безопасности интереса не представляет. Мне дыхнуть некогда, да и Рекунову тоже... Кроме работы и учебы, я родителям по хозяйству помогаю...

— Ну да, ты человек занятой, а мы тут все бездельники? — ехидно хохотнул Курбан Пиян. И серьезно добавил: — Ты свои личные интересы ставишь выше государственных, общественных?

— Общественные интересы всегда складывались из личных интересов каждого. А государство наше всегда стоит на страже интересов личных, каждого советского человека.

Сакылов не сразу нашелся, а опомнившись, съязвил:

— Ишь, теоретик сыскался! Ты, Нефесов, грамотный, но дурак... Ничего не понял. Мы хотели испытать тебя, после чего рекомендовать для работы в органы МГБ, а там, глядишь, и в Высшую чекистскую школу. Офицером бы стал... А ты дальше своего носа не разглядел. Я считал тебя умнее...

— Офицером я мог стать в армии. Мне не раз предлагали поехать в училище. Но мне по душе мирная профессия учителя...

— Оно и видно, — процедил Сакылов. — А ты знаешь, что твой отец — один единственный из родственников врага народа Айтакова, кто уцелел? Теперь понимаю, почему ты саботируешь наше задание... Но ошибку 37-го года не поздно исправить и сейчас...

— Будь мой отец виноват, отыскать его было нетрудно. За границу не сбежал. Айтаков же только односельчанин отца... Если все сельчане между собой родичи, тогда Айтаков родственник. За отца меня попрекнуть нечем, он жил честно, воевал... И вообще сын, если на то пошло, за отца не отвечает.

— Сын за отца не отвечает! — Курбан Пиян передразнил Керима. — Три шуры спускают...

— Это товарищ Сталин сказал. Вы не согласны с великим вождем?

Сакылов опешил, но нашелся:

— Ты, Нефесов, права мне не качай! Может, скажешь, что ты не трепанулся уже своему дружку Рекунову, что мы им интересуемся? За разглашение тайны мы можем пришить тебе статью. Понял?!

— Никаких преступлений я не совершал. Но я напишу товарищу Сталину о вашем безобразии...

— Молчать! — Курбан Пиян стукнул кулаком о стол. — Рекунов вон тоже пишет. А чего добился? — Сакылов вытащил из стола несколько конвертов, адресованных в Москву, на имя Сталина. Керим разглядел почерк Рекунова. — Вот они, его письма, дальше почтового отделения нашего района не пойдут. А ты хоть самому аллаху напиши. Кто тебе поверит? Кто? Кому больше доверия, тебе, физкультурнику, старшему сержанту, или мне, майору, чекисту, которому доверена государственная безопасность целого района? Ты столько лет прослужил во внутренних войсках и не усвоил, что в нашем государстве у каждого свое место: у винтика — маленькое, а у маховика или шестеренки — побольше... Заруби себе на носу, Нефесов, задание не отменяется, нам или служат, или... Понял? Заикнешься кому, пеняй на себя. Мне ничего не стоит упрятать тебя. Хоть не 37-й год, но засадить можем... В Ашхабаде уже началось, кое-кого прибрали... А когда море волнуется, то волны слизывают с берега все лишнее. Смотри, не окажись лишним. Иди!

Когда Керим, повернувшись, направился к двери, Сакылов остановил его.

— Ты не думай, что мы о тебе ничего не знаем, — в голосе майора звучала нескрываемая угроза. — Вся твоя шестилетняя служба, которой ты хвастаешься, вот здесь, — он похлопал по папке, лежавшей перед ним. — Не безгрешен ты, Нефесов, нам известно, что с зеками общался, жалел их... Это врагов-то народа, мать их...

Целую неделю Керим ходил сам не свой. Отец, заметив его состояние, тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

— Что творится с тобой, сынок?

И он обо всем рассказал без утайки.

— Правильно поступил, сынок, — одобрил Ислим-ага поведение сына. — Наушничать, предавать безвинных — паскудное дело. В нашем роду доносчиков и трусов никогда не было.

Отец и сын замолчали, но думали об одном и том же: как быть дальше.

— Тебе, сынок, надо уехать отсюда, — сдавленно произнес Ислим-ага. — Смотришь, минут тебя чаша сия. Этот придурок меня не сумел посадить — на тебе отыгрался.

— Захотят отыскать, на дне морском найдут, — горько усмехнулся Керим. — Сейчас все делается планомерно, с толком, чувством, расстановкой.

— Говорят, всех, кто был арестован или сослан в 37-м, снова прибирают, — почему-то шепотом заговорил Ислим-ага. — В Ашхабаде, Чарджоу арестовали учителей, преподавателей, профессоров.

* * *

До заветного аттестата зрелости оставалось каких-то полтора-два месяца. Не случись непредвиденного конфликта с самодуром Курбаном Пияном, не возникло бы никаких проблем.

«Молчаливая контора» его пока не вызывала. Казалось, она затаилась, чего-то выжидая. Однако Керим знал: в покое его не оставят. Честолюбиво майора польстило бы, привлекли он Нефесова к сотрудничеству на «идейной основе». Не выгорело! Теперь на Керима будут давить всей унижающей мощью компромата, если его раздобудут (неприменно раздобудут!), «обкатают» и попытаются связать подпиской о неразглашении государственной тайны. Вызовет к себе Курбан Пиян, развернет досье и будет куражиться: «Смотри, а мы думали, что ты невинная овечка! А за тобой вон какой хвост тянется. Да я тебя в лагерную пыль сотру! И не пикнешь — подписку дал...»

Хотя Керим долго прослужил во внутренних войсках, случалось, бывал на оперативной работе, он не знал, что подписка никакая юридической силы не имеет.

Но он догадывался, что Курбан Сақылов повсюду послал запросы: как служил бывший старший сержант Нефесов, не имел ли нарушений, если имел, то какие? За свое прошлое Керим не беспокоился. Командование части подтвердит, что его уважали, считали лучшим в полку помкомвзвода и начальником оперативной группы эшелонного конвоя. Но ведь Сақылов может обратиться к своим коллегам в особый отдел полка или дивизии, а там иногда сидели такие, что могли разглядеть пятна и на солнце. Нефесов знал там одного служаку, чем-то похожего на Курбана Пияна, который и по сей день, пожалуй, не простил ему несурзадного случая, происшедшего за несколько месяцев до его демобилизации.

Произошло это на Алтае, в лютую зиму. Керим с четырьмя солдатами конвоировал группу заключенных на секретный рудник, до которого от лагеря было рукой подать. Вокруг ни жилья, ни зимовок на сотни километров. Отпусти заключенного на все четыре стороны — сам не уйдет, не захочет замерзнуть по дороге.

Нефесов, как начальник конвоя, вооруженный лишь одним револьвером, шагал позади колонны, рядом с солдатом, на шею которого висел автомат, а остальные конвоиры сопровождали заключенных впереди и по бокам, держа наперевес карабины с прижатыми штыками. На каком-то крутом повороте дороги один заключенный, неожиданно выбежав из колонны, бросился вниз по косогору, утопая по колено в рыхлом снегу. Кто-то из конвоиров вскрикнул «Побеги!» и выстрелил в воздух. Керим немедля дал команду всем заключенным: «Ложись!» и, добившись ее исполнения, выхватил на ходу револьвер, выстрелил в воздух, хотя по инструкции имел право открывать огонь по беглецу, ведь конвоиру-

емых всякий раз предупреждали: «Идти в строй! Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Стреляем без предупреждения».

Все решалось в какие-то мгновения. Увидев, что шедший с ним рядом солдат снял с шеи автомат и отвел затвор, чтобы палить в бегущего, Керим вырвал у него оружие и начал на бегу стрелять поверх головы беглеца, но заметив, что тот не реагирует на выстрелы, стал целиться под самые ноги, взметая впереди и позади беглеца снежную пыль. Нефесов больше всего боялся, что кто-то из конвоиров сгоряча подстрелит заключенного, поэтому он несколько раз крикнул: «Не стрелять!» Он был уверен в своих силах и знал, что рано или поздно догонит беглеца. Когда между ними осталось несколько метров, заключенный, запыхавшись, остановился и, глупо улыбаясь, вернулся в строй... Лицо его показало Кериму знакомым... Может, потому, что тот был похож на туркмена?..

Вечером, как только вернулись в часть, Керима вызвал оперуполномоченный особого отдела и холодно спросил:

— Ты имел право пристрелить доходягу. Так? — и, не дождавись ответа, продолжил с пристрастием: — Почему обезоружил своего солдата? Да так, что чуть не зашиб... Во-вторых, почему не открыл огонь по зеку? Стрелять разучился или контрика пожалел? Это же был настоящий побег. Своего земляка пожалел? Ведь он по 58-й срок отбывает, по одному делу с врагом народа Айтаковым проходил. С чего ты такой сердобольный, старший сержант? Тебе не в конвойных войсках служить, а в богадельне.

Из этой истории особый отдел раздул целое дело. Но на защиту Керима встал командир батальона, с которым они вместе воевали под Берлином. Того, в свою очередь, поддержал его давний наставник, командир полка, Герой Советского Союза полковник Забродин, тоже волею случая оказавшийся в войсках МВД. Боевой офицер, еще с фронта недолюбливавший «особистов», отстоял Нефесова, не дал его в обиду.

— Повезло тебе, старший сержант, — цедил оперуполномоченный, вызвавший Нефесова на беседу. — Не вступишь за тебя комполка, куковал бы ты у меня вместо демобилизации...

Его мстительный взгляд преследовал Керима и сейчас, когда он торопился на свидание с любимой девушкой, учившейся с ним в одном классе вечерней школы и тоже мечтавшей продолжить учебу в институте. До позднего вечера они гуляли в городском саду... Как все прекрасно, просто и мило вокруг — и близость дышавшая любимой, и прикосновение ее прохладной руки, которую он чувствовал в своей трепетной ладони, и темно-бархатное небо, усыпанное серебряными монетами звезд, и объятые сумраком ночи деревья, приобретающие на фоне редких и тусклых электрических фонарей какие-то причудливые фантастические очертания... А на душе — весна. Впереди — институт, жизнь, целая вечность. И,



кажется, будешь жить на белом свете бесконечно, столько, сколько светят эти звезды...

Даже прогуливаясь с девушкой, Керим не мог отвязаться от мысли о «молчаливой конторе» и о нравах ее обитателей... Теперь Курбан Пиян наверняка постарается помешать цели всей его жизни — отъезду на учебу.

Керим едва дождался экзаменов и, получив аттестат зрелости, уехал в Ашхабад, сдал документы в институт. Даже здесь, на вступительных экзаменах в вуз, ему казалось, что очередной экзаменатор тихо скажет: «Вас, молодой человек, приглашают туда-то...» Став студентом, на лекциях он меньше всего слушал преподавателя, чудилось, что откроется дверь, войдет кто-то из «молчаливой конторы», вызовет в коридор и спросит: «Вы — Керим Нефесов?» — «Да.» — «Вы арестованы! Вот ордер на арест...»

На исходе февраля 1953 года Керима отыскал один старшекурсник с юридического факультета, они не были знакомы, но знали друг друга в лицо. Тот отвел его в сторону и, оглядевшись по сторонам, фамильярно поприветствовал:

— Здорово, однополчанин!

Керим почему-то сразу вспомнил Курбана Пияна и, невольно задержав дыхание, спросил:

— Ты в 232-м служил? — Керим назвал номер своего козвойного полка.

— А как же? — уклончиво, вопросом на вопрос ответил «однополчанин». — Главное, у нас общий знакомый — Курбан Сақыло-

вич Сақылов. Привет от него, теперь он — подполковник, в Ашхабад перевели, с повышением. Ты позвони ему, — и он назвал номер его телефона, предупредив: — Ты не записывай, запомни.

Старшекурсник был какой-то бесцветный, с заострившимся, незапоминающимся лицом, с большими, будто вытянутыми ушами и быстрой юркой походкой.

Керим по этому телефону так и не позвонил — и вдруг встретил Аннагельды Сақылова, сына злого гения его судьбы... Нет, не испугался тогда Керим нового столкновения с Курбаном Пияном. И желания мстить не появилось у него, когда записка Аннагельды оказалась у Керима в руках. Прочь, прочь это прошлое — и Керим порвал эту записку, как бы стремясь порвать связь с прошлым. С Курбаном Пияном, с «молчаливой конторой».

А вскоре умер Сталин — эта смерть как будто отрезала все, что было до нее. И Курбан Сақылов вместе со своим сыном исчез в этом провале истории.

Так казалось Кериму. Многие годы.

И только недавно, когда профессора Нефесова включили в комиссию по восстановлению прав жертв политических репрессий в годы сталинского тоталитаризма, выплыла из прошлого фамилия Курбана Сақылова, то и дело встречающаяся на документах.

Но сын-то его, Аннагельды, оказывается, жив. Вот его подпись, недавняя, на официальном бланке из КГБ. И в его руках нити судьбы отца Виктора Рекунова...

— Я понимаю тебя, Вита, — тихо проговорил Керим, почувствовав вдруг, сколь многое связывает его с этим пожилым человеком, неожиданно пришедшим из прошлого. — Я сейчас в комиссии состою... Реабилитируем всех, кто попал под молох репрессий. Я даже и не представлял, как это страшно. Догадывался. Но таких масштабов, такой жестокости не мог и вообразить. Читаешь иные дела «политических» — волосы дыбом. Я помогу тебе. Мы восстановим честное имя твоего отца.

Рисунки А. Кривенко.

Подполковник А. УШАР

БАНЫКА

РАССКАЗ

ТИШИНА стояла особенная. Тишина покинутости. Вслушиваясь в нее, Вячеслав не мог ни пошевелиться, ни позвать на помощь: одна пуля раздробила ему челюсть, другая жалом впилась в позвоночник. Да что там жало — будто лом в спину вогнали. Вячеслав лежал посреди вязкой тьмы на остывающей полночной земле в двух шагах от неуклюжей, наспех сколоченной баньки, и истекал кровью, до дикости ясно сознавая: это конец, отвоевался. Каких-то полчаса назад — а может, уже больше, — он, комбат-один майор Сидельников, на выходе из палатки обронил Сергею Левченко, своему однокашнику по академии и братишке по Афгану, которого утром вертушка доставила в осадный Степанакерт:

— Махом раскопегарю. Подкатывайся через часок.

— Куда ж на ночь глядя, чумной?

— Нетути у нас тут ночей, — развел руками Вячеслав, — в какой час ухитришься подушку придавить, в такой, стало быть, и ночь настала.

— Давай хоть подсоблю, черт шалый, все быстрее будет.

— Баня, старина, как бой—суеты не терпит, не мне тебе объяснять.

— С чего ж ты ее смастрячил, баньку-то? Лесов поблизости не наблюдается.

— Твоя правда, сам бы дерева и на полк не набрал. Да есть тут парень один из местных, Миша — клад. Только встали лагерем — подкатил на мотороллере с тележкой, фляги с молоком бойцам привез. Представляешь? Здесь вода — и то с перебоями, а он — молоко. Если, говорит, надо чего — смело обращайтесь, подсоблю. К нему и пришел с поклоном: помоги с досками. Выручил. Ну, отдыхай покуда.

И вот у самой баньки страшный удар в лицо и следом, пока он несколько секунд был в полой отключке, второй в спину бросили его на эту холодную, негостеприимную землю, которая сейчас — капля за каплей — впитывала его кровь. Где, за каким валуном укрылся этот сука-снайпер? Неспроста — как чувствовал — с самого начала не нравилась ему хмурая, мрачная сопка, к подножью которой прилип военный городок. По ней рота боевиков жуками расползется — хрен выкуришь за неделю...

ВРЕМЯ, казалось, замедлило свой бег. Который раз уже Миша подносил к глазам часы с фосфоресцирующим циферблатом. Вот уже третий час сидел он в каменной нише, откуда и подходы к военному городку, и баня просматривались как на ладони. В оптический прицел с подсветкой, конечно. Сидел и прокручивал в памяти, словно магнитофонную ленту, утренний спор с Хачиком,

— Не слишком ли ты усердно зады им лжешь? — горячился Хачик.

— Я только выполняю задание, — сдержанно ответил Миша, наполнив высокий бокал молодым ореховым вином. — Пей на здоровье.

— А ты?

— У меня еще дела.

— Смотри, как бы тебя, такого делового, наши ребята на тропе к городку не подстерегли.

— Говорю тебе: я выполняю задание.

— Ничего себе заданьяца твой хозяева подбрасывают: кормишь оккупантов, поишь, глядишь, и форму их поганую напялишь. Мой сарай разобрал, доски им для бани, видите ли, понадобились. Вернешь когда?

— Подожди, дорогой, — мягко начал Миша, но Хачик оборвал его на полуслове:

— Сколько можно ждать?

— Сколько нужно, — вежливанию жестко ответил Миша и добавил: — Не станешь совать свой длинный нос в чужие дела, на месте сарая дворец построишь, — он завелся. — От вашего дурного геройства больше шуму ненужного, чем толку. Подумаешь, солдатика зеленого подражали на КПП. Офицеров надо выводить из строя, офицеров, настоящих, боевых. Каждый из них — десять таких шаек, как ваша, уделает. Вон, Сидельников — ас, на него весь батальон молится. И дружок к нему подкатил сегодня — ему под стать, улавливаешь? А ты меня сараем попрекаешь, дорогой, — опять улыбнулся Миша. — Пей вино, брат...

«Идут!» — послышались шаги. Миша заглянул в окуляр прицела: так и есть фигура командира. Но где же второй? Может, поотстал чуток? Нет, значит, не случилось что-то. Ну, да ладно, — положил он палец на спусковой крючок.

ОН НЕ УСЛЫШАЛ роковых выстрелов, стало быть, часовые тоже. Без шума свалили, а взял бы первый раз чуточку выше или второй — левее, снес бы черенок или пробил сердце, и тогда... А что тогда? Хуже, наверное, не было бы. Подумаешь, редкое везение — мозги работают, а в них, заглушая адскую, скрывающую по рукам и ногам боль в спине — челюсть не в счет, — только две одинокие мысли: Серега и письмо. Письмо в Серега... Если этот трусливый гад, который ни в жизнь не посмел бы выйти на него в открытую, по-прежнему таится в камнях, он снимет Сергея. Как пить дать. Пить... Пить хочется...

А письмо... Полтора месяца, мучимый тревогами и бессонницей, ждал он весточки из того большого мира — с «материка», где есть трясина троллейбусы, горячий душ и домашние тапочки. Никогда Светлашка не тянула так с ответом, уже не знал, что и думать. Успокаивался тем, что если бы случилось что-то, сообщила бы сразу. Незавидное утешение. И вот сегодня взвонный, вернувшийся из отпуска, привез на-

конец слегка измятый конверт. Нет, чтобы сразу прочесть, лижон чертов, — оставил на сладкое. Даже с Серегой не захотел разделить долгожданную радость, адресованную ему одному. Жестко решил: прежде угощение, банька и уж после, как уложит Серегу... А оно вов как обернулось. Точно: кому что на роду написано — за весь Афган ни одной, даже пустяковой царапины: ребята в бою старались поближе к Сидельникову держаться, веря, что его сам Бог хранит. А тут свои «духи» достали. И как круто. Он попытался пошевелиться — пустое: сумасшедшая боль во всем теле, а самого тела — девяносто килограммов тренированных мышц — будто и нет. Чужое. Попробовал застонать — петушиный клекот в горле, словно мыльные пузыри лопаются. Хоть бы прошел это случайно... Да где там, не на Тверской. Свои здесь не ходят в такую пору — сам же устроил баньку в дальнем закутке, чтобы неказистое, нарушающее самым фактом своего существования все мыслимые и немислимые меры безопасности строение не мозолило глаза высокому начальству. А чужие...

Как же предупредить Серегу? Поди, уже где-то на подходе. А что там в письме Светлашки? Не стряслось ли чего на самом деле? Мысли путались. Вячеслав чувствовал, что с каждой минутой соображает все хуже и хуже, словно постепенно затягивались железные обручи, туго стянувшие голову, — сказывалась потеря крови. И больше всего боялся не дожидаться Левченко. Он не сомневался, что сумеет дать ему знать. Как? Черт его знает, но сумеет. А если отключится или умрет (об этом подумалось спокойно и отрешенно, будто не о себе) — Серге хана. И этого он себе уже никогда не простит. Если, конечно, у него будет это зыбкое и хрупкое — никогда. Да нет же, нет, он не умирает — точно. Когда умирают — Сидельников за свою короткую жизнь наслушался предсмертного бреда тяжелораненых в Афгане — обычно прокручивают в башке словно кинолентку все, от начала до конца. Лешка Скворцов тогда про какие-то планы, про танцы бормотал, просил сапоги пошить со вставками, когда его в вертушку грузили. Эксперты позднее установили, что кончился он раньше, чем ракета достала вертолет. А Сидельникову вовсе не хотелось ни о чем вспоминать. Напротив, думалось, что может произойти, вот о Сереге, о письме. Не о прошлом думалось — о будущем, значит, поживем еще.

Что ж она не писала так долго? Или с Костином неладно? Им ведь одним в Ереване совсем не сладко. Ему проще — рядом классные ребята. Может, тревожить ничем не хотела? Стало быть, есть чем, есть... Что за манера все в себе держать? Знает же, лучше уж волнения, чем полная неизвестность. Мужики на днях кипятиться — рассказывали, что семья их в квартирах, как в блиндажах, укрылись — а носа не кажут, расправа опасаясь. Вот и Светлашка с Костином, видно, не хотели рисковать. Сложившись до лучших времен. Ну и правиль-

но она рассудила. Потому, наверно, и пик-сем не было, что из дому не выходили. Подожди, а как же с продуктами? Не моят же они себя голодом? Просто удивительно, до чего голова сносно соображает. Даже лучше, чем раньше, — мрачно пошутил он.

А может, теперь и встать удастся? Комбат попытался упереться в землю руками и подняться, но рук не ощутил. Земля держала его, распластанного, недвижимого, только до тех пор, пока он не выказывал свою волю и непокорность — не пробовал шевелиться. Тогда и она исчезала, оставляя его один на один с всепоглощающей болью. И в этом неравном поединке он явно уступал. Боль была сильнее его, давнего лидера части по гиревому спорту, прозванного за похоть фигуру Квадратом. Но если и была в мире большая боль, Вячеслав, не раздумывая, согласился бы испытать ее, лишь бы сумел подать знак Сергею. Он понятливый. Когда в Афгане их группы, его и Серегина, напоролись на засаду, возвращаясь с задания, они и парой слов не перекинулись, чтобы принять решение. Решение, спасшее им жизни. Все — глазами да скупыми жестами.

Командир полка долго потом выпытывал, как удалось им, не сговариваясь, с двух направлений так ладно уделить душманов:

— Почему же не сговариваясь? — удивленно пожал плечами Левченко. — Сидельников не на краю земли — в десяти шагах от меня был.

— Перешептывались, что ли? Или по рации?

— Как можно, товарищ полковник, духи под носом, вдвое ближе Славки — не пикнешь.

— Но вы «отработали» так, будто до этого военный совет в Филях провели?!

— Ну я же говорю — Сидельников в десяти шагах притаился. Не слепые оба...

А как немой, но красноречивый язык боя перевести на русский мирный? Послал их тогда командир в сердцах куда подальше, чтоб мозги не пудрили, и на них тоже послал — представление на «Отвагу». А они и не пудрили...

Сколько же еще осталось — даже на часы не взглянуть. На руках ходики, а где они, руки-то? Будто и нет их вовсе. Чьи-то шаги? Показалось... Или уже брежу?

А вдруг дома беда приключилась? Костик, когда эта заваруха началась, наотрез отказался оставить секцию бокса. Хотя, правду сказать, тогда и не думали, что это всерьез и надолго. И в кого он такой настырный? Хотел же отправить их из Еревана к своим, под Вологду — Светлашка уперлась и ни в какую: здесь, мол, поближе к тебе. Еще неизвестно, откуда ближе. Наверно, в нее Костик. Мне бы настоять, хрястнуть кулаком по столу, да перед людьми совестию: скажут, комбат мосты сжигает, панику разводит. Всем трудно, но не всем есть куда ехать. Постой, что это меня на воспоминания потянуло — кончаюсь, что ли?

Что ж тогда думается нормально? Ведь не царапнуло же — прибило, понимать надо. А понять не могу и простить себе тоже. Глупо, чертовски глупо: не в шибке, как Витьку Шепетовского, а в самое затишье накрыло. Под банькой. Засмеют же потом, проходу не дадут: попарился, скажут, сокол, только крылья подпалил.

Вячеславу вдруг показалось, что в бане кто-то есть. Неужели Серега проскочил — не заметил. Что ж он, чертяга, глаза в палатке оставил? Точно — шаги. А вот и дверь скрипнула. Шепетовский! Дичь какая-то, быть того не может, он ведь в госпитале вторую неделю. Такую дырку быстро не заштопаешь, повозиться придется. Как же он тут? Венки в руке... Им и машет, подзывая. Витек... А за спиной у него кто маячит? Чижики? Петро! Да я же сам тебя под Салаигом в «черный тюльпан» грузил — места живого не было, так перепахало. Как же ты, Петро? И Лешка Скворцов руку протягивает. Зовут, а я встать не могу, как на грех. Или уже могу? Могу...

МАЙОР Левченко попусту времени не терял. Сдвинул тумбочки и аккуратно разложил съестное, загодя припасенное на этот случай. Расстарался — тонко порезал ломтиками розовое домашнее сало — деликатес в здешних краях невиданный, — Славка по достоинству оценит его предусмотрительность. И к салу кое-что нашлось, куда как менее тут дефицитное. По чуть-чуть, правда, но после баньки — святое дело. Чтобы всякой хвори в организм пути перекрыть. Какой-то прапорщик, невысокий, кражистый, в берете набекрень — старшина, наверно, — сверток с лучком и прочей зеленью принес. Покалякали малость о комбате: хвалил больно Славку словоохотливый прапорщик, помогая картошку от мундира высвобождать. Не как начальника, как мужика мирового, который из огня да в полымя первым норвит проскочить, других оттеснив. Узнаваемо было.

— Вы что, огородик свой разбить успели — зелени столько, или у местных покупаете? — спросил Сергей.

— Да нет, есть тут у нас нештатный завхоз из села — Миша.

— Миша? Не он ли и с банькой помог?

— Он самый. Узнал, что комбат гостя ждет, — и фруктов, и зелени притащил — за чедло не съест. Правда, майор все на кухню отнес, а я уж оттуда чуток вам к столу, побаловаться.

Старшина и дорогу указал, вызвавшись до места проводить, а у самой баньки деликатно растворился в темноте, пожелав доброй ночи. Точно бы залупал Левченко, если бы не прапорщик — черно вокруг, хоть глаз выколи. И едва не залупился о тело, лежавшее поперек входа в баню.

Сидельников был без сознания и пришел в себя уже в машине, на полпути к гос-

питалю. Сергей все время неотлучно находился подле и потому сразу заметил, что Вячеслав медленно, с мучительным усилием открыл глаза. Он лежал на животе, иногда постанывая, повернув голову набок. Глаза, усталые и словно тоже обескровленные, как-то особенно выделялись на перетянтом бинтами лице.

— Порядок, Славка, легко отделался, везет же тебе, — нарочито бодро произнес Сергей. Пожалуй, чересчур бодро, ибо сам почувствовал ногки фальши в своем голосе. — Не шевелись, главное. Что надо — наемки только, я пойму, ты же знаешь.

Не шевелись... Мог бы он пошевелиться! Значит, пронесло, коли Серега² рядом. Будто гора с плеч. Можно расслабиться — куда ж еще более? — худшее позади. Хотя нет, что-то еще осталось... Что? Ах да, письмо! Оно в кармашке было, я помню...

Не сразу понял Сергей, чего хочет Сидельников. Свет от дежурной лампы в кузове машины едва касался краешком спеленутого марлевыми повязками лица майора. В горле раненого что-то отчаянно булькало, а он показывал глазами куда-то под себя, на грудь.

— Неудобно тебе? Потерпи, брат, потерпи чуток, скоро домчимся, водила — ас.

Не то, совсем не то.

— Документы, что ли? Так здесь они, Славик, я приберегу до выздоровления, ты не волнуйся. Нельзя тебе, сам понимаешь. Сидельников не унимался.

— Достать? Это мы мигом.

Стараясь не причинить раненому боли, Левченко осторожно просунул руку под него и нашупал в кармане кипу бумаг. Вместе с удостоверением и партибилетом он выудил измятый, нераспечатанный конверт. Пробежал по нему глазами и все понял.

— Мать честная, это ж то письмо, что лейтенант тебе вечером занес. Так и не прочитал? Стыдно, Квадрат, нехорошо.

Сидельников смотрел на друга с шемящей душу мольбой.

— Сейчас, Славик, сейчас, старина. Поправим мы это дело в два счета, — он аккуратно, слегка дрожащими руками оторвал тоненькую полоску от конверта. — Хоть и неудобно, говорят, чужие письма читать, но, надеюсь, Светлана простят, раз уж такая неуязвочка получилась. А может, сам потом, а, Квадрат? — спросил было он, уже вглядываясь в первые строки письма, и осекся.

«Не хотела сначала расстраивать тебя, и так, поди, света белого не видишь, но после подумала — утаивать бессмысленно. Ты же сам говоришь все время — лучше горькая, но правда. Да и сын просил...» — прочитал он про себя первую вслед за традиционным приветствием фразу. На секунду оторвавшись, взглянул на Вячеслава. Тот терпеливо ждал. Чего стояло ему это терпение?!

— Темно, старина, — оправдываясь, произнес Сергей. — Трясет еще. Эй! — стукнул он кулаком по перегородке, отделяющей

их от водителя. — Не картошку везешь! — И молча углубился в чтение:

«...Костик в больнице вторую неделю — его жестоко избили во дворе. Наверно, за то, что ты... — дальше было зачеркнуто, — что мы... — снова зачеркнуто, — не уехали. Я у его постели сиделкой. Не знала, стоит ли тебе сообщать, но вот решилась. В понедельник операция. Не мог бы ты, Славушка, подъехать хоть на денек — мальчик очень хотел видеть тебя. Не боюсь, говорит, нисколько, просто папу повидать хочу...»

Сергей прервался, услышав странный горловой звук, который издал Сидельников, увидел его настороженные, даже чуть-чуть ожившие глаза и решил, что медлить более не имеет права.

— Ну, так слушай, брат. Тут поначалу разные телячьи нежности — я их вслух даже по-писаному произносить не могу. Начну с дела. Читаю, значит, слушай: «живем мы по-прежнему, о нас не беспокоить. Скучаем, конечно. Есть одна новость. Поскольку школа все равно временно не работает, а ты раньше чем через полмесяца не появившись, надумали съездить к твоим родителям на пару недель, развеяться. Я уже отпуск оформила за свой счет. Ты не против, Славушка?»

Сергей исподволь бросил взгляд на Вячеслава — тот лежал, смежив веки, и, казалось, внимательно слушал.

— Ну, дальше тут о погоде-природе. Ага, вот еще: «А то, что молчала долго, не сердись. Девчонки отсоветовали почтой письмо отсылать, мол, потеряется, обстановка такая. Ждала okazji. Чтобы вернее. Ведь я же знаю, как ты...» Доктор! Доктор, черт тебя подернул! Уснул, что ли?!

...Комбат-один умер поутру, на операционном столе. С этой черной вестью майор Левченко и вернулся в городок.

Командир полка, выслушав его, долго курил молча. А после, выскочив из палатки, крикнул Логвинова, командира хозяйственного взвода:

— ...И чтобы через четверть часа и духу не осталось от этого сволочного сарая, такого парня из-за него...

— Оставьте бабку, прошу вас, — Левченко вышел следом. — Очень прошу. Не из-за нее Квадрата, сами знаете. Славка своими руками ее...

— А из-за чего? Из-за чего? — зло переспросил подполковник. Себя же и переспросил.

Через двое суток полк получил приказ на марш. Вслед колонне злорадно шерились колючие скалы. И опустело почти обжитое место под сопкой, будто и не было здесь никогда палаточного городка. Остались только изрытая кое-где земля, выжженная трава да нелепая постройка из нетесаных досок — особнячком, в сторонке. Недолго ей суждено простоять было, дерево тут в цене. Не потому ли, едва затих вдалеке шум двигателей, в баньке подкачив мотороллер с прицепом.

- КНИГА В ЖУРНАЛЕ - КНИГА В ЖУРНАЛЕ - КНИГА -



АГАТА КРИСТИ

Свидетельство
со смертью

РОМАН

Глава XIII

Сдержанный влюбленный

Нэдин Бойнтон остановилась на пороге гостиницы, не зная, куда направиться. Мистер Джефферсон Коуп, ожидавший ее у входа, немедленно подошел и предложил владычице своих дум:

— Давайте пойдём в эту сторону? Мне кажется, дорога здесь гораздо приятнее.

Они пошли рядом, и мистер Коуп заговорил. Слова легко сыпались с языка, голос звучал усыпляюще однообразно. Быть может, молодой человек понимал, что Нэдин его не слушает.

Когда они свернули на тропинку и подошли к склону холма, Нэдин прервала Коупа.

— Послушайте, Джефферсон, мне надо серьезно с вами поговорить.

— Я вас слушаю, моя дорогая. Но прошу вас, не надо так переживать из-за меня.

— А вы гораздо пронзительнее, чем я думала, — заметила она. — Вы угадали, что я хочу вам сказать, не так ли?

— Это правда. Обстоятельства изменились, и я понимаю, что вы передумали. Прошу вас, идите своим путем и не думайте о моей персоне.

— Вы добрый человек, Джефферсон, — смущенно проговорила она. — Я обошлась с вами жестоко и оказалась недостойной вас.

— Давайте будем справедливы, Нэдин. Я всегда знал, на что могу рассчитывать. С первой встречи я испытываю к вам нежность и уважение. И хочу только вашего счастья. Мысль о том, что вы несчастны, доводила меня почти до безумия, и я даже не раз осуждал Леннокса. Мне казалось, раз он так мало заботится о вашем благополучии, значит, недостойн того, чтобы вы оставались подле него.

Мистер Коуп перевел дух и продолжал:

— Теперь, после этого путешествия в Петру, я признаю, что Леннокс не так виновен, как я воображал. Его ошибки по отношению к вам проистекали главным образом из слишком полного подчинения воле матери. Нисколько не желая злословить о мертвых, я вынужден все же сказать, что ваша свекровь была женщиной с крайне тяжелым характером.

— Мягко сказано! — воскликнула Нэдин.

— Как бы то ни было, вчера вы сообщили мне о своем намерении покинуть Леннокса. Я поддержал ваше решение. Вы вели жалкое существование. Вы всегда были честны со мной и не выказывали ничего, кроме дружеского участия. Я этим довольствовался. Моим единственным желанием было поддержать вас и обращаться

с вами так, как вы этого заслуживаете. Добавлю, что та прогулка доставила мне лучшие минуты в жизни.

— Простите меня! — прошептала Нэдин.

— Что мне прощать вам? Мне казалось, я вижу сон. И каждую секунду я ждал, что вы передумаете. Теперь положение изменилось, и вы с Ленноксом прекрасно можете жить счастливо.

— Это правда. Я не смогу оставить Леннокса. Простите меня, пожалуйста, — очень спокойно и твердо сказала Нэдин.

— Прошу вас, Нэдин, давайте навсегда останемся добрыми друзьями, как прежде. Забудем...

Молодая женщина мягко пожала ему руку:

— Благодарю вас, дорогой Джефферсон. Мне надо идти к мужу.

И она ушла, оставив мистера Коупа наедине с его раздумьями.

Нэдин нашла Леннокса на вершине греко-римского театра. Он так погрузился в печальные мысли, что не слышал, как она, запыхавшись от быстрой ходьбы, села рядом.

— Леннокс!

— Нэдин!

Бойнтон повернулся к жене.

— До сих пор, — сказала она, — у нас, по сути дела, не было времени объясниться. Но ведь ты догадался, что я большею тебя не ухожу?

— Неужели ты и вправду собиралась меня бросить, Нэдин?

— Да. Пойми меня! Это был единственный выход. Я надеюсь... что ты пойдешь за мной. Бедный Джефферсон, как жестоко я с ним поступила!

Леннокс саркастически улыбнулся.

— Нет, ты не была жестока. Такой рыцарственный поклонник, как Коуп, заслуживает того, чтобы кто-то оценил его благородные чувства. Когда ты сказала, что уезжаешь с ним, я страшно удивился. Хотя в последнее время я стал утрачивать чувство реальности. А сейчас даже не понимаю, почему не оставил мать и не удрал с тобой, когда ты меня об этом просила.

— Ты не мог этого сделать, мой дорогой.

— У матери был невыносимый характер, — задумчиво проговорил Леннокс. — Мне кажется, она нас всех гипнотизировала.

— Ты прав.

Немного помолчав, Леннокс продолжал:

— Когда ты мне сказала о своем решении, я чуть не сошел с ума. Я возвращался, совершенно убитый новостью, и вдруг понял, какой я дурак. Мне стало ясно, что, если не хочу тебя потерять, должен немедленно сделать выбор.

Нэдин сжалась — сейчас голос мужа показался ей зловещим.

— И я пошел...

— Прошу тебя...

Леннокс кинул на жену пронзительный взгляд.

— Я пошел побеседовать с ней, — самым светским тоном продолжал он. — И ска-

зал, что должен выбрать между вами... и что я предпочитаю уйти с тобой.

И он гордо добавил:

— Да, я ей так и сказал!

Глава XIV

Шприц

По дороге в гостиницу Пуаро ждали две встречи.

Во-первых, с мистером Джефферсоном Коупом.

— Вы — господин Эркюль Пуаро, не так ли? Позвольте представиться: Джефферсон Коуп.

Мужчины обменялись церемонным рукопожатием. Мистер Коуп пошел рядом, стараясь шагать в ногу с маленьким детективом.

— Я только что узнал, что вы расследуете причины смерти моей старой знакомой, миссис Бойнтон, — объяснил он. — Какой печальный конец! Заметьте, однако, что старой даме не следовало предпринимать столь утомительное путешествие. Но она была упряма, месье Пуаро. Дети не могли ее отговорить. Миссис Бойнтон была одним из тех домашних тиранов, которые всегда поступают только так, как им вздумается. Всем приходилось склоняться перед ее волей. Такова истина, сэр.

Коуп немного помолчал.

— Я просто хотел вам сказать, месье Пуаро, что я старый друг Бойнтонов. Всех их, естественно, потрясла кончина матери. Поэтому, если потребуется выполнить какие-то формальности насчет похорон и перевозки тела в Иерусалим или что-нибудь еще, мне бы хотелось избавить семью от лишних огорчений. Так что в случае нужды обращайтесь, пожалуйста, ко мне.

— Я уверен, что друзья по достоинству оценят вашу заботу, — сказал Пуаро. — Насколько я понял, вы большой друг молодой миссис Бойнтон?

Мистер Джефферсон Коуп покраснел.

— Прошу вас, месье Пуаро, поговорим о чем-нибудь другом. Я знаю, что сегодня утром вы беседовали с миссис Леннокс Бойнтон, и она, возможно, упоминала о том, что нас связывает глубокая дружба, но все это принадлежит прошлому. Миссис Бойнтон — замечательная женщина и понимает, что долг велит ей оставаться подле мужа, тем более, что тот глубоко потрясен смертью матери.

Коуп замолчал, а Пуаро, услышав последнее замечание, недоверчиво покачал головой.

— Полковник Кэрбери хочет знать все, что произошло в день смерти миссис Бойнтон. Можете ли вы сообщить мне какие-нибудь сведения?

— Весьма охотно. После завтрака мы немало отдохнули и пошли на прогулку. Нам удалось избавиться от этого противного проводника. Этот человек просто теряет рассудок, едва речь заходит о евреях. Как я вам говорил, мы удалились от лагеря, и у нас с Нэдин произошел серьезный разговор. Потом она пожелала остаться наедине с мужем и побеседовать с ним. Я пошел в сторону лагеря. На полпути я встретил двух английских дам, с которыми утром ходил на экскурсию. Одна из них заседала в палате лордов, если я правильно понял?

Пуаро кивнул, и американец продолжал:

— Это необычайно умная и прекрасно информированная дама. Вторая ей и в подметки не годится. Похоже было, что она падает с ног от усталости. Я сообщил этим дамам кое-какие сведения о набатях. Мы немного прогулялись и вернулись в лагерь часам к шести. Леди Уэстхольм настаивала на традиционном чаепитии, и я имел честь выпить чашечку в ее обществе. Чай оказался очень слабый, но хорошего качества. Потом слуги начали накрывать стол к обеду и послали кого-то из своих позвать миссис Бойнтон. Этот человек нашел ее в кресле мертвой.

— Скажите, возвращаясь в лагерь, вы не смотрели в сторону миссис Бойнтон?

— Я только мимоходом заметил ее возле пещеры. Она всегда сидела там после завтрака и до обеда, так что это особенно не привлекло моего внимания. В тот момент я объяснял леди Уэстхольм причины недавнего падения цен в Америке. И кроме того, надо было наблюдать за мисс Пирс, которая то и дело оступалась, рискуя вывихнуть ногу.

— Спасибо, мистер Коуп. Простите мне нескромный вопрос! Но, скажите, миссис Бойнтон оставила большое наследство?

— Да, очень значительное. Но вообще-то эти деньги ей не принадлежали, она получала только проценты и была распорядительницей. А после ее смерти состояние переходило к детям покойного Элмера Бойнтон. Все станут очень богатыми людьми.

— Сколько несчастий натворили деньги! Из-за них совершается так много преступлений!

Это замечание несколько удивило мистера Коупа.

— Может быть, вы и правы, — неуверенно проговорил он.

Пуаро улыбнулся.

— Но существует и множество других мотивов убийства, не правда ли? Еще раз благодарю вас за любезность, мистер Коуп!

— Не за что, месье Пуаро. Кажется, я вижу мисс Кинг. Пойду скажу ей пару слов.

Пуаро продолжал спускаться с холма и по дороге столкнулся с мисс Пирс.

— Месье Пуаро! — приветствовала она детектива. — Как я счастлива видеть вас здесь! Я только что разговаривала с этой странной девушкой... с маленькой Бойнтон.

Вы ее знаете? Она рассказывает совершенно невероятные вещи. Говорила о каком-то шейхе, который хочет ее похитить, и о том, что ее окружают шпионы. Какой романтический склад ума! Леди Уэстхольм называет это глупостью и говорит, что одна из ее прежних кухарок врала точно так же. Леди Уэстхольм иногда бывает слишком сурова. В конце концов, может же быть во всем этом доля истины? Как вы думаете, месье Пуаро? Нескольких лет назад я где-то читала, что одну из дочерей царя не убили во время революции и что она тайно уехала в Америку. Кажется, речь шла о великой княгине Татьяне. Может быть, это дитя — ее дочь? Девочка уверяет, что в ее жилах течет королевская кровь, и это похоже на правду. Ее скулы выдают славянское происхождение. Какая увлекательная драма!

Мисс Пирс казалась сильно взволнованной.

— Странные вещи происходят в нашем мире! — внушительно проговорил Пуаро.

— Сегодня утром я не совсем поняла, кто вы, — сказала старая дева, молитвенно сложив руки. — Ну, разумеется, теперь я все знаю: вы знаменитый детектив! Я читала обо всех подробностях преступления «А. Б. С.». В то время я работала гувернанткой недалеко от Донкастера.

Пуаро пробормотал что-то неопределенное, и мисс Пирс, все более вдохновляясь, продолжала:

— Наверное, утром я была не права. Надо ведь рассказывать обо всем, правда? Даже о мелочах, которые на первый взгляд никак не связаны с делом. Раз вам поручили расследование, значит, бедняжка миссис Бойнтон стала жертвой убийцы. Теперь я это поняла. Может быть, этот господин Махмуд, или как его там, никогда не могу точно вспомнить его имя, короче говоря, проводник, — агент иностранной разведки? Или мисс Кинг? Я не доверяю воспитанным девушкам из хороших семей. Они так часто принадлежат ко всяким ужасным революционным организациям! Вот почему я подумала, что должна все вам рассказать.

— Теперь пора оставить все колебания, — приказным тоном заявил Пуаро.

— О, возможно, это пустяк. На следующее утро после смерти миссис Бойнтон, встав рано утром, я любовалась восходом солнца. Было еще очень рано, я не выходила из палатки, а просто смотрела в щель полога...

— И что же вы видели?

— Довольно странную вещь, но в тот момент она меня не слишком поразила. Юная Бойнтон вышла из палатки и бросила в ручей какой-то предмет, блеснувший на солнце.

— Которая из девушек?

— Кэрол, если не ошибаюсь. Очаровательная девушка, очень похожая на брата... Наверное, близнецы... Но я ничего не могу утверждать, не исключено, что это была и самая младшая... Солнце светило мне

в глаза, и я не очень ясно различала черты. Не думаю, однако, что у нее были рыжие волосы! Скорее бронзового оттенка. Мне очень нравятся медные волосы! А ярко-рыжие слишком напоминают цветом морковь.

— И вы говорите, она бросила в ручей блестящий предмет?

— Да, и, повторяю, в то время я не придавала этому никакого значения. Чуть позже, гуляя по берегу, я заметила мисс Кинг. Среди множества разнообразных предметов мне бросилась в глаза маленькая прямоугольная коробочка из блестящего металла... Я подумала, что, должно быть, это тот самый предмет, который бросила в воду крошка Бойнтон, и из любопытства подняла его. В коробочке оказался шприц, похожий на тот, каким мне делали прививку. Шприц не был разбит, и меня удивило, что его просто так выкинули. Тут со мной заговорила мисс Кинг. Я не слышала, как она подошла. «О, благодарю вас, — сказала она, — это мой шприц. А я его искала!» Я отдала шприц мисс Кинг, и она вернулась в лагерь.

Мисс Пирс немного помолчала.

— Надеюсь, что тут нет ничего особенного, — снова заговорила она, — но мне показалось странным, что Кэрол выбросила шприц мисс Кинг. Впрочем, вероятно, это можно как-то объяснить.

Старая дева вопросительно посмотрела на Пуаро.

— Благодарю вас, мадемуазель, — торжественно проговорил детектив. — То, что вы мне рассказали, быть может, и не слишком важно само по себе. Однако знаете, что ваше свидетельство помогло мне завершить расследование. Теперь мне все ясно!

Мисс Пирс покраснела от удовольствия, как ребенок. Пуаро проводил ее до отеля.

Вернувшись в свою комнату, маленький бельгийский детектив добавил к своему списку пункт № 10: «Знайте, что я никогда ничего не забываю! Ни поступка, ни имени, ни липа!»...

Ну да, все стало ясно!

Глава XV

Два шприца

— Все готово, — заметил Эркюль Пуаро.

С легким вздохом он отступил на шаг и полюбовался мизансценой, устроенной по его приказу в одной из пустующих комнат отеля.

Полковник Кэрбери, небрежно прислонившись к отодвинутой к самой стене кровати, пускал густые клубы дыма и снисходительно улыбался.

— Занятный вы человек, Пуаро! Вы нарочно все драматизируете!

— Возможно, — согласился тот, — но с моей стороны это не просто фантазия. Для комедии всегда надо подготовить соответствующую сцену.

— Значит, это комедия?

— А если бы даже речь шла о драме? Неужели нужно пренебрегать декорацией?

Полковник Кэрбери с любопытством поглядел на него.

— Как хотите, — наконец проговорил он.

— Не знаю, чего вы добиваетесь, но, должно быть, у вас есть какие-то свои соображения.

— Я буду иметь честь сообщить вам то, чего вы от меня ожидаете: правду.

— Значит, сможете представить доказательства?

— Ничего подобного я никогда не обещал.

— Признаю. И, быть может, это к лучшему.

— Мои доказательства — в основном психологического характера, — сказал Пуаро.

— Так я и думал! И даже опасался, — вздохнул старый вояка.

— Тем вы менее они достаточно убедительны, поверьте мне. Правда, по-моему, всегда прекрасна и увлекательна.

— Ну, порой она бывает довольно неприятной, — признался полковник.

— Нет. Вы говорите субъективно. Но, если смотреть с абстрактной точки зрения, абсолютная логика фактов неизбежно притягивает и завораживает.

— Что ж, попробую взглянуть на вещи по-вашему, — сдался Кэрбери.

Пуаро взглянул на огромные, как тыква, часы.

— Семейная реликвия? — осведомился полковник.

— Да, эти часы носил еще мой дедушка.

— Так я и думал.

— Пора начинать представление. Вы, полковник, садитесь за этот стол и напустите на себя самый официальный вид.

— Ладно, — проворчал Кэрбери, — но, надеюсь, вы не станете требовать, чтобы я напялил форму?

— Нет, позвольте только поправить вам галстук.

Пуаро вернул узелок на место. Полковник хмыкнул, сел в кресло и секунду спустя бессознательным движением снова сдвинул его к левому уху.

— Здесь, — продолжал Пуаро, выравнивая стулья, — мы усадим семейство Бойнтон. А там — троих посторонних, в той или иной мере замешанных в деле: доктора Жерара, свидетеля обвинения, мисс Сару Кинг, заинтересованную в разрешении этой истории по личным соображениям и как врача, освидетельствовавшего тело, и наконец, мистера Джефферсона Коупа, близкого друга семьи Бойнтон, которого можно тоже рассматривать как заинтересованное лицо.

Пуаро умолк.

Вот они!

Детектив открыл дверь и впустил всех в комнату.

Первыми вошли Леннокс Бойнтон и его жена, за ними — Раймонд и Кэррол Джиневра, таинственно улыбаясь, шла одна, Доктор Жерар и Сара Кинг замыкали шествие.

Через несколько минут, бормоча извинения, явился мистер Джефферсон Коуп.

Когда все уселись, Пуаро вышел вперед.

— Дамы и господа, — начал он, — это собрание носит неофициальный характер. Поскольку я находился в Аммане, полковник Кэрбери сделал мне честь, попросив консультации по некоторым вопросам.

Неожиданно Пуаро перебил сердитый голос Лениокс Бойнтон с самым агрессивным видом закричал:

— Какого черта он поручил вам это расследование?

Пуаро скромно поклонился.

— В случае внезапной смерти меня очень часто просят прояснить ситуацию.

— Так что же, врачи посылают за вами каждый раз, когда больного хватит апоплексический удар? — продолжал горячиться Леннокс.

— Апоплексический удар! Что за расплывчатое и ненаучное определение!

Полковник Кэрбери прочистил горло и официальным тоном заявил:

— Уточним положение. Я действительно получил рапорт и о вполне естественной смерти. Но ко мне пришел доктор Жерар и сделал заявление...

Кэрбери бросил на детектива вопросительный взгляд, тот кивнул, и полковник продолжал:

— Доктор Жерар — ученый с мировым именем. Поэтому я не мог отнестись к его показаниям легкомысленно. И вот что он мне сообщил: на следующее утро после смерти миссис Бойнтон он обнаружил исчезновение значительного количества сильного яда. А накануне вечером не нашел на месте шприца, а утром шприц снова оказался в палатке. И, наконец, на запястье покойной видно пятно, похожее на след укола.

Полковник выдержал паузу.

— В таких обстоятельствах я счел своим долгом провести расследование. Мой гость, месье Пуаро, предложил свои драгоценные услуги. Я разрешил ему поступать по своему усмотрению. И мы собрались здесь сейчас выслушать его заключение.

Наступила такая глубокая тишина, что слышно было, как пролетает муха. И в самом деле, когда в соседней комнате со стуком упало на пол что-то тяжелое — скорее всего башмак, — этот звук показался взрывом бомбы.

Пуаро быстро окинул взглядом троих людей, сидевших справа, потом повернулся налево, к пятерке Бойнтонов. Все смотрели на него с испугом.

— Когда полковник Кэрбери объяснял мне суть дела, — спокойным голосом начал Пуаро, — я высказал ему свое мнение специалиста и объяснил, что мне, очень мо-

жет быть, не удастся обнаружить улики, необходимые суду присяжных. Однако я надеялся выяснить правду, просто расспрашивая всех заинтересованных лиц. Позвольте вам сказать, друзья мои, что в расследовании преступления самое главное — заставить говорить виновного... или виновных. В конце концов они всегда расскажут то, что вы хотите узнать.

Он немного помолчал.

— Вот и на сей раз, хотя все мне казалось, против собственной воли выдали правду.

Пуаро услышал тихий вздох и слабый скрип стула справа, но не обернулся, а продолжал наблюдать за Бойнтонами.

— Сначала я рассмотрел предположение о естественной смерти миссис Бойнтон, но его тут же пришлось отбросить. Исчезнувший яд, временная пропаша шприца, а главное, поведение семьи — все убеждало в том, что такое предположение неверно. Миссис Бойнтон не только была хладнокровно убита, но и все члены семьи это прекрасно знали. Все вела себя как виновные.

Однако существуют разные степени виновности. И я стал рассматривать свидетельские показания с этой точки зрения. Мне нужно было выяснить, не совершили ли это убийство — да, да, факт убийства бесспорен — итак, не совершили ли это убийство все члены семьи Бойнтонов, заранее выработав план.

У каждого из Бойнтонов были веские мотивы преступления. Все выигрывали от смерти миссис Бойнтон, получая и материальную независимость, и, к тому же, значительное состояние.

Я не замедляя убедиться в неправдоподобности предположения о заговоре между всеми членами семьи. Показания не совпадали, и ни один не придумал себе алиби. Факты скорее указывали на следующее: один или двое из Бойнтонов совершили убийство, а остальные стали сообщниками потом.

Тогда я стал думать, кто из них наиболее вероятный виновник. Тут, вынужден признать, у меня были некоторые предубеждения из-за одного факта, известного только мне.

Пуаро снова рассказал о разговоре, слышанном им вечером в Иерусалиме.

— Разумеется, все указывало на мистера Рэймонда Бойнтон, как самого подозрительного. Наблюдая за членами семьи, я быстро убедился, что признание выслушала его сестра, Керол. Она очень похожа как физически, так и нравственно, очень дружат, и оба принадлежат к нервному типу людей, всегда готовых к бунту. Тот факт, что их побуждения были бескорыстны — молодые люди хотели освободить всю семью и, самое главное, спасти младшую сестренку, только укрепляло мою версию.

Пуаро надолго замолчал. Рэймонд Бойнтон шевельнул губами, но не издал ни звука. Его полные глубокой грусти глаза не-

отрывно смотрели на бельгийского детектива.

— Прежде чем продолжать обвинительные заключения в адрес Рэймонда Бойнтон, мне бы хотелось прочитать вам список знаменательных фактов, который я составил сегодня днем и передал полковнику Кэрбери:

1. Миссис Бойнтон принимает лекарство, в котором содержится дигиталин.

2. Доктор Жерар обнаруживает исчезновение шприца.

3. Миссис Бойнтон мешает детям общаться с другими людьми.

4. В тот день миссис Бойнтон поощряет их желание погулять и разрешает оставить ее одну.

5. У миссис Бойнтон есть садистские наклонности.

6. Расстояние между большой палаткой и местом, где сидит миссис Бойнтон, приблизительно двести метров.

7. Мистер Леннокс Бойнтон сначала делает вид, будто не может припомнить, когда вернулся в лагерь, а чуть позже признается, что заводил остановившиеся часы матери.

8. Доктор Жерар и мисс Джиневра Бойнтон занимают соседние палатки.

9. В половине седьмого, когда обед был готов, слугу отправляют позвать миссис Бойнтон.

10. В Иерусалиме миссис Бойнтон произносит следующие слова: «Запомните, я никогда ничего не забываю! Ни поступка, ни имени, ни лица!»

Хотя я и разбил эти факты по пунктам, кое-что можно было бы соединить. Например, первые два: миссис Бойнтон принимает лекарство, в котором содержится дигиталин, и доктор Жерар обнаруживает исчезновение шприца. Эти два факта поражают меня в первую очередь, поскольку противоречат друг другу. Вы не улавливаете, что я имею в виду? Неважно! Я еще к этому вернусь. Пока запомним, что мне требовалось объяснить эти факты.

Но сначала давайте закончим с вопросом о возможной виновности Рэймонда Бойнтон. Факты таковы. Я слышал, как он обсуждал проект убийства старой дамы. Он находился в состоянии повышенной нервозности, только что пережил сильный эмоциональный взрыв, иными словами — влюбился. Такая эмоциональная нагрузка могла побудить его к самым неожиданным действиям. С одной стороны, Рэймонд мог смягчиться и со снисходительным умилением воспринимать все окружающее, в том числе и мать. Но, с другой — мог наконец обрести мужество, чтобы сопротивляться и сбросить иго. Наконец, это могло оказаться стимулятором и подтолкнуть от теории преступления к практике. Таков психологический аспект. Перейдем теперь к фактам.

Рэймонд Бойнтон вышел из лагеря вместе с остальными приблизительно в чет-

верть четвертого. Миссис Бойнтон была еще жива. Мисс Кинг и Рэймонд Бойнтон немного побыли наедине. Потом он ушел. И, по его словам, вернулся в лагерь без десяти шесть, поднялся к матери, обменялся с ней несколькими словами, зашел к себе в палатку и присоединился к остальным. По заявлению Рэймонда, без десяти шесть миссис Бойнтон была жива.

Но тут мы сталкиваемся с фактом, который противоречит этому заявлению. Слуга обнаружил тело миссис Бойнтон в половине седьмого. Мисс Кинг, дипломированный врач, обследовав тело, заявила, что смерть наступила не меньше часа назад, а то и раньше. Однако она признала, что сначала не придала этому обстоятельству особого значения.

Итак, перед нами два взаимоисключающих показания. Если отвергнуть возможность ошибки со стороны мисс Кинг...

— Я не ошиблась! — прервала его Сара. — Точнее, если бы я ошиблась, то охотно признала бы это.

Голос девушки звучал жестко и уверенно. Пуаро вежливо поклонился ей.

— Значит, одно из двух: либо мисс Кинг лжет, либо соврал мистер Бойнтон. Попробуем разобраться в причинах, которые могли бы побудить Рэймонда Бойнтон скрыть правду. Допустим, мисс Кинг не ошиблась и не ввела нас в заблуждение нарочно. Что тогда происходит? Рэймонд Бойнтон возвращается в лагерь. Увидев мать, сидящую у входа в пещеру, он поднимается на террасу и обнаруживает, что старая дама мертва. Что делает Рэймонд? Зовет на помощь? Сообщает об этом всему лагерю? Нет. Он ждет одну-две минуты, идет к себе в палатку, потом в большую, к остальным, и молчит. Такое поведение выглядит, по меньшей мере, странным.

— Разумеется, это было бы глупо, — нервно заметил Рэймонд. — Тем больше причин поверить, что моя мать была в это время жива. Я уже устал это повторять. Мисс Кинг от потрясения могла и сбиться...

— Из врачебного заключения мисс Кинг явствует, что Рэймонд Бойнтон не может быть виновен, — спокойно продолжал Пуаро. — В тот единственный момент, когда его видели рядом с матерью, старая дама была уже давно мертва. Как объяснить поведение мистера Бойнтон, если он невиновен? Очень просто. Вспомним слышанную мной фразу: «Ну, теперь ты понимаешь, что нам остается только убить ее?» Молодой человек возвращается с прогулки, видит мачеху мертвой, и нечистая совесть тут же подсказывает, что преступный замысел приведен в исполнение его сообщницей. Рэймонд Бойнтон просто-напросто подозревает в убийстве свою сестру Кэрол.

— Вы лжете! — возмутился Рэймонд. Голос его звучал, однако, хрипло и неуверенно.

— Итак, рассмотрим гипотезу о виновности Кэрол Бойнтон, — продолжал Пуаро. — Что свидетельствует против нее? Как и брат, Кэрол Бойнтон — натура эк-

зальтированная и могла окружить убийство ореолом героизма. Именно с ней Рэймонд Бойнтон разговаривал тогда в Иерусалиме. Кэрол Бойнтон вернулась в лагерь в десять минут шестого и, по ее словам, тоже поднялась наверх, к матери. Свидетелей никаких. Лагерь был пустынен, персонал спал. Леди Уэстхольм, мисс Пирс и мистер Коуп осматривали развалины довольно далеко от лагеря. Все эти обстоятельства выглядят неблагоприятно для Кэрол Бойнтон.

Детектив немного помолчал. Кэрол подняла голову и посмотрела на него полным муки взглядом.

— И еще, — снова заговорил Пуаро. — На следующее утро, почти на рассвете, один свидетель видел, как Кэрол Бойнтон бросила в ручей блестящий предмет, а точнее, коробочку со шприцем.

— Как же так? — воскликнул доктор Жерар. — Ведь мне же вернули шприц, и он сейчас у меня!

— Я знаю, — кивнул ему Пуаро. — История со вторым шприцем довольно запутана. Мне дали понять, что он принадлежит мисс Кинг, не так ли?

Не давая Саре ответить, вмешалась Кэрол:

— Нет-нет, он мой!

— Значит, вы признаете, что избавились от него?

Девушка на мгновение заколебалась.

— Да, почему бы и нет?

— Кэрол! — воскликнула Нэдин, с тревогой глядя на невестку, — Кэрол, я не понимаю!

Та резко повернулась и довольно недружелюбно посмотрела на молодую женщину.

— Все, однако, очень просто: я выкинула старый негодный шприц. Это вовсе не значит, что я... прикасалась к яду!

— Мисс Пирс сказала правду: это мой шприц, — заспорила Сара.

— Эта история со шприцем очень запутанна, — продолжал Пуаро, — но я вам все объясню. До сих пор мы исходили из невиновности Рэймонда Бойнтон и обвиняли его сестру Кэрол. Но я хочу действовать беспристрастно и рассмотреть дело со всех возможных точек зрения. Давайте посмотрим, что было бы в случае невиновности Кэрол.

Она возвращается в лагерь, подходит к мачехе и обнаруживает, что та мертва! О чем она сразу думает? Кэрол, естественно, подозревает своего брата Рэймонда и, не зная, как поступить, молчит. Вскоре, приблизительно через час, в лагерь возвращается Рэймонд. Он поднимается наверх, снова спускается и не подает никаких признаков тревоги. С этих пор подозрения девушки превращаются в уверенность. Может быть, она заходит в палатку брата и находит там шприц. Убежденная в его виновности, Кэрол старается спрятать этот компрометирующий предмет и рано утром закидывает его подальше, в ручей.

И еще одно свидетельство в пользу Кэ-

рол. Когда я ее допрашивал, девушка заявила, что ни она, ни ее брат вовсе не собирались осуществить свой план. Я предложил ей присягнуть, и она торжественно поклялась, что невиновна. Запомните эти слова. Кэрол не стала клясться, что они невиновны, а говорит только о себе, надеясь, что я не придам значения такому пустяку.

Итак, мы доказали невинность Кэрол Бойнтон. Теперь вернемся назад и еще раз проверим, не виновен ли все-таки Рэймонд Бойнтон. Допустим, что Кэрол сказала правду, и в десять минут шестого миссис Бойнтон была еще жива. Каким образом Рэймонд Бойнтон все же мог бы совершить преступление? Придется допустить, что он убил мачеху без десяти шесть, когда поднялся поговорить с ней. По лагерю бродили слуги, но уже темно. Преступление могло совершиться в это время. Но в таком случае мисс Кинг обманывает нас. Вспомните, что она вернулась в лагерь всего через пять минут после Рэймонда и могла издали видеть, как он поднимался к пещере. Позже, обнаружив, что старая дама мертва, мисс Кинг понимает, что Рэймонд ее убил, и, желая спасти его, бежит к лжи. Доктор Жерар лежит в постели с приступом лихорадки и не может опровергнуть ее заключение.

— Я не солгала! — твердо заявила Сара. Пуаро невозмутимо продолжал:

— Перед нами открывается еще одна возможность. Как я только что сказал, мисс Кинг вернулась в лагерь через пять минут после Рэймонда. Если он оставил мачеху живой, то, быть может, это мисс Кинг сделала старой даме фатальный укол? В ее глазах миссис Бойнтон была исчадие ада. И ей вполне могло захотеться сыграть роль вершительницы правосудия. Это тоже объяснило бы ложь насчет времени смерти.

— Я действительно говорила, что иногда ради спасения всех надо принести в жертву одного. Эту мысль мне навеяло место, на котором мы тогда находились, гора Жертвоприношений. Но, уверяю вас, у меня и в мыслях не было причинить хоть какой-то вред этой жуткой старухе.

— Однако один из вас двоих должен обманывать, — проговорил Пуаро.

Рэймонд Бойнтон, нервно заерзав в кресле, воскликнул:

— Вы победили, месье Пуаро! Это я лжец! Поднявшись наверх, я нашел мать уже мертвой. На мгновение я был потрясен. Понимаете, я собирался сообщить ей, что с этих пор беру на себя полную ответственность за собственные поступки. И вдруг я вижу ее мертвой! Рука уже остыла. Тогда я и подумал то самое, что вы только что говорили. Увидев след на руке, я заподозрил Кэрол...

— Тут есть один момент, не совсем для меня ясный, — заметил Пуаро. — Как вы собирались действовать? У вас был какой-то план... в котором должен был участво-

вать шприц. Если вы хотите, чтобы я вам поверил, говорите правду.

— Я позаимствовал эту мысль из книги, — поторопился ответить Рэймонд, — из одного английского детектива. Если сердечнику сделать укол пустым шприцем, все будет кончено.

— Теперь понятно! — воскликнул Пуаро. — Значит, вы купили шприц?

— Нет, — вмешалась Кэрол. — Он остался его у Нэдин.

Пуаро посмотрел в глаза миссис Леннокс Бойнтон.

— Не тот ли, который остался в Иерусалиме среди багажа, сударыня?

Молодая женщина густо покраснела.

— Я не знала, где он.

— Вы очень находчивы, мадам, — похвалил ее детектив.

Глава XVI

Часы

Наступило молчание. Пуаро откашлялся и продолжал:

— Итак, мы разрешили проблему, которую я назвал бы «проблемой второго шприца». Шприц принадлежал миссис Бойнтон, Рэймонд Бойнтон забрал его перед отъездом из Иерусалима, Кэрол унесла его, обнаружив смерть мачехи, и выкинула в воду. Наконец, мисс Пирс нашла шприц, а мисс Кинг заявила, что это ее собственность. Следовательно, шприц сейчас должен быть у нее?

— Совершенно верно, — отозвалась Сара.

— Таким образом, заявив, будто этот шприц принадлежит вам, вы нарушили те самые принципы, которые только что так яростно отстаивали! Вы лгали!

— Это... это совсем другая ложь. Она не... не профессиональная!

Жерар понимающе кивнул.

— Я разделяю ваши чувства, мисс.

— Спасибо.

Пуаро снова кашлянул.

— А теперь посмотрим расписание.

Бойнтон и Джефферсон Коуп выходят из лагеря	прибл. 3.05
Доктор Жерар и Сара выходят из лагеря	прибл. 3.15
Леди Уэстхольм и мисс Пирс выходят из лагеря	4.15
Доктор Жерар возвращается в лагерь	4.20
Леннокс Бойнтон возвращается в лагерь	4.35
Нэдин Бойнтон уходит от свекрови и идет в большую палатку	прибл. 4.50
Кэрол Бойнтон возвращается в лагерь	5.10
Леди Уэстхольм, мисс Пирс и мистер Джефферсон Коуп возвращаются в лагерь	5.40

Рэймонд Бойнтон возвращается в ла-
герь . . . 5.50
Сара Кинг возвращается в лагерь . . . 6.00
Тело миссис Бойнтон обнаружено . . . 6.30

Получается двадцатиминутный перерыв между четырьмя часами пятьюдесятью, когда Нэдин Бойнтон рассталась со свекровью, и десятью минутами шестого, когда Кэрол вернулась в лагерь. Если она говорит правду, миссис Бойнтон была убита в течение этих двадцати минут.

Кто мог ее убить? В это время мисс Кинг и Рэймонд Бойнтон были вместе, у мистера Коупа (хотя я не вижу, зачем ему могло понадобиться убивать старую даму) есть алиби. Он гулял с леди Уэстхольм и мисс Пирс. Леннокс Бойнтон отдыхал в большой палатке вместе с женой. Доктор Жерар страдал от озноба у себя в палатке. Лагерь вымер, персонал наслаждался отдыхом. Очень удобное время для преступления! Но кто мог его совершить?

Задумчивый взгляд детектива обратился к Джиневре Бойнтон.

— Да, такой человек есть. Джиневра Бойнтон провела всю вторую половину дня у себя в палатке. Во всяком случае, так нам сказали. Но у меня есть доказательство, что она провела там не все время. Девушка сказала, что доктор Жерар во сне произнес ее имя. Доктор Жерар, в свою очередь, признался, что во время приступа видел в бреду лицо Джиневры. На самом деле то был не сон. Доктор видел у своего ложа существо из плоти и крови. То, что он принял за лихорадочное видение, было реальностью. Джиневра заходила в палатку доктора Жерара. Может быть, для того чтобы вернуть на место шприц?

Джиневра подняла головку, окруженную ореолом золотистых волос. Ее прекрасные глаза смотрели на детектива без всякого выражения, отрешенно. И это застывшее личико казалось личиком святой.

— Нет! — воскликнул доктор Жерар.

— Разве это невозможно с психологической точки зрения?

Француз опустил глаза.

— Совершенно невозможно! — неожиданно резко проговорила Нэдин Бойнтон. Пуаро немедленно повернулся к ней.

— Вы сказали: невозможно, сударыня?

— Да.

Она немного помолчала, покусывая губы, и добавила:

— Я не позволю вот так обвинять мою юную невестку! Мы все знаем, что этого быть не могло.

Джиневра шевельнулась. Губы ее тронула нежная улыбка, невинная и бессознательная улыбка ребенка.

— Не могло! — повторила Нэдин.

Детектив отвесил ей легкий поклон.

— Вы очень умная женщина, сударыня!

— Что вы имеете в виду? — спросила Нэдин.

— С самого начала, сударыня, я заметил, что вы не теряете хладнокровия.

— Вы мне льстите.

— Не думаю. Вы смотрите на происходящее спокойно и невозмутимо. Внешне вы сохраняли превосходные отношения со свекровью, полагая, что это самая лучшая тактика, но в глубине души вы судили и осуждали ее. С некоторых пор вы понимали, что и ради вашего блага, и ради себя самого вашему мужу следовало бы уйти из дому и, невзирая на любые трудности, жить самостоятельно. Вы готовы были пойти на любой риск и подталкивали его скинуть материнское иго. Но вам это не удалось; Ленноксу Бойнтону уже не хотелось свободы. Он окончательно погружался в апатию и меланхолию.

Ваша любовь к мужу, сударыня, не вызывает у меня сомнений. И решение покинуть его исходило не от более глубокой привязанности к другому, а, скорее, было продиктовано отчаянием. У женщины в вашем положении есть только три возможности: во-первых, возврат к супругу. Это, как я уже сказал, закончилось неудачей. Во-вторых, пригрозить бросить его, но это лишь еще усугубило бы его неврастению, не вызвав ни малейшей воли к сопротивлению. В-третьих, бежать с другим. Ревность и чувство собственности очень сильны в человеческом сердце. И вы доказали свою мудрость, затронув тайные струны души мужа. Если бы Леннокс Бойнтон позволил вам уйти с соперником, не попробовав этому воспрепятствовать, это означало бы, что он человек колючий и вам следует строить свою жизнь по-новому.

Допустим, что даже этот акт отчаяния не дал никакого результата. Ваше решение потрясло Леннокса Бойнтона. Однако он не стал действовать как ослепленный ревностью дикарь. Так что еще могло вывести вашего супруга из спячки? Только смерть мачехи. Освободившись наконец, он мог снова обрести и мужество, и индивидуальность.

Выдав небольшую паузу, Пуаро вкрадчиво повторил:

— Только смерть вашей свекрови...

Нэдин, не отрываясь, смотрела на детектива.

— Вы намекаете, что это я виновница драмы, не так ли? — спокойно отозвалась она. — Но вы заблуждаетесь, месье Пуаро. Сообщив миссис Бойнтон, что собираюсь уехать, я пошла к Ленноксу в большую палатку и не отлучалась оттуда ни на миг до тех пор, пока нам не сообщили о смерти свекрови. Меня можно обвинить лишь в том, что я стала косвенной причиной ее смерти, причинив слишком сильное потрясение, но это предполагало бы естественную смерть. А если, как вы утверждаете (хотя до сих пор у вас нет прямого доказательства, и его может дать только вскрытие), миссис Бойнтон убили, значит, я ни при чем.

— Вы все не выходили из палатки, пока вам не сообщили о смерти миссис Бойнтон? И это как раз кажется мне самым неестественным обстоятельством во всей истории.

— Но почему?

— Давайте посмотрим мой список. Под номером девять читаем: в половине седьмого, когда обед подан, слугу посылают сообщить об этом миссис Бойнтон.

— Я не вижу в этом ничего странного, — заметил Рэймонд.

— И я тоже, — сказала Кэрол.

Пуаро окинул их всех внимательным взглядом.

— Вы не понимаете? Послали слугу. Почему слугу? Разве вы все не старались наперебой оказать какую-нибудь услугу старой даме? Разве обычно кто-то из вас не давал себе труд сопровождать ее к столу? Она была почти инвалидом и без посторонней помощи не могла встать с кресла. Кто-то из вас постоянно держался неподалеку, и поэтому было бы естественно, чтобы, как только вас пригласили к столу, один из детей отправился за матерью. Но ни один не вызвался пойти туда! Все вы сидели, словно парализованные, и смотрели друг на друга, причем каждый при этом думал, почему не двигается с места его сосед.

— Все это просто абсурдно, месье Пуаро! — сухо отрезала Нэдин. — Мы просто страшно устали. Я признаю, что нам следовало бы пойти за ней самим, но в тот вечер мы этого не сделали. Вот и все!

— Как раз вы, мадам, — Пуаро снова поклонился, — больше всех заботились о свекрови. Вы считали это профессиональным долгом и выполняли его чисто автоматически. Но именно в тот вечер вы даже не предложили сходить за ней. Почему? Вопрос возникает сам собой. Почему? Я могу на это ответить: потому что вы прекрасно знали, что ваша свекровь мертва... — Нет-нет, не прерывайте меня, сударыня, — сказал детектив, поднимая руку. — Вам придется выслушать Эркюля Пуаро до конца. Ваш разговор со свекровью наблюдали свидетели. Но они могли только видеть, а не слышать! Леди Уэстхольм и мисс Пирс находились на довольно большом расстоянии. Они видели, как вы разговаривали со свекровью, но какие у нас есть доказательства того, что произошло на самом деле? Предложу вам свою гипотезу. Вы, как я уже говорил, сильная женщина. Если в вашем на редкость трезвом уме возникла мысль уничтожить старую миссис Бойнтон, вы бы совершили преступление со всей возможной изобретательностью и хладнокровием. Утром, когда доктор Жерар ушел на экскурсию, вы могли спокойно проникнуть в его палатку, не сомневаясь, что найдете там нужный яд. Ваша профессия должна была тут оказаться очень полезной. Поскольку же ваш собственный шприц исчез, вы позаимствовали этот необходимый инструмент у врача, надеясь вернуть его раньше, чем законный владелец заметит пропажу.

Прежде чем привести план в исполнение, вы попытались в последний раз убедить мужа принять решение. Вы сообщили ему о своем намерении выйти замуж за

Джефферсона Коупа. Но Леннокс, хоть и был ошеломлен, неотреагировал так, как вам было желательно... и вам пришлось прибегнуть к убийству. Вы возвращаетесь в лагерь, по дороге обменявшись парой любезных слов с леди Уэстхольм и мисс Пирс.

После этого вы поднимаетесь к свекрови, все еще сидящей у входа в пещеру. Шприц уже готов. Вы как медсестра без труда попали в вену на запястье. Больная старуха не успела даже понять, что произошло. А из долины видели только, что вы разговариваете со свекровью. Чтобы сбить с толку свидетелей, вы вытащили стул и сделали вид, будто ведете мирную беседу. Смерть, должно быть, наступила мгновенно, и вы беседовали с трупом, но кто бы это мог заметить? Через несколько минут вы унесли стул на место и отправились в большую палатку, где уже сидел ваш муж. Потом вы постарались не выходить из палатки, хотя несколько не сомневались, что смерть припишут апоплексическому удару. Но ваши планы нарушили. Вернуть шприц на место не удалось, потому что доктор Жерар лежал в палатке с приступом малярии. Может, вам это и не было известно, но он заметил отсутствие шприца. Вот, сударыня, та небольшая ошибка, которая оказалась в плане преступления, во всех прочих отношениях разработанном безукоризненно.

Наступило долгое молчание. Наконец Леннокс Бойнтон вскочил с кресла.

— Нет! — воскликнул он. — Все это вранье! Нэдин не виновна! Она не могла совершить это преступление хотя бы потому, что моя мать к тому времени уже умерла!

— Вот как?

Пуаро добродушно взирал на молодого человека.

— Так это вы ее убили, мистер Бойнтон?

Новое молчание. Леннокс рухнул в кресло и закрыл лицо дрожащими руками.

— Да... это я... я ее убил.

— И это вы украли дигитоксин у доктора Жерара?

— Да.

— Когда?

— Как вы сказали, утром.

— А шприц?

— Шприц тоже.

— Почему вы ее убили?

— И вы еще спрашиваете?

— Отвечайте на мой вопрос, мистер Бойнтон!

— Сами знаете... жена хотела меня сбросить... сбежать с Коупом.

— Да, но вы же узнали об этом во второй половине дня.

Леннокс посмотрел на него в упор.

— Конечно... во время прогулки.

— Зачем же вы взяли яд и шприц утром... до того?

— Для чего вы меня так мучаете? — Леннокс умоляюще провел рукой по взмогшему лбу. — Какое все это имеет значение?

— Очень важное. Советую вам, мистер Леннокс Бойнтон, сказать мне правду.

— Правду?

Леннокс широко открыл глаза. Нэдин резко повернулась в кресле и пристально посмотрела на мужа.

— Да, именно правду, — повторил Пуаро.

Леннокс глубоко вздохнул.

— В тот день, — медленно заговорил он, — расставшись с Нэдин, я чувствовал себя совершенно разбитым... Я ни за что не мог допустить, чтобы она ушла от меня к другому. Я... я почти рехнулся. Мне казалось, будто я пьян или отхожу после болезни.

Пуаро кивнул.

— Леди Уэстхольм и в самом деле заметила вашу походку, когда вы брели мимо. Поэтому-то я сразу догадался, что ваша жена обманывает, утверждая, будто сообщила вам о своем решении потом, уже в лагере. Продолжайте, мистер Бойнтон.

— Я едва отдавал себе отчет в том, что делаю. Но по мере приближения к лагерю мои мысли прояснились. Мне во всем следовало винить лишь самого себя! Я вел себя как тряпка! Я должен был наперекор материнской воле убежать много лет назад! И мне пришло в голову, что, быть может, еще не поздно. Я заметил старую ведьму — она восседала в кресле, как будда, четко вырисовываясь на красном фоне скалы. Я немедленно стал взбираться вверх, намереваясь в последний раз объясниться с ней. Я хотел выложить все, что у меня накопилось на сердце, и объявить о своем отъезде. А сразу после этого собирался уехать с Нэдин и в тот же вечер добраться до Маана.

— О, Леннокс, дорогой мой! — выдохнула Нэдин.

Ее муж продолжал:

— Я вскарабкался наверх и остановился, совершенно ошарашенный. Она умерла! Сидела в кресле... мертвая! Я не знал, что делать. Все, что я собирался выкрикнуть ей в лицо, душило меня... Не могу объяснить... но я стоял, как громом пораженный. Машинально я взял часы, лежавшие у нее на коленях, и застегнул их на безжизненном запястье.

Леннокс содрогнулся.

— Боже! Какое ужасное воспоминание! Потом я, шатаясь, спустился вниз и поплелся в большую палатку. Мне бы следовало кого-нибудь позвать, но я даже не подумал об этом. Я так и сидел в палатке, листая страницы, ожидая...

Он немного помолчал.

— Вы мне не верите... Я вас понимаю. Почему я никого не позвал? Почему не рассказал правду Нэдин? Даже не представляю...

Доктор Жевар тихонько кашлянул.

— Ваши объяснения вполне убедительны, мистер Бойнтон, — сказал он. — Вы испытывали крайнее нервное возбуждение. Двух сильных потрясений подряд довольно, чтобы привести любого человека в то со-

стояние, которое вы нам описали. Профессор Вейссенхальтер сравнивает эту реакцию с поведением птицы, ударившейся головой о стекло. Даже совершенно прийдя в себя, птица еще некоторое время инстинктивно воздерживается от каких бы то ни было движений, как бы давая нервным центрам вновь обрести равновесие. Вы не могли ни действовать иначе, ни принять какое-то решение. Вы пережили краткий паралич умственной деятельности.

Врач повернулся к Пуаро.

— Уверю вас, друг мой, все было именно так.

— О, я бы никогда не позволил себе в этом усомниться, — отозвался Пуаро. — Я заметил эту мелкую подробность. Я имею в виду то, что мистер Бойнтон надел матери на руку часы. Это можно было объяснить двояко; либо это был предлог, чтобы тем удобнее совершить преступление, либо мистер Бойнтон хотел обмануть жену, которая вернулась в лагерь через пять минут после него? Она, должно быть, видела это движение Леннокса и неправильно его истолковала. Подойдя к свекрови и увидев след укула у нее на запястье, молодая женщина, естественно, решила, что убийство совершил ее муж и что угроза уйти от него вызвала совсем не ту реакцию, которой она ожидала... В результате Нэдин Бойнтон воображала, что толкнула мужа на преступление.

Пуаро посмотрел на молодую женщину.

— Это так, сударыня?

Она наклонила голову, а потом спросила:

— Скажите честно, месье Пуаро, неужели вы меня подозревали?

— Я считал вас возможной виновницей, сударыня.

Нэдин всем телом подалась вперед.

— А теперь, месье Пуаро, расскажите нам, что произошло на самом деле.

Глава XVII

Леннокс пробуждается

— Что случилось на самом деле? — повторил Пуаро.

Он потянул к себе стул и уселся.

— Да, это вопрос вопросов, — начал он просто и естественно. — Действительно, дигитоксин и шприц стащили; более того, на руке миссис Бойнтон обнаружен след укула. Конечно, благодаря вскрытию через несколько дней мы узнаем, умерла ли миссис Бойнтон от массивной дозы дигиталина. Но тогда, возможно, будет слишком поздно! Лучшее уж выяснить всю правду сегодня вечером, пока преступник еще в пределах досягаемости.

Нэдин резко вскинула голову.

— Значит, вы настаиваете, что один из нас, присутствующих в этой комнате...

Голос ее оборвался.

Пуаро сочувственно покачал головой.

— Я обещал полковнику Кэрбери сообщить ему правду. Теперь, когда путь расчищен, мы можем вернуться к исходному пункту, то есть к тому моменту, когда я набросал список знаменательных фактов, два из которых противоречат друг другу.

Впервые за все время полковник Кэрбери поддал голос:

— Может, сейчас самое время объяснить их?

— Мы к этому подходим, — отозвался Пуаро, полный чувства собственного достоинства. — Посмотрим на эти два пункта: миссис Бойнтон принимает лекарство, содержащее дигиталин, и доктор Жерар обнаруживает отсутствие шприца. Возьмем эти факты и сравним с реакцией Бойнтонов, которая позволила бы предположить их виновность. Предполагается, что преступление совершил кто-то из Бойнтонов. И, однако, оба эти факта доказывают обратное. Мысль ввести старой леди массированную дозу дигиталина не лишена изобретательности, поскольку миссис Бойнтон и так принимала лекарство, содержащее этот яд. Но как бы в таком случае поступил один из Бойнтонов? Тут представляется единственное разумное решение: налить яд во флакон с лекарством. Любой человек, имеющий хоть крупную здравую мысль и доступ к флакону с лекарством, поступил бы именно так.

Равно или поздно миссис Бойнтон принимает лекарство и умирает. Даже если во флаконе обнаружат избыток дигиталина, ошибку припишут фармацевту, приготовившему лекарство. А доказать ничего невозможно!

Тогда, спрашивается, зачем потребовалось красть шприц?

По правде говоря, я вижу только два возможных объяснения: либо доктор Жерар просто не нашел шприц, который благополучно лежал у него в палатке, либо шприц взял кто-то, не имеющий доступа к лекарству миссис Бойнтон. И так, оба факта ясно указывают, что преступление совершил кто-то посторонний семье Бойнтонов.

Я это сразу понял. Но мне не давали покоя свидетельства, которые, казалось, обвиняли Бойнтонов. Возможно ли, что, несмотря на все внешние признаки, Бойнты ни в чем не виноваты? Поэтому я занялся доказательством не виновности, а полного отсутствия их вины.

Теперь мы добрались до следующей стадии расследования: убийство совершил кто-то посторонний, иными словами, человек, недостаточно близкий миссис Бойнтон, чтобы войти в ее палатку или предложить свой пузырек с лекарством.

Пуаро немного помолчал,

— Здесь присутствуют три человека, посторонних семье Бойнтон, но все они замешаны в этой истории.

Начнем с мистера Коупа. Он с давних пор постоянно общается с Бойнтонами.

Есть ли тут какой-нибудь правдоподобный мотив преступления? По всей видимости — нет. Смерть старой дамы повредила мистеру Коупу, разрушив определенные надежды. По крайней мере, трудно найти для него какую-то причину желать смерти миссис Бойнтон. Разве что, конечно, существует некий тайный мотив... мы же не знаем точно, что связывает мистера Коупа с семьей Бойнтонов...

— По-моему, вы слишком далеко заходите, месье Пуаро, — вмешался задетый за живое мистер Коуп. — Прошу не упускать из виду, что у меня не было возможности совершить преступление и что я испытываю глубочайшее почтение к человеческой жизни.

— Ваша невинность представляется, конечно, бесспорной, — очень серьезно отозвался Пуаро. — И в детективном романе именно по этой причине вы внушали бы особенно сильные подозрения.

Пуаро повернулся к Саре.

— Теперь мисс Кинг. У нее масса мотивов и достаточно медицинские познания. Кроме того, это особа весьма решительная, с сильным характером. Однако, поскольку мисс Кинг покинула лагерь до половины четвертого и вернулась туда только в шесть, непонятно, когда бы она могла совершить преступление.

Перейдем к доктору Жерару. В первую очередь обратим внимание на время смерти миссис Бойнтон. По недавнему заявлению мистера Леннокса, без двадцати пяти пять старая дама уже умерла. Если верить показаниям леди Уэстхольм и мисс Пирс, в шестнадцать минут пятого, когда они шли на прогулку, миссис Бойнтон была еще жива. Получается двадцатиминутный интервал. По дороге две дамы встретили розважавшегося в лагерь доктора Жерара. Следовательно, он имел возможность совершить преступление. Будучи врачом, он без труда мог симулировать приступ малярии. Есть и правдоподобный мотив: доктор хотел спасти одну особу, подвергавшуюся худшей, чем смерть, опасности потерять рассудок. В такой ситуации мысль принести в жертву немощную старуху могла показаться вполне разумной.

— У вас богатая фантазия, месье Пуаро! — с улыбкой сказал врач.

Детектив пропустил это замечание мимо ушей.

— Но в таком случае, — продолжал он, — зачем Жерар привлек наше внимание к возможности преступления? Ведь очевидно, что без его заявления полковнику Кэрбери смерть миссис Бойнтон приписали бы естественным причинам. Доктор Жерар первым заподозрил убийство. Таким образом, здесь мы вступаем в противоречие с элементарным здравым смыслом.

— В самом деле, — буркнул Кэрбери.

— Остается еще одно предположение. Только что миссис Бойнтон энергично отменила подозрения, касающиеся ее юной невестки. Она говорила с тем большей страстью, зная, что ее свекровь умерла к тому

времени, когда сама она вернулась в лагерь. Вспомним, что Джиневра Бойнтон провела в лагере всю вторую половину дня и что между уходом из лагеря леди Уэстхольм и мисс Пирс и возвращением туда доктора Жерара прошло довольно много времени...

Девушка подалась вперед и посмотрела на детектива с каким-то неопределенно-наивным выражением.

— Это я? Вы думаете, это я?

И неожиданно проворно, одним невыразимым изысканным движением, девушка порхнула в другой конец комнаты и бросилась к ногам доктора Жерара, цепляясь за него и с отчаянной страстью глядя в глаза:

— Помешайте им говорить такие гнусности! Они снова запрут меня. Это неправда! Я не сделала ничего плохого! Это все мои враги! Они хотят бросить меня в тюрьму, за решетку! Помогите мне, умоляю, помогите мне!

— Ну-ну, успокойтесь, дитя мое, — сказал врач, ласково поглаживая головку девушки.

Потом он повернулся к Пуаро.

— Вы говорите чужь и нелепости!

— Манья преследования? — пробормотал Пуаро.

— Да. Но это дитя не стало бы действовать так. Поймите меня, она совершила бы «театральное» преступление с привкусом мелодрамы или трагедии... пустила бы в дело кинжал или что-нибудь в этом роде... Но на такие логичные, хладнокровные действия она не способна! Тут и сомнений быть не может. А мы имеем дело с преднамеренным убийством, совершенным человеком в здравом рассудке.

Пуаро улыбнулся и, к общему изумлению, отвесил врачу поклон.

— Полностью разделяю ваше мнение, — крадчиво заметил он.

Глава XVIII

Леди

Уэстхольм

— Слушайте меня внимательно, — сказал Пуаро. — Нам остается лишь завершающая часть. Доктор Жерар упомянул о психологии. Рассмотрим же эту особую, я бы сказал, специфическую сторону проблемы. Мы изучили факты, составили хронологическую последовательность и выслушали свидетельские показания каждого. Остается... психология. И главное здесь — склад ума покойной.

Возьмем третий и четвертый пункты моего списка: миссис Бойнтон запрещает детям общаться с другими людьми, а в тот день миссис Бойнтон поощряет их пойти на прогулку и оставить ее одну.

Перед нами противоречие. Откуда этот странный поворот в поведении миссис Бойнтон? Должны ли мы приписать «его» не-

ожиданному всплеску нежности к детям, такому пробуждению доброты? Судя по всем свидетельствам, такое предположение кажется совершенно невероятным. И однако тут непременно существует какая-то тайная причина. Какая же?

Приглядимся поближе к характеру покойной миссис Бойнтон. Мы слышали самые разные представления: это была тиранка, садистка, гений зла, сумасшедшая. Какое из этих мнений верно?

По-моему, ближе всего подошла к истине мисс Кинг, когда в Иерусалиме ее неожиданно охватила острая жалость к миссис Бойнтон. Впрочем, благородный порыв мисс Кинг остался втуне!

Попытаемся, насколько это возможно, поставить себя на место миссис Бойнтон. Эта честолюбивая женщина жаждет властвовать над ближними, навязывать им свою волю. Она не стремится ни идеализировать эту жажду власти, ни сдерживать ее. Нет! Миссис Бойнтон лишь питает свою страсть. Но в конечном счете — постарайтесь вникнуть! — к чему это ведет? Она не обладает большой властью. Многие люди не испытывают к ней ни ненависти, ни страха. Миссис Бойнтон — всего-навсего мелкий тиран в своей собственной семье! Как мне объяснил доктор Жерар, подобно многим другим старухам, она устала от однообразия и ради развлечения решила испытать свое могущество. Но результат не оправдал надежд. Это путешествие за границу впервые показало миссис Бойнтон ее собственную незначительность.

Теперь мы подходим к пункту номер десять; к словам, которые старая леди сказала мисс Кинг в Иерусалиме. Сара Кинг вплотную прикоснулась к истине, она догадалась о жалкой ненужности всего поведения миссис Бойнтон. А сейчас внимательно послушайте ответ старухи, переданный мне мисс Кинг. Миссис Бойнтон говорила со зловещим торжеством, даже не глядя на собеседницу: «Я никогда ничего не забываю... ни поступка, ни имени, ни лица!»

Эта фраза произвела на мисс Кинг сильнейшее впечатление. Голос звучал так свирепо! И потрясенная девушка не уловила все ее значение.

Может, кто-нибудь из вас догадался, что это значит?

Детектив довольно долго ждал, но все хранили молчание.

— Вижу, что нет, — наконец сказал он. — Но, друзья мои, неужели вы не замечаете, что эти слова ни в коей мере не связаны с тем, что говорила мисс Кинг. «Я никогда ничего не забываю!.. Ни поступка, ни имени, ни лица!» Эта фраза кажется совершенно бессмысленной. Если бы еще старуха сказала: «Я никогда не забываю дерзости» или что-нибудь в том же роде... Но никак не «лицо»!

Да ну же, правда бросается в глаза! Эти слова, внешне адресованные мисс Кинг, на самом деле предназначались другому человеку, стоявшему за ее спиной!

Пуаро замолчал и обвел взглядом присутствующих.

— Да, правда бросается в глаза! То был, уверяю вас, важнейший психологический момент в жизни миссис Бойнтон. Ее только что унизила проницательная молодая женщина. Старуха вне себя от ярости и вдруг, в тот самый миг узнает одного человека — перед ней лицо из прошлого, готовая жертва!

Как видите, мы возвращаемся к предположению, что убийство совершил кто-то посторонний. Теперь становится понятной и необычная любезность миссис Бойнтон по отношению к семье. В тот день она жаждет освободиться от домашних, чтобы предаться другому развлечению: терзать новую добычу...

Посмотрим же на события того дня с этой точки зрения. Семейство Бойнтонов уходит на прогулку. Миссис Бойнтон усаживается у входа в пещеру. Приглядимся повнимательнее к свидетельствам леди Уэстхольм и мисс Пирс. Последняя — никуда не годный свидетель. У нее нет никакой наблюдательности, зато она сильно подвержена влияниям. У леди Уэстхольм, напротив, трезвый ум, и ничто от нее не ускользает. Обе дамы согласны в одном. Какой-то арабский слуга подходит к миссис Бойнтон, разговаривает с ней и быстро убегает. Леди Уэстхольм заявляет, что сначала он заглянул в палатку Джиневры Бойнтон, но не будем забывать, что рядом стояла палатка доктора Жерара. Очень возможно, таким образом, что араб заходил к доктору.

Полковник счел нужным вмешаться:

— Уж не хотите ли вы внушить нам, будто один из моих бедуинов прикончил старуху, сделав ей внутривенный укол? Невероятная чушь!

— Терпение, полковник! Я еще не закончил. Допустим, араб вышел из палатки доктора Жерара, а не Джиневры Бойнтон. Что у нас получается? Обе дамы признают, что не могли ни отчетливо видеть лицо слуги, ни слышать его разговор с миссис Бойнтон. Это понятно — их отделяло от скалы расстояние около двухсот метров! Но леди Уэстхольм дает подробное описание костюма этого человека, говорит о его изодранных штанах и плохо затянутых ножных повязках.

Пуаро наклонился вперед:

— А вот это уже нечто необычное, друзья мои! Если она не могла ни различить черты лица, ни слышать разговор, то каким образом ухитрилась разглядеть состояние штанов и ножных бинтов? С расстояния двести метров это невозможно!

И снова перед нами противоречие. Мне приходит в голову довольно странная мысль. Откуда такая настойчивость в описании драных штанов и полосок ткани? Может быть, как раз потому, что брюки не были разорваны, а никаких полосок ткани вообще не было? И леди Уэстхольм, и мисс Пирс заявляют, что обе видели этого человека, но они не могли видеть друг друга.

Это доказано тем, что леди Уэстхольм пошла посмотреть, не спит ли мисс Пирс, и нашла ее читающей у входа в палатку.

— Великий Боже! — воскликнул полковник Кэрбери, резко выпрямляясь. — Неужто вы теперь намекаете...

— Я утверждаю, что, выяснив, чем занимается мисс Пирс, очевидно, единственный бодрствовавший в это время свидетель, леди Уэстхольм вернулась к себе в палатку, надела брюки для верховой езды, башмаки и куртку цвета хаки, соорудила себе арабский головной убор из куска клетчатой ткани и шерстяной нитки и в таком одеянии проникла в палатку доктора Жерара. Обыскав аптечку, она взяла нужный яд и наполнила им шприц, а потом направилась напрямик к жертве.

Возможно, миссис Бойнтон спала. Не теряя ни секунды, леди Уэстхольм схватила ее за руку и ввела яд. Миссис Бойнтон тихонько вскрикнула, попыталась подняться и снова упала. «Араб» с мнимым смущенным видом убежал. Миссис Бойнтон снова попробовала приподняться, погрозила беглецу палкой и рухнула в кресло.

Через пять минут леди Уэстхольм присоединилась к мисс Пирс и рассказала о сценке у пещеры, стараясь внушить мисс Пирс свою версию. Потом обе отправились на прогулку и остановились у подножия террасы. Леди Уэстхольм окликнула миссис Бойнтон. Разумеется, она не получила ответа — старая дама уже умерла. Но леди Уэстхольм не упустила случая сказать мисс Пирс: «Как это невежливо — ответить на нашу любезность ворчанием».

Мисс Пирс приняла это как нечто естественное. Она не раз слышала, что миссис Бойнтон только ворчит в ответ на вежливое обращение. И мисс Пирс готова похвастаться, что слышала то же самое и на сей раз! Леди Уэстхольм не раз приходилось председательствовать на собраниях женщин вроде мисс Пирс, и она прекрасно знает силу своего влияния на подобные ей податливые умы. Но в план леди Уэстхольм вкралась легкая ошибка — она не успела положить на место шприц. Неожиданное возвращение доктора Жерара испортило всю картину. Но, надеясь, что врач не заметил пропажу, она вернула шприц на место ночью.

Пуаро замолчал.

— Но почему? — воскликнула Сара Кинг. — Зачем леди Уэстхольм понадобилось убивать старую миссис Бойнтон?

— Разве вы не говорили мне, что, когда вы разговаривали с миссис Бойнтон в Иерусалиме, леди Уэстхольм стояла рядом? Это ей миссис Бойнтон сказала: «Я никогда ничего не забываю — ни поступка, ни имени, ни лица!» Добавьте к этому, что миссис Бойнтон работала надзирательницей в тюрьме, и вы получите полное представление о том, что произошло. Лорд Уэстхольм познакомился со своей будущей женой на пароходе, по дороге из Америки. Очевидно, до замужества леди Уэстхольм сидела в тюрьме за какое-то преступление.

Поймите же, перед какой дилеммой она оказалась: ее карьера, честолюбивые замыслы, социальное положение — все пошло бы прахом! Мы не знаем, за какое преступление она попала в тюрьму, но ясно, что, если бы ее проступок стал достоянием общественного мнения, с политическим прищипом было бы покончено! Заметьте, что шантаж миссис Бойнтон не имел корыстной цели: ей требовались не деньги, а садистское наслаждение терзать жертву, до тех пор пока не наступит наиболее подходящий момент объявить правду и устроить грандиозный скандал. Пока миссис Бойнтон была жива, леди Уэстхольм не могла чувствовать себя в безопасности. По приказу мучительницы она поехала в Петру. Между прочим, меня очень удивило, что женщина, до такой степени преисполненная сознанием собственной значительности, снизошла до обычной туристической экскурсии. Но в глубине души леди Уэстхольм уже зрел замысел убийства. Воспользовавшись случаем, она осуществила почти безукоризненный план. Леди Уэстхольм совершила две небольшие ошибки; слишком подробно описала одежду арабского слуги и тем самым сразу привлекла к себе мое внимание, а кроме того — ошиблась палаткой: вместо палатки доктора Жерара она зашла к полусонной Джиневре. Отсюда и история о переодетом шейхе. Джиневра лю-

бит фантазировать, поэтому она немного приукрасила правду, постаравшись придать происшествию более драматический характер. Но мне хватило и намека.

Пуаро выдержал новую паузу.

— Скоро мы получим подтверждение. Сегодня я незаметно взял у леди Уэстхольм отпечатки пальцев. Если мы пошлем их в ту тюрьму, где миссис Бойнтон работала надзирательницей, там сделают экспертизу и сообщат нам результат.

Пуаро умолк и, казалось, погрузился в размышления.

Неожиданно тишину нарушил короткий сухой треск.

— Что случилось? — спросил доктор Жерар.

— Похоже на выстрел, — сказал, вставая, полковник Кэрбери. — Это в соседней комнате. Вы не знаете, кто ее занимает?

— Мне кажется... там жила... леди Уэстхольм, — тихо проговорил Пуаро.

Эпилог

Отрывок из «Ивнинг Шаут»:

«Мы вынуждены с прискорбием сообщить о кончине члена парламента леди Уэстхольм, последовавшей в результате несчастного случая. Леди Уэстхольм любила путешествовать по отдаленным странам и всегда возила с собой револьвер. Когда она чистила это оружие, неожиданно произошел выстрел. Смерть наступила мгновенно. Выражаем глубокие соболезнования лорду Уэстхольму» и т. д. и т. д.

Пять лет спустя прекрасным июньским вечером Сара Бойнтон и ее муж сидели в оркестровых креслах большого лондонского театра. Шел «Гамлет». Когда со сцены доносился голос Офелии, Сара сжала руку Реймонда:

А по чем я отличу
Вашего дружка?
Шлык паломника на нем,
Странника клюка.

Помер, леди, помер он,
Помер, только слег,
В головах зеленый дрок,
Камушек у ног.*

Сара почувствовала, как у нее перехватило горло — так потрясла изысканная красота безумной Офелии, с неземной улыбкой на губах бежавшей туда, где не властен над ней заботы и печали, а мир становится реальностью...

— Как она прекрасна! — прошептала Сара.



* Перевод Б. Пастернака.

Этот гармоничный голос благородного тембра, пройдя школу театрального искусства, поражал редкостным совершенством.

Когда последний акт закончился и опустился занавес, Сара сказала мужу:

— Джинни по-настоящему талантлива, великая актриса!

Чуть позже, во время ужина в «Савое» Джиневра с улыбкой повернулась к бородатому мужчине, сидевшему справа от нее.

— Я хорошо сыграла роль, правда, Теодор?

— Восхитительно, дорогая.

Лицо Джиневры озарила счастливая улыбка.

— Ты всегда верил, что это моя судьба. Ты знал, что я способна вдохновлять толпы...

За соседним столиком сидел актер, игравший Гамлета.

— Какая аффектация! — грустно говорил он. — Разумеется, сначала публике это понравилось, но она быстро пресытилась. Это уже не Шекспир. Вы заметили, как она испортила мой выход в конце?

Нэдин, сидевшая напротив Джиневры, заметала:

— Какое счастье вот так собраться всем вместе здесь, в Лондоне, и праздновать успех Джинни в роли Офелии! Она уже знаменитость!

— Я очень тронута тем, что вы решились на такое долгое путешествие ради того, чтобы поаплодировать мне, — мягко проговорила Джиневра.

— Настоящее семейное сборище! — воскликнула Нэдин, сияя от радости. И, повернувшись к Ленноксу, она добавила: — Ты не думаешь, что мы могли бы взять детей на утренний спектакль? Они уже достаточно большие и во что бы то ни стало требуют, чтобы им позволили посмотреть тетьку Джинни на сцене!

Леннокс, счастливый и жизнерадостный Лейнокс, лукаво глядя на родных, поднял бокал:

— Я пью за здоровье новобрачных, мистера и миссис Коуп!

В ответ на приветственный тост Джефферсон Коуп и Кэрол поклонились.

— За неверного поклонника! — весело смеясь, воскликнула Кэрол. — Джеф, выпейте за здоровье Нэдин, своей первой любви...

— Джеф покраснел, — расхохотался Рэймонд. — Он не любит, когда кто-нибудь напоминает ему о прошлом...

Неожиданно лицо Рэймонда потемнело. Но Сара ласково взяла его за руку, и облачко сразу рассеялось! Он с улыбкой посмотрел на жену.

— Я вспоминаю все это как кошмарный сон!

Подвижный маленький человечек остановился возле их столика. Эркюль Пуаро, разодетый в пух и прах, с гордо закрученными усами, отвесил всем изящный поклон.

— Примите мои поздравления, мадемуа-

зель, — обратился он к Джиневре. — Вы были великолепны!

Бойнтоны радостно приветствовали детектива и освободили ему место рядом с Сарой.

Пуаро с удовольствием оглядел собравшихся за столом. Когда разговор снова принял общий характер, он наклонился к Саре и прошептал:

— Что ж, кажется, теперь в семействе Бойнтон все идет прекрасно?

— Благодарю вас, — так же тихо ответила Сара.

— Ваш муж становится известным. Сегодня я читал весьма лестную статью о его последнем романе.

— Хотя я и пристрастна, но, честное слово, его книга и вправду замечательна. А вы знаете новости? Кэрол и Джефферсон Коуп в конце концов поженились! У Леннокса и Нэдин двое чудесных детей. Ну, а про Джинни вам все известно — она просто гений.

Сара взглянула на другой конец стола, туда, где виднелось очаровательное личико в короне золотистых волос, и неожиданно вздрогнула. На мгновение лицо молодой женщины посерьезнело, и она медленно поднесла к губам бокал.

— За кого вы хотите выпить, мадам?

Сара тихо ответила:

— Я думала... о ней. Поглядев сейчас на Джинни, я впервые заметила сходство. Выражение лица... с той разницей, что Джинни — на гребне славы, а та оставалась в тени...

И тут до них донесся голос Джиневры:

— Бедная мама!.. Она была такая странная! Теперь, когда все мы так счастливы, я думаю о ней с грустью. Жизнь не оправдала ее ожиданий. Как же она должна была страдать!

И Джинни без всякого перехода начала читать стихи из «Цимбелина», а остальные замерли, покоренные ее мелодичным голосом:

Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,
Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.

Рисунок В. Лопаты.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КАДЕИДОСКОП



САМ СЕБЕ ТРЕНЕР



ЧЕРНЫЕ ДЕМОНЫ

Рассказывает инструктор
рукопашного боя Р. РОНИН

СРЕДИ потрясающего многообразия воинских школ и боевых систем особое место занимает таинственное ниндзюцу, сошедшее с арены японской истории еще в XVII веке, но сохранявшееся в глубокой тайне фанатами этого направления. Ниндзюцу можно определить как искусство шпионско-диверсионной работы, развивавшееся в недрах отдельных кланов, сделавших его средством и образом своего существования. На высшем уровне мастера ниндзюцу—ниндзя—тайно творили историю страны, на низшем — выполняли за определенную плату щекотливые поручения своих клиентов.

Прародителями ниндзя традиционно считаются мифические длинноносые крылатые оборотни **тэнгу**, которые согласно легенде обучили своему дьявольскому умению некоторых известных сановников и воинов. Первым ниндзя страны Ямато (древнее название Японии) почитается один из вассалов знаменитого принца Сетоку (VI—VII вв.), снабжавший своего господина ценной информацией, способствующей успехам последнего как на судебном, так и на боевом поприще. Благодарный Сетоку даровал верному слуге титул синоби («крадущийся»), от которого и произошел термин синоби-дзюцу — аналог слова ниндзюцу.

Уход умного правителя с политической сцены привел страну к междоусобице. В обострившейся борьбе религий духов-

ным спасителем нации предстал буддийский отшельник Эн-но Гедзя, пытавшийся восстановить порядок на основе шаманствующего буддизма. Великий чудотворец создал уникальную систему самовоспитания сюэндо («путь обретения могущества»), которую стали практиковать горные мудрецы и воители ямабуси.

Опасаясь их влияния, правительство послало войска на подавление ямабуси, и, чтобы выжить, воины-отшельники разработали специфические методы группового и индивидуального противодействия (ямабуси-хэйю), напоминающие бой коммандос, которые и легли в основу классического ниндзюцу. Передавая свои познания соратникам, горные воители открыли несколько школ, выпускники которых были настолько ловки и дерзки, что одно время трое из них управляли всей ночной и разбойной жизнью Киото, столицы Японии.

Шло время, и власть в усталой стране на долгие столетия захватила воинская верхушка во главе с главнокомандующим сегуном. Смена правительства привела к изрядной перетасовке должностных лиц; многие самураи были изгнаны из дворца или, потеряв своих хозяев, стали ронинами (самураями без господина). Скитаясь по Японии, они оседали в глухих и малодоступных горных деревушках, создавая там свои военизированные группировки.

К XIII веку в провинции Ига буйным ядовитым цветком расцвели кланы Хаттори и Момоти, связавшие в одно целое волю и мастерство самураев, пути обретения духовного могущества ямабуси и секретные военные и медицинские техники бежавших из Китая монахов и воинов. Было открыто несколько десятков различных школ и тренировочных лагерей, где неприветливого японского мальчика превращали в демона, способного сеять страх и смерть.

В КОНЦЕ XVI столетия, наконец, появились сильные личности, взявшие дело объединения страны в свои могучие руки. Крупнейшими военачальниками того времени были Ода Нобунага, чье коварство и изощренные трюки не уступали разработкам ниндзя, и фактический объединитель Японии Токотоми Хидэёси. Полководцы использовали различных ниндзя, но вот базисных невидимок из провинций Ига и Кога у них не было. Более того, коварные ниндзя не раз покушались на жизнь Ода Нобунага, и раздраженный полководец, решив покончить с непокорными демонами, направил крупные карательные силы в центральную обитель ниндзюцу.

Более чем десятикратное превосходство правительственных войск и навязанная ими манера боя сделали свое дело: четырехтысячный отряд ниндзя был разбит, а выжившие оказались рассеянными по всей Японии. На следующий год боги, а скорее, дьяволы, покровительствующие своим выученикам, наказали победителя: один из

его военачальников поднял мятеж, и жизнь великого полководца завершила свой бег. Во время смуты соратник Нобунага Токугава Иэясу оказался почти без прикрытия в опасной близости от войск мятежника. Возникшей ситуацией мгновенно воспользовался глава одного из кланов Ига Хаттори Хандзо, который быстро мобилизовал несколько сотен ниндзя и спас князя. Интуиция демона не подвела Хаттори: Токугава стал сегуном Японии, а ловкий ниндзя — главой его секретной службы.

Правление Токугавы положило начало мирному периоду развития империи. Ну а поскольку энергичные демоны могли раз-



рушить установившееся равновесие, новый властитель под страхом смерти запретил не только практиковать ниндзюцу, но даже и упоминать о нем. Немногие оставшиеся верными своему семейному делу невидимки на протяжении веков в глубокой тайне сохраняли отверженное искусство. И вот теперь энтузиасты пытаются возродить в Японии прежние знания и умения.

Обычно представление о ниндзюцу черпается из кинофильмов, где ниндзя в неизменно черной одежде чаще всего упрямо побеждает своих врагов. Конечно, в кинолентах проскальзывают отдельные элементы ниндзюцу, но только проскальзывают, не более, ибо законы игрового кинематографа требуют красочности, а реальная практика — эффективности.

К ЕМ ЖЕ все-таки был настоящий ниндзя? Человеком, который считал, что слово «невозможно» к нему не относится. Старинное изречение гласит, что есть неправильный путь, но нет безвыходного положения; вся жизнь и тренинг ниндзя подтверждали эту извечную истину. Человек рождался ниндзей, вс-

питывался невидимкой и умирал демоном.

Тренинг молодого лазутчика начинался с первых же дней его появления на свет, чем существенно отличался от традиционного воспитания. Специальный массаж давал направление развитию тела, а театральный демонизм порождает храбрость на грани со сверхъестественностью; рефлекторные движения подгонялись под защитные техники, а игры в воде развивали легкие и совершенствовали координацию движений. Ребенок учился ходить с завязанными глазами по тонкому бревну и сохранять равновесие на шаткой опоре; подобно молодому зверьку, лазил по скалам и деревьям и застывал в неудобной позе под знойным солнцем или хлещущим по голому телу ливнем. Особое внимание в общефизической подготовке уделялось выносливости, причем обязательной дисциплиной считался бег по пересеченной местности, которым, кстати, почти не занимались во многих других воинских искусствах восточно-азиатского региона. Бег сочетался с развитием наблюдательности и сообразительности, для чего трассу обычно оборудовали специальными ловушками.

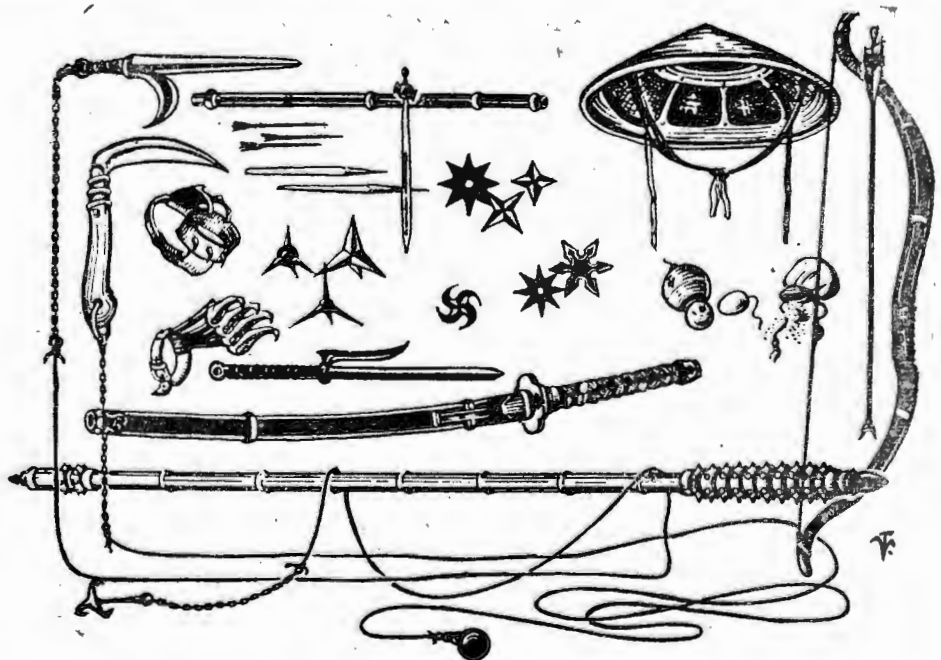
Не был забыт, разумеется, и рукопашный бой (тай-дзюцу), сочетающий в себе стандартные методики самураев с колдовскими разработками (вроде боя стихий или удара отсроченной смерти) божественных ямабуси. Кроме схватки пустыми руками, опытный невидимка владел и тремя основными оружиеми самураев (меч, лук, копье), а также дзюжиной других специальных снарядов и приспособлений. Надо сказать, что во многих группах (исключая специфично

террористические) работу оружием обычно не поощряли, ибо применение последнего подразумевало, что ниндзя обнаружил себя, а значит, сработал нечисто, поставив под удар свою тайную миссию.

В обширнейшую программу подготовки невидимки обязательно входили разнообразная, в том числе и трюковая, езда на коне, водный тренинг, включающий в себя плавание со связанными руками и ногами, бой в воде или в лодке, а также использование различных приспособлений вроде ласт и других портативных плавательных средств.

Кроме общей и специальной физической подготовки будущие супермены особыми упражнениями развивали остроту пяти чувств и в конечном итоге выходили на осознание знаменитого шестого чувства (гокуи), позволяющего ощущать опасность и предвидеть надвигающиеся события. Тренируя наблюдательность и память, лазутчики изучали «чтение людей» и психологию поступков, умели изменить свой облик, владели различными ремеслами. Каждый из них, умел приготовить и использовать ослепляющие, зажигающие и взрывчатые смеси, разбирался в ядах и медицине.

Обретя ловкое тело, острые чувства и быстрый ум, молодой воитель вливался в ряды бойцов своего клана и использовался в различных акциях. Но для некоторых это было только началом их долгого продвижения по сложному, опасному и тайному пути нин-по. Дальнейшее совершенствование истинного ниндзя затрагивало психо-философские моменты, позволяющие ему по-новому взглянуть на мироздание и свое



Оружие ниндзя

место в нем, внести космическую суть в земные дела и изменить представление о собственных силах и возможностях.

Следуя по стопам ямабуси, ниндзя основывали свои тайные знания на тантрическом буддизме, развивающем представление о единстве человека и космоса и специфичной божественной (энергетической) структуре этого единства. Чтобы пробудить в себе нужную энергию, использовали три таинства, включающие должное мысленное представление (нэрики), звуковое заклинание (дзюмон) и определенное переплетение пальцев (кудзи-ин). С помощью этого творились подлинные чудеса: ниндзя мог сделать себя невидимым и превратиться в природную стихию, мог удесятерить силы или резко убыстрить бег, мог мгновенно просчитать сложную ситуацию и настроиться на предвидение грядущих событий.

И вот прошедший этот уровень подготовки демон вливался в тeneвую структуру группы, во главе которой стоял дзенин — ниндзя высшей категории, понимавший суть вселенских законов и с учетом своего клана предлагавший разнообразные услуги клиентам — поставку нужной информации, создание настроения в народе, устранение опасных лиц. Дзенин управлял средним командным звеном (тюнин), в которое входили ниндзя, прошедшие повышенную подготовку; они осуществляли руководство текущей работой, разрабатывали конкретные акции, вербовали осведомителей, создавали шпионские сети, участвовали в наиболее сложных операциях. Тюнин имел в своем распоряжении десятки и сотни гэнин, рядовых агентов, обладающих отлично тренированным телом и уникальной способностью выполнять практически любое задание.

Надо сказать, что некоторые ниндзя работали в одиночку, объединяя в себе все три вышеупомянутые категории демонов.



ОСНОВНЫМ условием деятельности любого лазутчика была тайность, невидимость, и его экипировка полностью соответствовала этому требованию.

Поскольку наиболее подходящей для действий считалась ночь, одежда ниндзя была оттеночно черной (зимой — белой), а лицо прикрывала специальная капюшонообразная маска. В качестве обуви использовались мягкие туфли с расщепленными для лучшего зацепа носками и подошвой. Иногда под одежду надевали кольчужку, а надлобье прикрывали небольшим кинжалом. Одежда ниндзя скрывала массу карманов и петель, ибо хороший лазутчик нес с собой изрядный запас универсального оружия и приспособлений, таких, как бросаемые на пути преследователей железные ежи тэцубиси, у которых, как бы они ни упали, одно острое обязательно смотрело вверх и легко пробивало соломенную обувь противника, или знамени-

тые метательные звездочки сюрикэн, непременно поражающие цель.

Проникая на вражескую территорию, лазутчик старался оставаться незамеченным и использовал специальные типы ходьбы, отличающиеся быстротой, бесшумностью и запутанностью следа, так что стороннему человеку было трудно определить, кто и в каком направлении прошел. Обманывая или отвлекая внимание охраны, он просачивался в охраняемые резиденции через, казалось бы, недоступные места. Такие вылазки обычно осуществлялись для подслушивания важного совещания, кражи документов, устранения опасного сановника или создания паники.

Особой изощренности требовали покушения на крупных феодалов, которых тщательно охраняли. Известен, например, случай, когда, охотясь за князем, ниндзя никак не мог найти уязвимое место, пока не обратил внимание на то, что во время прогулки в саду тот по обыкновению нюхал цветы. Дальнейшее было делом техники: он насытил цветы ядом, вдохнув который эстетствующий князь занедужил и вскоре скончался. В арсенале методов покушения были и снайперский выстрел из засады, и отравление пищи, и подбрасывание в опочивальню ядовитых животных, и использование «смертельного касания», и провоцирование ссоры. Завершая акцию, лазутчик неуловимо исчезал, чему значительно способствовали тщательно разработанные тактики ускользания, основанные на китайском представлении о пяти первоэлементах (земля, вода, дерево, огонь, металл), которые реализовывались как активно (выплескивание горячей воды в лицо преследователя), так и пассивно, превращением себя, к примеру, через технику кудзи но хо в камень на фоне ночного пейзажа.

Ниндзя могли многое, но не все. Их репутацию серьезно подмочили различные уголовные элементы, скрывающие под черной маской невидимки свое алчное лицо и использовавшие некоторые трюки из техник ночных демонов в корыстных целях. Не смогли удержаться на пути истинного нин-по и отдельные ниндзя. Так, одним из популярных разбойников средневековой Японии считался Исикава Гозэмон, предпринявший несколько хитроумных попыток уничтожения властителя, но пойманный и жестоко казненный за воровство.

Время изменило многое, в том числе и ниндзюцу. Предки великих ниндзя стали обычными селянами, точно так же, как раньше простые селяне пытались с необычайным упорством взойти на тернистую тропу непостижимого невидимки. Великий путь тайного управления событиями ушел в небытие, но это совсем не означает, что многое из него ныне бесполезно.

От редакции. В ближайших номерах журнала мы планируем дать несколько уроков ниндзюцу. И потому поклонникам этого вида восточных единоборств лучше всего подписаться на наше издание.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Ну и пусть вокруг все плохо и грустно, Новый год — все равно самый лучший праздник! С Новым годом, дорогие подруги! А он обещает быть самым веселым, самым бесшабашным и самым непредсказуемым — еще бы, год Обезьяны! Те, кто родился в 1920, 1932, 1944, 1956, 1968, 1980 годах, могут рассчитывать на удачу.

В год Обезьяны, считают японцы, рождаются люди, которых можно назвать беспорядочными гениями. Умные, способные в предприятых большого масштаба, они великолепные работники во всех областях, где требуется сообразительность и осведомленность. Обезьяна изобретательна и оригинальна, она способна решать самые трудные проблемы с удивительной быстротой, но если она не начинает работать сразу, то может бросить все, так и не приступив к делу. Обезьяна общительна, и создает впечатление, что она со всеми ладит, на самом деле она нередко плохого мнения о других, считая себя выше всех. Несмотря на это Обезьяны любят, хвалят их за умение, талант и гибкость.

Можете использовать гороскоп Обезьяны для шуточных новогодних предсказаний своим друзьям и гостям.



ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ЕЛКА

Главным украшением праздника, конечно же, считается елка — зеленое, колючее чудо, пахнущее лесом и морозом. Но лесной гостье в доме жарко, душно, и, чтобы она жила подольше, надо за ней ухаживать. Лучше всего поставить елку в ведро с водой, добавив чуть-чуть глицирина или пол чайной ложки мочевины (огородное удобрение). Не забудьте срезать нижний конец ствола. Можно поставить ее и в ведро с влажным песком. Но если уж помещаете елку на крестовину, то до этого опустите ее на время в воду с глицерином, а потом на стволе сделайте разрез и вложите туда шерстяную влажную тряпочку.

Покупку елки, конечно, надо поручить мужчинам, а украшать ее лучше всей семьей. Даже самые маленькие могут участвовать: вынимать игрушки из коробки, протирать их. Пусть дети смастерят бусы, флажки, гирлянды, фонарики, шары из цветной бумаги, фольги. Особенно нарядны и интересны снежинки из папиросной бумаги, фольги. Сложите любого диаметра

круг в несколько раз по радиусу и полученную фигуру вырежьте острыми ножницами по краям — фантазия тут у каждого своя. Затем разверните — получатся снежинки.

Ну а как быть, если елку не удалось купить на базаре? Ну и пусть остается в лесу! А мы пофантазируем. Несколько еловых веток скрепляем тонкой проволокой, украсим такую гирлянду яркой лентой, мишурой и подвесим над окном или дверью — вот вам и новогодний наряд.

Небольшой букет из еловых или сосновых лапок вперемешку с сухими ветками других деревьев рекомендуем разместить прямо на праздничном столе. Ветки эти можно покрыть «инеем» (см. наш журнал за март прошлого года). Можно их и «снегом» обсыпать — нужен только клей и измельченный пенопласт.

С помощью тонкой проволоки придадим красивый изгиб мишуре, серебряному дождю, добавим один блестящий шарик и маленькую свечку — готова праздничная композиция.

А еловые и сосновые шишки?! Усыпанные снегом (тот же пенопласт), подвешенные на стену с помощью яркой ленты, они создадут колорит хвойного зимнего леса.

Словом, в каждом доме своя выдумка, творчество — и праздник наступит!



НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Давайте понаблюдаем попристальнее за зимой-матушкой. Она зачастую верно и почти безошибочно рассказывает нам о том, какими будут весна и лето.

По народным приметам можно в декабре выдать и более близкий прогноз. Примечали, например, изменение погоды по церковным

праздникам. Так, если на Парамона (это 12 декабря) лежит снег — будут метели до зимнего Николая — до 19 декабря. А если взошла багряная заря в этот день — жди ветров.

Если на Анну-зимнюю (22-го) лучисто и светло — к ясному и морозному 31 декабря, хмуро и на деревьях иней — к пасмурному и теплему новогодью. Еще один святой подтверждает

прогноз на праздник: если на Спиридона, т. е. 25 декабря, солнечно — Новый год будет ясным и морозным. Если этот день хмурый и на деревьях иней — к пасмурным и теплым дням в конце месяца.

И еще: если на Агея (29-го) день со светлым инеем — жди завтра ясный день. А вот если в этот день снег к заборам плотно привалил — лето плохим будет.



ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ

Вы обратили внимание, как катастрофически увеличивается число рыбаков! А рыбы в обратной пропорции — все меньше и меньше. Самое время добычливого супруга-рыбака всячески поощрять, а его драгоценные уловы использовать суперрационально. Какие уж тут кошки! Все — в дело. Из мелочишки — шпроты, из хвостов, плавников, голов — уху. А если очень повезет и в улове окажется добыча посolidнее, давайте сделаем... балык. Обье-денье! К тому же хранится он сколько угодно, даже и не в холодильнике. И так...

БАЛЫК НЕ ИЗ ОСЕТРА, НО ВСЕ ЖЕ. Наилучшая рыба для балыка, конечно, сом, но вполне годятся и более-менее приличные карпы, толстолобики, белые амуры, чехонь. Чистить их не надо (ура!), только выпотрошить и промыть внутри, у очень уж крупных сделать надрезы вдоль хребта. Щедро начинить лавровым листом, перцем-

горошком, солью (лучше крупной), а также набить солью жабры. Уложить в ведро или кастрюлю слоями, перекладывая лаврушкой и перцем и — под тяжелый гнет. Деликатес готов к употреблению уже через несколько дней. Перед едой его надо хорошенько промыть и вымочить по вкусу.

Приготовим к новогоднему столу и иные закуски. Экзотические. Например, икру. Заморскую почту.

ИКРА ГРИБНАЯ. Сюда пойдут любые сухие грибы. Вымачиваем их в теплой воде, обжариваем на сковороде, смешиваем с луком, добавляем соль, перец по вкусу. Провернули всю массу через мясорубку, заправили растительным маслом — и икра готова.

ИКРА СЕЛЕДОЧНО-СЫРКОВАЯ. Полкило селедочного филе замочить на час в молоке, повернуть через мясорубку вместе с 3 плавленными сырками, добавить 150 г сливочного масла, хорошо перемешать и, пожалуйста, — еще одна икра. Хотите еще?

НАПИТКИ К НОВОГОДНЕМУ СТОЛУ

Не будем ханжами: если на новогоднем столе красуется «Советское шампанское» (оно еще пока не самое худшее в мире), то настроение под звон бокалов с шипучим игристым вином повышается. Мы же предложим несколько вроде бы детских, потому как безалкогольные они, однако по-праздничному красивых напитков.

ХВОЙНЫЙ АЙС-КРИМ.

Компоненты: мороженое (200 г на 4 порции), апельсиновый сок 300 г, малиновый сироп 150 г, веточки хвои. Несколько еловых или сосновых иголок растираем в ступке с малиновым сиропом, потом остатки иголок удаляем, а сироп аккуратно, по лезвию ножа переливаем на дно высоких бокалов для коктейля. Затем так же осторожно, чтобы не смешать, вливаем охлажденный апельсиновый сок (или любой сок цитрусовых — в год Обезьяны



это желателно). Сверху кладем мороженое (или кусочек льда) и до подачи на стол держим в холодильнике.

ЩУКА, ЗАПЕЧЕННАЯ В ДУХОВКЕ. При разделке ее не вспарывают брюхо, а отрезают голову и через отверстие в туловище вынимают внутренности. Теперь подготовим начинку. Основной ее может быть каша, например, гречневая, или рыбный фарш. В них добавляем много лука (пассируем), 1—2 крутых яйца, соль, перец по вкусу. Если начинка суховата — немного сметаны. Набиваем щуку начинкой, натираем сверху солью, обмазываем сметаной (или майонезом) — и на час в духовку. Только голову не забудьте «пристроить» — это самое главное украшение блюда. Можно и усы щуке сделать из зелени.

ИКРА ИЗ СУХИХ БАКЛАЖАНОВ.

Заготовленные впрок сухие баклажаны размочить в теплой воде, обжарить с растительным маслом, добавить жареный лук, томаты, соль, перец, повернуть опять же через мясорубку. Подавать на стол украшенной розочками из сливочного масла, веточками зелени.

КЛЮКВЕННЫЙ КРЮШОН.

Клюквы 200 г, сахарного сиропа 200 г, один апельсин, содовая или минеральная вода. Половину клюквы размять с сахаром, добавить тонкие ломтики апельсина (или любого другого фрукта, а можно и ягоды из консервированного компота), поставить в холодильник на час-полтора. Перед подачей на стол кладем кусочки льда, лимонный сок, минеральную воду.

Подавать такие напитки надо с соломинками, на стол ставить на заранее вырезанные разноцветные салфетки-снежинки. Положите под салфетку открытку с шутивными новогодними пожеланиями — и радости детишек хватит на весь праздник.



С Новым годом, дорогие участники клуба «Возможная встреча»!

И с новыми знакомствами!

Желаем вам обрести с нашей помощью интересных друзей, верных и нежных подруг и надежных рыцарей. А тем, кто родился в год Обезьяны, советуем выбирать знакомства среди Драконов, Мышей, Кроликов, Овца, Собак.

Хотим напомнить вам также коммерческую сторону деятельности клуба: за опубликование одного объявления — плата 10 руб., за один адрес заинтересовавшего вас абонента — 5 руб. Филиал клуба «ВВ» теперь будет действовать и в приложении к нашему журналу — газете «Ситуация». Оперативность информации здесь значительно выше, поэтому стоимость публикации объявления в газете — 25 руб., высылка одного адреса абонента — 5 руб.

Военнослужащие срочной

службы платят за услуги клуба, как и прежде, 5 руб. [за объявление] и 3 руб. [за один адрес].

Оплата услуг клуба производится по почте на адрес: 111250, г. Москва, Е-250, Коммерческий банк «Левфортовский», расчетный счет № 340616, МФО 201207.

Письма-объявления в журнал и в газету «Ситуация» и заявки на высылку адресов (вместе с квитанцией об оплате услуг) высылайте в редакцию журнала по адресу: 107120, г. Москва, Сырмятинский проезд, 8.

Клуб личных писем не пересылает — только адреса. Убедительная просьба — не присылайте, пожалуйста, деньги в конверте, они могут затеряться.

И главное — не забывайте, друзья, что встреча возможна!

000101—Г. Х.

Работаю воспитателем в детском саду, мне это нравится, потому что очень люблю детей и мечтаю стать учителем. Увлекаюсь современной музыкой, люблю петь, танцевать. Мне 18 лет, рост 154, брюнетка, по натуре добрый, отзывчивый человек. Способна понять других и помочь, если надо. Хочу познакомиться с веселым, симпатичным парнем до 23 лет, честным, умеющим дружить и так же, как и я, ценящим в людях доброту, преданность, уважение к другим. Отзовитесь, рыцари!

Гуля.

000103—С. В.

Симпатичная женщина, 25 лет, рост 155, надеется, что откликнется военнослужащий — офицер или прапорщик (неплохо если и с ребенком), который станет для нее спутником жизни. В людях мне нравится оптимизм, юмор. Вредных привычек у меня нет, немного шью, вяжу, люблю готовить (и умею!) и путешествовать. Жилплощадью обеспечена, но если придется — поеду в отдаленный гарнизон.

Светлана.

000104—А. И.

Мне 19 лет. Служу второй год. Сам по себе я парень веселый, со мной не соскучишься. И в других ценю чувство юмора. Люблю современную музыку, увлекаюсь фотографией, радиотехникой, рыбалкой. Очень хотелось бы познакомиться с веселой,стройной, милой девушкой 16—19 лет, ростом не выше 170. Отзовитесь, красавицы!

Толик.

000106—С. С.

Мне 20 лет, рост 180, атлетического телосложения, волосы светлые. Учусь на 4-м курсе военного училища, занимаюсь спортом, вредных привычек не имею. Через 6 месяцев стану лейтенантом, а девушки любимой нет. Вот и хотелось бы через наш клуб познакомиться с девушкой, которая не побоятся трудностей кочевой жизни.

Сергей.

000107—Н. Ж.

Клуб у вас, судя по возрасту участников, очень молодой, но уж очень названное оптимистичное: а вдруг и для меня возможна встреча! И поэтому: мне 28 лет (рост 164), стройная,

образование высшее техническое. Личное мое счастье длилось недолго — погиб муж, и я осталась одна. Хотела бы познакомиться с военнослужащим, ценящим в женщине стремление создать в семье атмосферу взаимопонимания, душевного тепла, а в доме — уют. Надежда.

000109—А. К.

Мне 17 лет. Живу в Подмосковье, очень люблю животных и поэтому работаю на звероферме, ухаживаю за лисами и норками, а дома держу собаку и кошку. Люблю и умею рукодельничать. Хочу познакомиться с верным, добрым и главное — честным юношей. Аня.

000110—В. М.

Знаю, что идеальных людей в жизни не бывает, поэтому стараюсь воспринимать человека таким, каков он есть. Хочу иметь семью, любить и быть любимой. Мне 22 года, украинка, работаю, замужем не была, детей не имею. Характер общительный, веселый, незабываемая. Хотелось бы познакомиться с военнослужащим от 23 до 28 лет. Виктория.

000111—А. Б.

Девчонок-то хороших вокруг много, а кто из них — та, твоя единственная?.. Почему-то думаю, что с вашей помощью это удастся выяснить. Мне 19 лет, рост 180, занимаюсь спортом, темно-волосый. А характер у меня веселый, спокойный.

Александр.

000113—А. С.

Может быть, ваш молодой клуб поможет мне найти верную и преданную подругу жизни?.. А они, уверен, есть! О себе: русский, 35 лет, рост 175, волосы темно-каштановые, глаза зеленые. Курю, спиртного не пью совсем. Разведен. Очень люблю детей, увлекаюсь музыкой, играю на баяне, недостаток — говорю правду в глаза. Служу в органах МВД, прапорщик. Жильем обеспечен. Не против, если у будущей знакомой есть дети. Для ребенка постараюсь быть хорошим отцом.

Алексей.

000114—Д. С.

Я — рабочий, зарабатываю прилично, увлекаюсь техникой, люблю фантастику, поп-музыку, есть у меня

брат, сестра, друзья... И в то же время я очень одинок и хотел бы познакомиться с девушкой 18—20 лет, желающей создать семью, скромной по характеру, умеющей понять чужую боль и принять человека таким, какой он есть. Семейную жизнь представляю как совместную работу мужа и жены, где все пополам — и дела, и радости, и огорчения. Кто из девушек думает так же — от той жду ответа. Коротко о себе: 21 год, рост 170, остальные подробности — при переписке и встрече.

Дима.

000115—Т. Н.

Мне 18 лет, рост 164, брюнетка, глаза серо-голубые. Русская. Занимаюсь спортом, люблю музыку, танцы. Хочу познакомиться в вашем клубе с военнослужащим — офицером или курсантом, так как несмотря на кошмарные публикации в печати уверена, что именно в армии настоящие мужественные парни, которые могут постоять за честь друга или подруги. Хорошо бы, чтоб мой будущий друг занимался спортом и любил детишек.

Татьяна.

000116—О. М.

Люблю театр, музыку, домашний уют и вместе с тем очень нравятся путешествия, узнавать новое — города, села, людей, страны, нашу историю. А по характеру я очень спокойная. И надеюсь встретиться в клубе «Возможна встреча» с таким же спокойным, уравновешенным человеком.

Оксана.

000117—Е. М.

Мне 20 лет, я студентка, увлекаюсь поэзией, театром, музыкой, умею создать домашний уют. Очень люблю рассказывать сама, но еще больше — слушать и очень ценю интересных собеседников. Уважаю людей умных и сильных, серьезно увлеченных каким-то делом. Буду рада, если на мое письмо откликнется человек, который посвятил жизнь нелегкому, да порой и неблагоприятному труду военного, который нуждается в дружбе, теплоте, понимании и просто в любви...

Елена.

Внимание участников клуба «ВВ»!
Абонент 000099 — О. К. [см. № 11—91 г.] аннулируется в связи с тем, что Ольга вышла замуж.

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ

Говорят, под Новый год что ни пожелаете, то все и сбывается. Задумайте и вы — а вдруг сбывается! Известный русский этнограф И. Сахаров собирал в прошлом веке веселые святочные и новогодние народные гадания. Проходят они обычно по вечерам, а то и в полночь. Вот некоторые из них.

Ну одно помнят все: как девушки «за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали». Потом выходят на улицу и смотрят: в какую сторону он обращен носком, там и замужем быть. Худой знак, если башмачок девушки лежит обращенным к дому — в этом году не быть ей замужем.

Под Новый год выходят девушки на перекресток с пирогом — суженого будут звать так, как того, кто первым придет пирог отведать.

Кладут под подушку гребень или полотенце, говоря: «Суженый-ряженный, причеши мне голову или приходи ко мне умываться, полотенцем утираться!» Будущий-то жених, по народному поверью, и явится.

Берут скорлупу грецких орехов, режут восковые свечи на маленькие кусочки, вставляют в скорлупу, пускают плавать в миску с водой. Потом каждая из гадающих зажигает свою свечу. У кого скорее всех сгорит свеча, та прежде всех замуж выйдет, а у которой дольше всех гореть будет или потонет — той замужем не быть.

Выходят девушки на улицу и говорят: «Залай, залай, собаченька, залай, серенький волчок!» В какой стороне услышат лай — там и замужем жить. Если лай около дома — недалеко выйдет, если далекий лай — выдана будет в чужую сторону.

А еще лучше посоветуем вам не гадать на кофейной гуще (такое гаданье под Новый год тоже очень эффективное бывает!), а обратиться в наш Клуб знакомств «Возможна встреча», помощь которого более действенна.

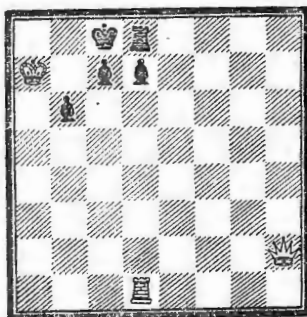
шахматный клуб

Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

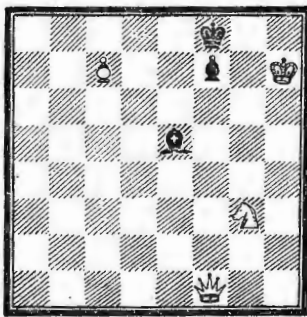
№ 4. М. Эйве, 1936

№ 5. Г. Заходякин, 1969

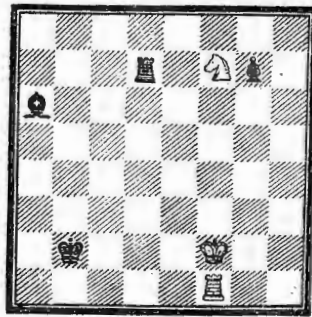
№ 6. А. Вотава, 1952



Мат в 2 хода



Мат в 3 хода



Ничья

Решения № 4, 5 несложны, но эмоциональны. Красота же, как известно, предпочтительнее трудности. Шлите нам свои решения, фамилии правильно решивших будут опубликованы.

Этюд № 6 чешского композитора А. Вотава — художественная находка. В этом легко убедиться, посмотрев решение: 1. Ke5 Ld2+ 2. Kpe3 Le2+ 3. Kpd4! Л : e5 и далее «душа» этюда — 4. Лf6! f g1, пат.

ШАХМАТЫ — ИГРА НАРОДНАЯ

Предлагаем ознакомиться с партией, игральной юными любителями шахмат в 1927 году, счастливо сохранившейся благодаря публикации ее в журнале «Мир приключений».

К. Выгодчиков — В. Евреинов. 1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kc3 Ce7! Игра развивается не по классическим канонам. 4. e4 d5 5. e5 Ke4 6. Фg4 g6 7. К : e4 de 8. Ф : e4. За пешку черные получили некоторую инициативу. 8... Сb4+ 9. Cd2 С : d2+ 10. Кр : d2 c5 11. Kf3 Кс6 12. Кре3 Фb6 13. d5 ed 14. cd c4+ 15. Крf4 Ф : f2 16. Фе2? Решающая ошибка, следовало принять жертву коня. 16... g5+ 17. Кре4 Cf5+! 18. Кр : f5 Kd4+. Белые сдались.

А теперь посмотрите любопытное окончание: белые — Крf4, п. e7, — черные — Крh3, п. h2, ход белых. Игравшие согласились на ничью. Правильно ли они поступили? Сообщите нам свое мнение.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Вслепую играли в шахматы более тысячи лет назад. Об этом мы знаем из арабских рукописей VIII века. В наш век почти все выдающиеся шахматисты мира пробовали свои силы в такой игре. Обычно число досок в сеансах одновременной игры вслепую не превышало 30. Но вот в 1947

году аргентинский гроссмейстер М. Найдорф ставит мировой рекорд — дает сеанс на 45 досках! В 39 партиях он побеждает, четыре завершает вничью и только две проигрывает.

Фантастично! Вряд ли следует говорить, что игра вслепую требует высочайшего напряжения и тяжелой умственной работы, соединенных с выдающейся способностью удерживать в памяти огромное количество информации.

Прошло 13 лет, и 27-летний венгерский мастер Я. Флеш демонстрирует новый мировой рекорд — дает сеанс вслепую на 52 досках, причем против квалифицированных шахматистов! Результат сеанса: 31 партию он выиграл, 18 свел вничью, три проиграл. Сеанс продолжался 13,5 часов.

После сеанса Флеш заявил, что на такое испытание можно решиться только один раз в жизни.

НАШИ СОВЕТЫ ЛЮБИТЕЛЯМ ШАХМАТ

Слабые игроки, не знающие, что они играют слабо, — это невежды, избегай их! Слабые игроки, знающие, что они играют слабо, — это рассудительные, помоги им! Хорошие игроки, не знающие, что они играют хорошо, — это скромные, уважай их! Сильные игроки, знающие, что они играют сильно, — это шахматные мудрецы, следуй им!



И НА ОШИБКАХ УЧАТСЯ

Как только у вашего ученика выработается условный рефлекс на команду «след», нужно исключить из упражнения появление помощника в дрессировочном костюме в исходной точке. С этого момента собака должна видеть его только в конце следового отрезка и исключительно убегающим в паническом страхе.

Начинать же упражнение теперь следует так. Собака с пристегнутым к ошейнику длинным, волочащимся по земле поводком — в положении «рядом». Вы подходите с ней к линии следа под прямым углом, с подветренной стороны. За три метра останавливаетесь, собака садится. Выждав пять—десять секунд, подаете команду «след» и одновременно жестом посылаете ученика вперед, сами оставаясь на месте. Едва собака, «наткнувшись» на след, остановится и, определив его направление, повернет в нужную сторону, подбодрите ее командами «хорошо, след», «хорошо». И двигайтесь за ней, не трогая поводка.

Постепенно увеличивайте следовые отрезки до 300—400 метров, задавая их количеством необходимой нагрузки на все занятие. Не гонитесь сразу за двумя зайцами — отработкой давности следа и его протяженностью, позднее у вас будет время заняться и этим. Причем особых труд-

ностей уже не возникнет. Пока же на коротких следовых отрезках малой давности предоставьте вашему четвероногому Пинкертону возможность приобрести опыт движения по запаховому следу.

Добившись четкой работы в облегченных условиях, усложняйте их (в том числе и условия местности). Почувствовав, что собака твердо встала на след, беритесь за поводок, но старайтесь не причинять ей рывками и натяжениями болевых ощущений: поводок должен свободно скользить в слезка сжатых в кулак пальцах левой руки. И пусть помощник пересекает тропы, дороги, ручейки — последовательно под прямым, тупым и острым углами.

Для того чтобы собака не переключалась на другие, «чужие», следы, практикуйте пересечение следа основного помощника вспомогательным. В качестве тренировки. Делается это так. Вспомогательный помощник в обычной одежде пересекает след основного и, пройдя 20—30 метров, останавливается за каким-либо укрытием. Если собака на пересечении пойдет по следу вспомогательного помощника, не мешайте ей и не останавливайте: горький урок — тоже урок, и на ошибках учатся. Ведь тот, кому принадлежит след, вряд ли заинтересует ее. Другое дело — большой, неуклюжий нарушитель в

дрессировочном костюме. Разобравшись, что ошиблась, собака повернет назад и, дойдя до пересечения следов, пойдет по прежнему запаху. Подобные упражнения с участием вспомогательных помощников позволят достаточно быстро и качественно решить проблему переключения собаки со следа на след. При условии, конечно, что вам постоянно будут помогать энтузиасты, облаченные в дрессировочные костюмы.

Впрочем, мы рассмотрели идеальный вариант с поиском потерянного следа. На практике все не так гладко, к сожалению. Собака может потерять след по разным причинам — угол, ветер, высокая скорость преследования, отвлекающие раздражители — и столкнуться с серьезными трудностями, сбившись с пути истинного. Как же помочь ей обнаружить «пропажу»? А вот как.

Между точкой на местности, где собака заметалась в поисках потерянного следа, и местом ее ухода со следа существует незримая запаховая дорожка, оставленная вами во время движения за учеником. Возьмите собаку на поводок покороче и, развернувшись на 180 градусов, постарайтесь как можно точнее пройти в обратную сторону по прежнему маршруту. В движении периодически подавайте команду «ищи след». Так вы дойдете до искомой точки, предоставив вашему питомцу возможность продолжить прерванное преследование. После неоднократного повторения этого несложного упражнения у собаки выработается условный рефлекс: при потере следа немедленно разворачиваться кругом, становиться на след хозяина и двигаться по нему до встречи с утерянным.

Воспользуйтесь предложенными советами, и уверяю вас, результаты не замедлят сказаться.

Полковник В. СЕВОДНЯЕВ,
начальник службы собак
Главного управления
командующего внутренними
войсками.

УКАЗАТЕЛЬ

ОСНОВНЫХ МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1991 ГОДУ

		№	стр.			№	стр.
В ОСОБОМ РАЙОНЕ							
АРТЮХОВ Е. Цхинвали мне запомнился таким...	5	2		БУБЕНЧИКОВ Ф. «В 82-м в Афганистан мы не вошли»	7	48	
БУЛГАКОВ Б. Из закавказского дневника	8	2		БУЛГАКОВ Б. На том стоим	12	2	
ВЛАСКО В. Приказано выжить. А как?	1	2		ГЕРАЩЕНКО В. В тряси́не инуриг	5	53	
ГЕРАЩЕНКО В. Зачем хоронят истину?	4	12		ГЕРАЩЕНКО В. Парадоксы самостоятельности	8	43	
ГОРЛОВ А. Генерал Нечаев и его сыновья	10	3		ГРИЕНКО А. Реформа политорганов: ожидания и обретения	6	37	
КАРПОВ Б. Азербайджан—Армения: стреляющая граница	7	2		ГУЛЯЕВ В. «Спасибо внутренним войскам!»	8	36	
КАРПОВ Б. Убит в Светлое Воскресение	8	7		ГУРОВ А. «Рынок породит криминальный шок»	3	34	
КИСЛЫЙ Ю. Когда спит разум	2	6		ДРОГНЕВ А. А в Вильнюсе называли «фашистом»	4	39	
КИСЛЫЙ Ю. Эта «странная» война	11	7		ЗАЙКА Л. В режиме чрезвычайного...	11	27	
КОРОВНИКОВ А. «Внутренние войска путчистов не поддерживали»	9	2		КАРПОВ Б. Две войны подполковника Чекмарева	5	48	
РАСЬКО А. «Уедете — начнется месть...»	11	11		КИСЛЫЙ Ю. Забастовка.. в роте	3	24	
СЕМЕНЯКА А. Кровь людская—не водица	6	2		КИСЛЫЙ Ю. Вызов	4	44	
УШАР А. Приговоренные к разоружению	3	2		КИСЛЫЙ Ю. Фанаты	8	32	
УШАР А. Подранки	9	7		КИСЛЫЙ Ю. «СВ»: «зона» на колесах	9	30	
				КИСЛЫЙ Ю. Застава	12	20	
				КОЗЛОВ И. Боль и тревога за «элиту ВВ»	4	33	
				КОРЖИКОВ О. Спецназ без камуфляжа	2	37	
ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ				КУЗЬМЕНКО В. На произвол судьбы	10	31	
АБДУВАСИКОВ А. Мы против республиканских «национальных армий»	3	32		НАГОРНЫЙ В. Наивные мечтания?	5	37	
АДОРИНСКИЙ В. Одиссея Георгия Иващенко	2	52		НИКОЛАЕНКО О. Школа «центурионов»	6	51	
АРТЮХОВ Е. Неподсудны?	2	46		ПЕЧЕВОЙ Л. Чтобы победить и уцелеть	5	41	
АФАНАСЬЕВ В. Фугасы под престиж службы	7	43		ПУТИЛОВ В. Две недели с «Коброй»	8	49	
АФАНАСЬЕВ В. Есть ли у офицера сберкнижка?	12	32		РЫЛОВ В. Где так вольно дышит... кубометр	12	36	
БОЛДИН И. Рывок... в никуда	7	31		СЕРОВ Е. «Профи» из Канады	2	55	
БОЛДИН И. Труба—дело	11	37		СИМОНОВ А. Что ожидает союзное МВД? Какими будут внутренние войска..	10	14	
БОРУКАЕВ Б. «Во главу угла—вопрос о безопасности народов...»	11	4					

№	стр.	№	стр.
СИМОНОВ А. — Почем нынче автомат?	11 31	ЗЛОТНИКОВ Р. Чертовщина (юмористический рассказ)	9 81
СОКОЛОВ В. «Социальная защита укрепляется»	7 38	ИГНАТЬЕВА М. На круги своя (отрывок из поэмы)	3 9
СТУДЕНИКИН П. «Заложником можно взять каждого из нас...»	10 34	КАСМЫНИН Г. Есть вопросы... (стихи)	10 20
УШАР А. Тайна дешифровки, или Агент 007 против Уральского управления	2 49	КИРИЛЛОВ Ю. Право на смелость (стихи)	8 10
УШАР А. С барского плеча	5 61	КОЗЛОВ И. Яснее дня (повесть)	6 16
УШАР А. Слабый пол под сильной охраной	11 39	КОНАНОВ А. Служивый (рассказ)	2 80
ХАЛЬЗОВ В. «...По-прежнему комиссары?»	8 39	КОРКОДЫМ В. Частности... (юмореска)	7 94
ХОМЯКОВ И. Жизнь без протокола	6 44	КРИСТИ А. Свидание со смертью (роман): №№ 10(57), 11(66), 12(68)	
ЧЕРКАСОВ А. Солдат ударился в бега, или О дефиците мужского воспитания	8 52	КРОХИН И. Стихи	12 54
ЧИБИСОВ А. Тепло вашего дома	5 58	ЛЯПИН И. Вот боль моя, вот совесть (стихи)	5 13
ШАХОВ А. Бюрократы при погонах	10 39	МАЛКОВ В. Овчарка Колли (басня)	5 92
ШАХОВ Г. Иван, помнящий родство	9 36	МАМОНТОВ В. Исповедь афганца (стихи)	7 8
ШУРУПОВ А. Не женское дело?	6 49	МЕЛЬНИКОВ В. Друзья (стихи)	7 9
ЯГОДИН А. Заклание	7 36	МУРАТОВ В. И метнулись тенями горы... (рассказ)	12 10
ЯСТРЕБА В. Сватовство поневоле	3 38	НЕТЛЕВСКАЯ Н. Без тебя... (стихи)	3 90
ЯСТРЕБА В. Бумеранг	12 29	НАЙДИЧ М. С полным правом (стихи)	9 14
		ПАНКРАТЬЕВ А. Стихи	1 8
		ПАНКРАТЬЕВ А. Ревматизм (пародия)	9 83
		ПИКУЛЬ В. «Барбаросса» (роман): №№ 1(33), 2(12), 4(16), 5(16), 7(10), 8(12)	
ПРОЗА, ПОЭЗИЯ		ПОДБЕРЕЗКИН А., ФАРТЫШЕВ В. Одинадцатая заповедь Джонса (политический детектив): №№ 5(72), 6(66)	
АГАДЖАНЫН С. Звезды на зеленом поле (фрагменты из жизни офицера)	3 10	ПОДНЕСЕНСКИЙ А. Красные капли дождя (повесть)	9 16
АРТЮХОВ Е. Поверка (стихи)	8 54	ПУГАЧЕВ В. Сны (стихи)	4 10
АНТУФЬЕВ Е. Опасная зона (стихи)	8 67	САЛОМАТИН В. Про барана (басня)	7 95
БЕЗУГЛОВ А. Тайна яхты «Элегия»: №№ 7(67), 8(69), 9(59)		СИЛКИН В. Стихи	9 58
БЕРЕЗОВСКИЙ Н. Старшина (стихи)	4 10	ТЕДЕРС Б. К той земле, что тройною любовью люблю (стихи)	6 13
БОГДАНОВИЧ А. Стихи	7 65	УСКОВ В. Женщинам далеких гарнизонов (стихи)	7 8
БОРИСОВ М. Стихи	2 2	УШАР А. Банька (рассказ)	12 64
БУТОРИНА Е. Поиски счастья (стихи)	3 90	ФАТЬЯНОВ А. След звезды (рассказ)	8 81
ВОЙНАКОВ А. Раз, два, три, четыре... (рассказ)	10 22	ЧЕЙНИ П. Голубой дракон (роман): №№ 3(65), 4(65)	
ГОНЧАРОВ В. Куда летит планета? (стихи)	11 17	ЧЕРКАШИН В. Стихи	4 11
ГРИНЮК М. Дело о лопате (юмореска)	7 94	ЧЕРНЕНКО В. Стихи	6 36
ГУРОВ А., РЯБИНИН В. Исповедь «вора в законе»	1 75	ЭСЕНОВ Р. Ворон — птица ночная (повесть): №№ 11(19), 12(55)	
ДМИТРИЕВ П. Третий не лишней (пародия)	7 94	ПУБЛИЦИСТИКА	
ДМИТРИЕВ П. Трудный хлеб (стихи)	10 55	АНДРЕЕВ А. «Серый генерал», или О чем молчат экспонаты в музее С. Бандеры	1 85
ЕРХОВ Е. Все, что со мною случилось (стихи)	12 8	АНДРОНОВ И. Алабамское правосудие	12 43
ЗЕЛЬЕВ А. Стихи	1 9	АСТАФЬЕВ В. «Заполнять верой души...»	9 48
ЗЛОТНИКОВ Р. Курортный сезон (рассказ)	1 10		

№	стр.	№	стр.
БОБРЕНЕВ В. Жернова репрессий	2	ЛОБОЦКИЙ А. «Арестовать. Ежов»	12 49
БОБРЕНЕВ В., ДУРНЕВ Ю. Кто скрывался в лесах?	3	ЛОКШИНЫ А. и Л. «Наш долг — предупредить»	1 25
БОРИСКИН А. Военные в правовом государстве	10	МАТОСОВ В. Дефицит совести, или Ошельмованная армия	7 52
ВОРОБЬЕВСКИЙ Ю. Денежная реформа. Кто ее боится?	1	МУРАТОВ В. В сорок первом, под Вязьмой	10 16
ГЕРАЩЕНКО В. Сколько углов у «круглого стола»?	9	МУРАТОВ В. Конъюнктура без-духовности	11 50
ГЛИВКА И. Мутный кристалл	1	ОВЧИНСКИЙ В. Больше тени — больше социализма?	10 42
ДУРНЕВ Ю. Жаркий июнь Новочеркасска	4	ПРОХАНОВ А., СУЛТАНОВ Ш. Измениться, чтобы выжить	10 47
ИВАНОВ А. Вернуть России имя	6	РЕЩИКОВ А. Идем туда — не знаем куда...	8 64
ИЛЬИН Д. Привержены патриотической теме	11	СКОБЕЛЕВ Э. Читая Троцкого: №№ 1(65), 2(67)	№№ 1(65), 2(67)
ИЛЬИН И. Что сулит миру расчленение России	1	СТАШКОВ А. Смерть «Хамелеона»	11 55
КАРПОВ Б. Подполковник Сергей Сийельников: «Я начинал не с нуля»	12	ТЕПЛИНСКИЙ В. «Меня волнует неразборчивость людская»	1 29
КОВАЛЁВСКИЙ А. Комиссар Петропавловской крепости	11	ЯСТРЕБА В. «Конвой» — слово военное	4 49
КОЛЕСНИК С. Прибалтийский гамбит	6	КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ	
КОСОЛАПОВ Р. «Бедная русская идея»	2	АЖАЖА В. НЛО: загадка XX века	7 90
КОСОЛАПОВ Р. Ленинизм: реквием не понадобится	4	ГЛАДКОВ М. Ушу — искусство и оружие: №№ 1(90), 2(92), 3(93), 4(89), 5(85), 6(87), 7(87)	№№ 1(90), 2(92), 3(93), 4(89), 5(85), 6(87), 7(87)
КУЗЬМИН Н. «Что им даст мое убийство?»	3	ГОРОЖАНИНА Л. «Против стресса — точечный массаж»	8 88
КУЗЬМИН С. Крестные отцы ГУЛАГА	7	РОНИН Р. Черные демоны	12 84
КУПЦОВ В. Время Алексея Рыкова	9	СЕВОДНЯЕВ В. О жизни собачьей: советы специалиста — №№ 1(94), 2(94), 3(95), 4(93), 5(95), 6(91), 7(92), 8(93), 9(94), 10(92), 11(92), 12(93)	№№ 1(94), 2(94), 3(95), 4(93), 5(95), 6(91), 7(92), 8(93), 9(94), 10(92), 11(92), 12(93)
ЛЕОНОВ Б. Беспамятство?!	5	ТОВКАЙ Г. Не мечом единым	9 84
ЛЕОНОВ Б. Служение истине	11	ТОВКАЙ Г. Айкидо — бой без насилия	10 84
ЛИТОВ В. Метят в Сталина, стреляют в Ленина	3		
ЛИТОВ В. Чем опасны пустые полки внешней политики	8		

ПАМЯТИ ТОВАРИЦА

19 октября 1991 г. скоропостижно скончался полковник в отставке член Союза журналистов СССР Ф. К. Гавриков.

Федор Кузьмич Гавриков родился 28 августа 1921 г. в дер. Криуша Сухиничского района Смоленской области. Вся его сознательная жизнь была связана с Вооруженными Силами СССР. В 1941 г. он окончил 2-е Тамбовское военно-пехотное училище, а в 1948 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе.

Великую Отечественную войну начал командиром взвода, закончил же боевой путь начальником 1-го отделения штаба 41-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта.

В послевоенное время Ф. К. Гавриков проходил службу на различных должностях в Сухопутных войсках. В 1970 г. назначается заместителем главного редактора журнала внутренних войск МВД СССР «На боевом посту». В 1974—84 гг. был главным редактором этого журнала.

Родина высоко оценила ратный труд воина и журналиста. Ф. К. Гавриков награжден орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, многими медалями Советского Союза. Он был примером добросовестнейшего отношения к работе во всех трудовых коллективах.

Память о Федоре Кузьмиче Гавриконе навечно останется в наших сердцах.

Коллектив редакции журнала «На боевом посту».

АЗЛК ЖДЕТ ВАС



Автомобильный завод имени Ленинского комсомола ПРИГЛАШАЕТ на работу жителей Москвы и Московской области и предоставляет возможность приобрести автомобиль "Москвич" в кредит на льготных условиях.

НАМ НЕОБХОДИМЫ: прессовщики холодной штамповки (мужчины и женщины) — автомобиль в кредит предоставляется после одного года работы; слесари-сборщики для работы на конвейерах; наладчики автоматических линий, роботизированных линий 4 — 6 разряда; станочники 4 — 6 разряда; слесари по изготовлению штампов и пресс-форм 4 — 6 разряда, для работы в инструментальном производстве; газосварщики и рихтовальщики (мужчины); сварщики на машинах контактной сварки (мужчины и женщины); маляры-шлифовщики (мужчины и женщины). Автомобиль в кредит предоставляется после двух лет работы. Режим работы двухсменный.



Наш адрес:
109316, Москва,
Волгоградский
проспект, дом 32,
отдел кадров.
Проезд:
ст. метро
"Волгоградский
проспект",
Телефоны:
276-84-60,
277-16-60.

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ **ПЛУТОН** *приглашает*

НАШ АДРЕС: 107120, МОСКВА,
НИЖНЯЯ
СЫРОМЯТНИЧЕСКАЯ УЛ., 11.
ТЕЛЕФОНЫ:
297-18-40, 227-00-25,
ДОБ. 2-42, 2-69.



Тех, кто еще не выбрал себе специальность, приглашает завод «ПЛУТОН», выпускающий микроволновую бытовую печь «Электроника».

Предприятию требуются: станочники — зарплата 700 руб., гальваники — зарплата 650 руб., работники с радиотехническими специальностями — зарплата 700 руб., электрогазосварщики — зарплата 600 руб. Всем работни-

кам завода выплачивается вознаграждение по итогам работы за год.

Не имеющие специальности приобретают ее в процессе работы на заводе.

Прибывшим на завод военным оказывается безвозмездная материальная помощь в размере 300 руб.

Желающие могут продолжить свое образование в завод-

ских группах техникума и институтов, а также быть направлены в институт с выплатой заводской стипендии в размере 150 руб. в месяц.

На заводе имеются комплекс современных медицинских, культурно-бытовых учреждений, спортивные и туристические секции, санаторий в Кисловодске, семейная база отдыха в зимнее и летнее время, пионерский лагерь, детский сад.